

**Низкий поклон
журналистам-фронтовикам
Кузбасса.**

**Не все из них дошли
до юбилейного Дня Победы,
но каждый приближал
его для нас.**

**Спасибо журналистам-
фронтовикам за все!**

**И вечная светлая память тем,
кого уже нет с нами!**

*Аман Тулеев,
Губернатор Кемеровской области*

БРАВЫЕ СОЛДАТЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Навстречу смерти им стелется
из амбразур горит,
Но прямо сквозь метелицу
идут богатыри.

Вы, звери, псы залетные,
смотрите до конца,
Как ярость пулеметную
закрыли их сердца.

КЕМЕРОВО, КЕМЕРОВСКИЙ РАЙОН

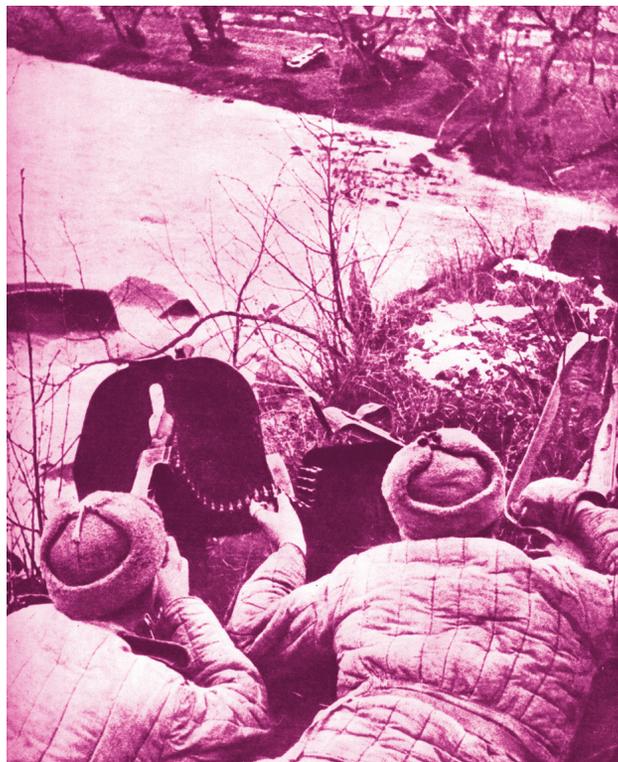
Таисия Шатская

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ

Александр Никитич Волошин — участник Великой Отечественной войны. Был опытным сапером и минером. Дошел до предместий Берлина. За боевые заслуги был награжден орденом Отечественной войны и медалью «За отвагу». После войны работал корреспондентом газеты «Кузбасс».

С 1948 года — профессиональный литератор. За роман «Земля Кузнецкая» удостоен Сталинской премии СССР. В 1950 году его приняли в Союз писателей. Умер в 1976 году в Кемерове.

Александр Никитич Волошин родился 31 августа 1912 года в Петербурге. 19-летним приехал на строительство Кузнецкого металлургического комбината, работал грузчиком, землекопом, бетонщиком. Был

запальщиком, отбойщиком на шахтах города Осинники, избирался секретарем Осинниковского горкома комсомола. Учился в Иркутском университете. Перед войной привез на сессию рассказ, написанный карандашом в тетради по арифметике, и принес его в местный Союз писателей. Дежуривший в тот день молодой литератор Георгий Марков сказал, что способности Волошина в творчестве несомненны.

Журналисту Юрию Баладину он запомнился кряжистым, крепким фронтовиком с густым басом, спокойным и суровым на вид человеком, в котором сразу угадывалась недюжинная сила.

При первой встрече он поразил Баладина своим знанием шахтерской жизни, рассказывая о ней, умел высекать чудесные искорки. Когда он читал главы из киносце-

нария о шахтерах, слушателям нравилась его манера иронизировать, большая душевная щедрость, любовь к своим героям.

Геннадий Емельянов, известный в Кузбассе писатель, вспоминал о Волошине, как о человеке широкой души, небывалой щедрости, умевшем веселиться и дарить радость людям. К примеру, была с ним вот такая новогодняя история. Падает разлапистый снег. И чудится, будто он шелестит. А у кинотеатра «Москва» стоит ошеломленная публика. Она видит, как под елкой топчется, чтобы согреться, крупный мужчина в дорогой шубе и приглашает честной народ выпить и закусить по случаю Нового года. В ногах у него не мерено водки, на ветках висят круги колбасы, лимоны, а для детей припасены конфеты в фантиках.

— Подходите, земляки, Волошин угощает!

Угощались, благодарили, хвалили за щедрость.

Про свою главную книгу «Земля Кузнецкая» Александр Никитич говорил шутя: «Писал ее всю жизнь и два года». Роман отразил его главные впечатления, симпатии и антипатии, а в центре его он поставил тех кузбассовцев, кто побывал на фронте и вернулся на родную землю, чтобы преобразовать ее в мирную пору.

Именно с Волошина началась писательская организация Кузбасса, тогда появилась целая поросль молодых литераторов, каждого из которых поддерживал Александр Никитич.

Сам он продолжал писать, выпустив в свет романы «Дальние горы» и «Все про Наташку».

Незадолго до смерти он написал повесть о войне. Называлась она «Зеленые дворики». Вся суровость фронтового бытия

Александр Никитич Волошин

встала без прикрас. Строки пропахли солдатским потом и кровью. И сразу начались разговоры о том, что Волошин не исчерпал себя и способен создать нетленное. Но не создал, умер, зарыт глубоко в Кузнецкую землю. И только мемориальная доска с его профилем на улице Весенней напоминает о нем, да еще романы, статьи на пожелтевших страницах газеты «Кузбасс».

ОДИННАДЦАТЬ

Эти строки написаны к тридцатилетию Победы, то есть в 1975 году. Тогда в редакции газеты «Кузбасс» было одиннадцать фронтовиков. Но пусть написанное о них много лет назад останется без изменения.

Одиннадцать... Мы спорим с ними на планерках, шумим на собраниях, привыкли

Валентин Алексеевич Калачинский

к их фамилиям в газете. Это наши товарищи. Большинство с ними на «ты». Их только одиннадцать. А могло быть вдвое и втрое больше. Восемь фамилий журналистов навсегда перешли с живых газетных страниц на печальный мраморный лист. Вот эти фамилии: Б. Еремеев, В. Кондаков, А. Кудрявцев, В. Олейников, В. Никитин, А. Миляев, Г. Носковец, В. Мызо. Последний — Герой Советского Союза.

Бывший корреспондент газеты «Кузбасс» А. Волошин стал писателем, лауреатом Государственной премии. Вернувшись с фронта, он заново открыл для себя и для всего мира (его первая книга переведена на десятки языков) родную Землю Кузнецкую.

Бывший заместитель редактора газеты

«Кузбасс» фронтовик Ю. Баландин любил вспоминать, как в первые послевоенные годы прогибались половицы старенького здания редакции под сапогами недавних солдат, боевых собкоров «Кузбасса» Н. Дубинина, И. Балибалова, Г. Краснокутского, М. Небогатова, Г. Умнова, как прихорашивались, завидя их, редакционные машинистки.

Одиннадцать участников Великой Отечественной войны — это самые молодые солдаты военных лет.

С первого курса Уральского индустриального института ушел на фронт Валентин Калачинский. В те дни к Свердловскому обкому комсомола тянулась длинная очередь.

— Сколько лет? — спросили Валентина.

— Семнадцать с половиной.

Есть такая книга «Мы из Игарки». Ее написали пионеры под руководством Максима Горького. Валя Калачинский — один из авторов этой книги. Пламя пионерских костров, чувство локтя товарища — это «Мы из Игарки». Крепкая дружба, чувство коллективизма — это «Мы из Игарки». Такая закалка на всю жизнь.

...Когда началась атака, Валентин выскочил из окопа. Над головой, в воздухе, разорвался снаряд. Свалился назад в окоп, а сам слышит:

— Калачинского убило!

— Ну, раз слышу, значит жив, — подумал.

Подбежали ребята.

— Я сам, — сказал.

Атака. Все заняты. Сам дошел до перевязки. Два осколка в двух местах начисто левую руку перерезали. Помнит Валентин снег и жажду. Помнит, как попил из подковки на дороге. Потом — санчасть, госпиталь, потом — родная Игарка...

Двадцать два дня и еще четыре с половиной месяца пробыл он на фронте. Первый раз ранило под Ельцом в правую руку, второй — под Оршей в левую. Накануне тридцатилетия Победы Валентину Алексеевичу Калачинскому, заведующему отделом промышленности редакции газеты «Кузбасс», вручена боевая медаль «За отвагу». В редакции по этому случаю вывесили плакат, сердечно поздравили товарища.

Если бы спросили в машинном бюро редакции, с чьей рукописью приятнее всего иметь дело, девчата бы сказали:

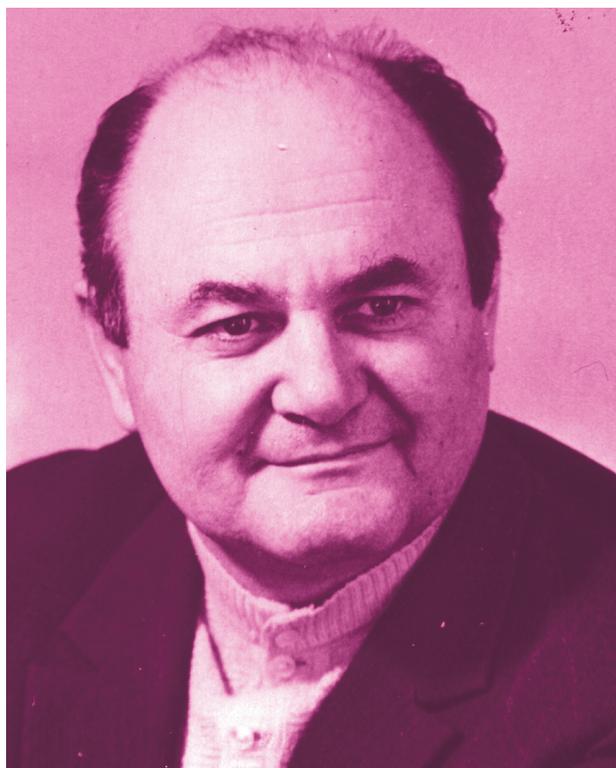
— Лучший почерк у Калачинского.

Четко, ясно пишет и, добавим, мыслит Валентин Калачинский, и его рукописи шли прямо в набор. В городской заполярной газете было всего два сотрудника: отец — заведующий промышленным отделом да сын-фронтовик. Вот что значит «Мы из Игарки». Специальное высшее образование журналиста Валентин Калачинский получил позже в Уральском государственном университете.

Журналисты, знакомые с этим человеком, поймут, как ответственно писать о нем: столь цельно в нем чувство правды и столь естественна его скромность, а потому, не дай бог, оступиться ни в детали, ни в частности. Как впрочем и в строках о любом из этих одиннадцати.

— Что в памяти? Страшная усталость, — сказал Владимир Бобров.

Он тоже уходил на фронт семнадцати с небольшим лет вслед за отцом. Сначала догонял фронт. Под Донецком был ранен. После госпиталя в составе гвардейской Сталинградской механизированной бригады освобождал Одессу. Советские войска к тому времени уже форсировали Днепр, а здесь был настоящий слоеный пирог: наши

Владимир Яковлевич Бобров

— фашисты, наши — фашисты... Непролазная грязь, всюду брошенная техника и непрерывный поход, когда еле тащишь ноги из грязи, когда мины рвутся вокруг, а ты даже не пригибаешься и мечтаешь об одном: «Поспать бы...»

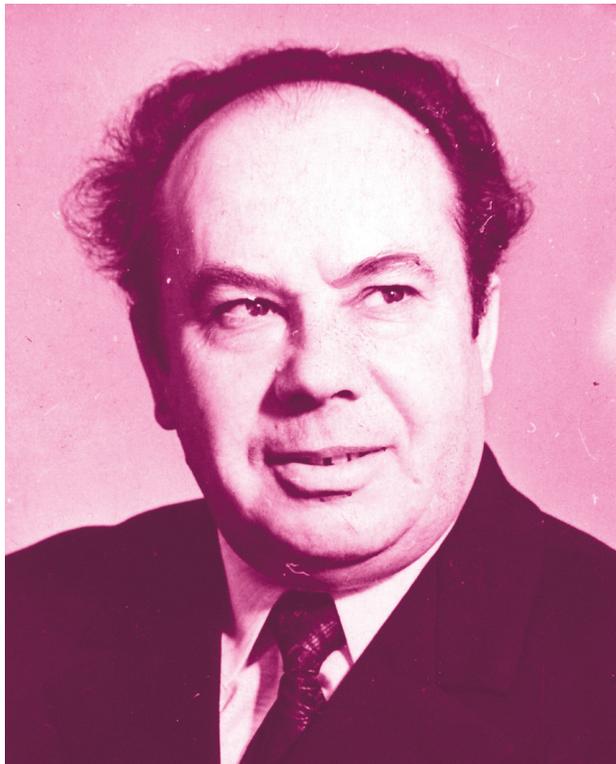
Война — это трудно — формулировка журналиста Владимира Боброва.

Молодой был, не мог с убитого фуфайку снять, а в результате замерзал в обледенелом окопе. Война и вошь. Война и холод. Война и воспаление легких...

— Парни выдрали кошму из-под сиденья автомашины, подстелили мне...

Скажет, к примеру, такое и вдруг с азартом:

— Старичок был у нас, Максим Леонтьевич Кирющенко.

Александр Пантелеевич Морозов

С этим связано воспоминание о Яско-Кишиневской операции, в которой «старичок» стал Героем Советского Союза. Но не этот факт и не детали боевой операции, человечность старшего фронтового друга запомнил журналист. Вижу его глазами картину за картиной: фашисты пустили табуны лошадей, а сами — следом за ними; колодцы вдоль разбитых дорог и лошади вокруг: чуют воду, а напоить некому.

Прошли Болгарию. Вступили в Югославию. Механизированные части двигались по горным тропам, люди висели на технике, как противовес.

Победу встретили на даче под Будапештом. Грядки клубники. Рядом Дунай. Устроились, как боги. Рояль на радости приволокли. Хотя играть никто не умел...

В меткости взгляда и точности оценок, в эмоциональном настрое и образности разве не виден будущий журналист?

Между прочим, он вполне мог встретиться на фронтовых дорогах с Александром Морозовым.

Механизированная часть, в которую попал Саша Морозов, когда ему тоже не было еще восемнадцати лет, одна из первых получила звание Гвардейской за бои под Ельней. Правда, это было до него. Но позднее он освобождал Украину, Донецк, Запорожье. Отличился в боях под Будапештом, за что был удостоен ордена Красной Звезды. Освобождал Австрию.

Когда кончилась война, старшему сержанту Александру Морозову было чуть за двадцать. У него был, судя по фото, распрекрасный чуб. И вполне возможно, товарищ по перу Владимир Бобров из-за этого самого оставшегося лишь на снимках чуба не узнал тридцать лет спустя товарища по оружию.

Когда Саша Морозов входил в Вену, она была в белой пене садов. Весна. Цветенье. А рядом — смерть. Прорывались за озеро Балатон, и мальчишки с подвернутыми рукавами великоватых гимнастеров оставались на земле (накануне он был вместе с ними на комсомольском собрании)...

Три десятка лет читателям «Кузбасса» была знакома подпись «Фото П. Костюкова». Петр Павлович попал на фронт по комсомольскому набору. Войну встретил в Кронштадте...

Когда уходил Балтийский флот, море кипело людьми. В истории Великой Отечественной войны этот факт известен как Таллинский переход, в личной жизни Петра Костюкова — как он первый раз выбрался из лап смерти: подвернулся спасательный

круг, потом подобрали «морские охотники». Разлив. Черная речка.

Шлиссельбург. Чудское озеро. Эти исторические названия долгие годы звучали для Петра Павловича, как боевой бой часов, отсчитывающих минуты жизни. Шестая морская бригада, в которой он перенес блокаду Ленинграда и освобождал Эстонию, в его памяти, словно мясорубка. Морская форма, в руках винтовка без штыка... С криком «Ура!» и, поистине, на ура шли в атаку моряки.

А вражеские самолеты летят и летят, бросают по тридцать бомб...

«Любой ценой» это называлось.

И снова ушел от смерти Петр Костюков. Только унес в спине осколок.

В то время, когда моряк Петр Костюков шел в атаку, в сибирском городе Уяре на вокзале провожали на фронт очередную партию молодых ребят самого юного 1926 года рождения. Шел концерт. «Ведь ты моряк, Мишка!» — пел парень из концертной бригады. Среди отъезжающих был ефрейтор Максим Щербаков. На курсы младших командиров в Мариинске он попал, когда ему не было даже семнадцати лет. Долго стучали колеса товарняка, а в голове все звучало: «Ведь ты моряк, Мишка!» И все всплывало в памяти лицо пожилого барабанщика, что навзрыд рыдал на вокзале: ведь ехали совсем мальчишки...

На одиннадцатые сутки — Ленинград. Строем прошли по городу: все разбито, разрушено, окна заделаны фанерой. Снова погрузились в вагоны. А когда остановились ночью, только заметил будущий журналист название станции Токсово, как обрушился гул вражеских самолетов, как ударили наши зенитные батареи.

Несколько дней в обороне. Жестокий

Петр Павлович Костюков

бой за безымянную сопку. Взятие лесопилки, где всюду были прощальные надписи и не было ни одного человека. Ранение. Потом так называемые бои тактического характера. В память об этих боях в Выборге между рядами смородиновых кустов братские могилы по 40-50 человек.

Заведующий отделом пропаганды газеты «Кузбасс» Максим Гаврилович Щербаков избрал своей главной темой в журналистике военно-патриотическое воспитание. По его инициативе был создан внештатный отдел оборонной работы, часто собирались ветераны Великой Отечественной войны за «круглым столом» «Кузбасса», вышли книги «Достоин звания Героя», «Фронтовики, наденьте ордена!», «Солдатское поле».

Личные впечатления военных лет в дан-

ном случае явились непосредственным толчком к определенной тематике. Но не все журналисты-фронтовики писали о войне.

Заведующий отделом сельского хозяйства редакции газеты «Кузбасс» Петр Тимофеевич Аносов был старше остальных десяти. Учитель довоенных лет, он оказался в армии, когда началась война. Прошел основательную воинскую подготовку в Тамбовском артиллерийском училище. Получил звание младшего техника-лейтенанта, был парторгом батареи и командиром взвода. Воевал в Заполярье. Ему, как и Петру Павловичу Костюкову, памятливы винтовки без штыков, с которыми ходили в атаку. Памятен случай, как ножом разжимали руки живого Саши Дронова, закостеневшие на пулемете. Было так: срежет Саша цепь фашистов, перед ним — вторая, впечатление такое, что мертвые встают. До войны был Саша Дронов артистом Ленинградской эстрады...

Бурных боев в военной судьбе Аносова, как он считал, не было. А вот руки обмораживал, в госпитале лежал, и похоронку на него мать получала. Как же война сказалась на его характере и журналистском труде?

— Лежал рядом с трупами. Вот покуришь с товарищем, а его уже нет... Это и дало, думаю, некоторую резкость оценок, поступков, высказываний. Приезжаю в село. Снег. Дождь. Кто-то кричит: «Вон как трудно!» Чувствую, как отбрасывает меня в этот момент в прошлое. Помню, как вздулись у меня руки, как отпаивали меня хвойным отваром. Заполярье всю жизнь дает о себе знать, — вспоминал Петр Тимофеевич.

А Петр Ворошилов на этот же вопрос ответил по-своему:

— Война мне запомнилась неповторимым запахом крови...

Как и Валентин Калачинский, он ушел на фронт с первого курса (учился в Сибирском металлургическом институте в Новокузнецке) в числе первых добровольцев. Попал на Восток и стал моряком Тихоокеанского флота.

— Особых боев здесь, конечно, не было, — вспоминал, — наше преимущество над противником было огромно. Монитор «Ленин» — солидная крепость, броня толстостенная, лишь краска облетала от японских выстрелов.

И все же война есть война. Как-то тянул связь в ледяной воде: простуда скрутила на долгие годы. О хлебе приходилось мечтать по полгода, полсотни с небольшим килограммов веса оставалось. И тот самый запах крови. Кубрик забит ранеными. Впечатление такое: всюду запах крови.

Петр Семенович написал повесть о нашем земляке Николае Ивановиче Масалове. Повесть началась с документального очерка в газете «Кузбасс». Мысль о том, как человек в силу необходимости становится солдатом, и не просто солдатом, а солдатом-профессионалом, волновала автора.

— Да обо мне-то что писать? — удивился Павел Иванович Антипов.

Пришлось признаться, что именно с этого начинали свои воспоминания все, с кем беседовала до него.

— Но я говорю верно, — возразил.

Дело в том, что на фронт его отправили из Ленинградского авиационного училища в январе 1945 года. До Победы оставались считанные месяцы.

— Мы же технари, — скромно настаивал Павел Иванович.

«Технари» — это те, кто очищал и подвешивал в самолеты бомбы, промывал бомбардировщики.

— А если бомбу небрежно закрепил?
— спросила.

— Взорвется, конечно, — ответил.

Крайне опасную фронтовую работу выполнял Павел Иванович. Познал он в этой работе крепкую дружбу: летный состав, командиры и технари, вместе, бывало, тащили из грязи самолеты — «хвосты заносили». Спаянно, коллективно жили и трудились, были заботливы друг к другу на редкость...

До основания разрушенный Кенигсберг и чистенький Паневежис, разбитая станция Великие Луки с хилыми стариками и голодными детьми на вокзале, Ржев с единственной, чудом уцелевшей водокачкой остались в памяти авиатора-журналиста. Он не мог без слез слушать песню, в которой слова: «Мне часто снятся те ребята...» Потому что уходили в бой двенадцать самолетов, возвращались два-три. Признался:

— Рождался страх перед войной. У меня лично так было. Разрушенные города вызвали ужас. Все это не так просто, если честно...

Художник газеты «Кузбасс» Евгений Сергеевич Смирнов служил в частях особого назначения. О своей воинской специальности говорил с шуткой:

— Я и радист, и танкист, и артиллерист, и связист, и даже в кавалерии служил.

Для него война прошла в Иране, где опасность была фронтовая.

Сюда же, на советско-иранскую границу, попал старшина истребительного отряда на Воронежском фронте, а затем курсант минометного училища Николай Зеленин.

У Николая Николаевича оказались медали и за боевые, и за трудовые заслуги в годы Великой Отечественной войны. После ранения и госпиталя он работал на Кузнецком металлургическом комбинате в огне-

Евгений Сергеевич Смирнов

упорном цехе, был признан «Лучшим мастером КМК».

Итак, накануне тридцатилетия Победы в «Кузбассе» десять мужчин-журналистов — участники Великой Отечественной войны. Одиннадцатая — корректор газеты Надежда Елисеевна Журавлева. Уходила Надя на фронт с Кемеровского азотно-тукового завода, где работала медсестрой.

Девять девчат из Кемерово, трое из Прокопьевска прибыли к генерал-майору медицинской службы. Волновались: как же, мол, прямо с дороги да в госпиталь? А полевой госпиталь — это раненые на соломе...

Потом санлетучка: это семь товарных вагонов по двадцать раненых в каждом, а сестра одна, в помощниках мальчик четырнадцати лет. Стоны, кровь, смерть, трупы...

Затем Польша, Германия, Рейхстаг, на котором «расписалась», царапая свою фамилию санитарными ножницами.

Надежда Елисеевна показала письмо фронтовой подруги: «Если бы ты знала, как я рада, что получила от тебя весточку из далекого прошлого»...

Мария Бессарабова, студентка отделения филологии и журналистики Кемеровского государственного университета рассказывает:

— Кемеровская гимназия № 17 — одна из старейших в Кемерове. Вряд ли многие знают, что давно-давно здесь училась Надя Журавлева, девочка-отличница, в двадцать с небольшим ушедшая на фронт.

Великой скромности человек она: умалчивала о том, что корректорская правка в ежедневной газете «Кузбасс» — дело едва ли не первой важности. А корректором в «Кузбассе» Надежда Елисеевна проработала 38 лет.

Ее знакомые в большинстве своем понятия не имели, что с войны медсестра Надя вернулась старшим сержантом медицинской службы и что великолепным корректором ее сделал не институт, а большая любовь к русскому языку.

Образование у нее, как выяснилось через многие годы работы Надежды Елисеевны в газете, было среднее. Скромный человек вряд ли найдет ответ на вопрос: «Что вы сделали для Победы?» Такие обычно молчат. Но за них говорят факты воспоминаний.

«Однажды я везла раненых из Дубно в Житомир. В помощники дали мальчонку лет четырнадцати. Очень было трудно: 7 вагонов, в каждом по 20 человек. И у всех то рук нет, то ног, то осколки где-нибудь. Ехали семь суток: путь разрушен, заносы кру-

гом. Порой поезд трогался чуть не мгновенно. Мой подмастерье нес как-то раненым два ведра каши, и тут поезд резко тронулся. Сам-то паренек запрыгнул, а вот кашу схватить не успел. Убивался потом очень: все голодными остались».

«Страшно было брать документы у мертвых, а взять сразу у всех не догадалась. Жуткое это зрелище: пройти по вагону, где с каждой полки доносятся стоны, мольбы, причитания... Сердце разрывалось от боли, а ноги не слушались от усталости...»

В апреле-мае 1945 года наш полевой госпиталь стоял в деревне Шеневальд. Там передо мной как-то предстали два солдата в американской форме. Санитар подает их истории болезни. Читаю: «Ковалев Василий Иванович». «О, — говорю, — вырядились!» Думала, что наши. А санитар за их спинами гримасничает, шепчет мне что-то. Читаю дальше: «Место рождения — Чикаго». Тут поняла, что это союзники, смутилась. И хотя они по-русски говорили плохо, со всеми ранеными перезнакомились. Вот только есть каждые два часа просили Сказала замполиту, и он принес трофейного шампанского и американской тушенки. На прощание союзники сделали мне подарок — неполную колоду карт.

День Победы мы встретили в той же деревне Шеневальд. Ждали его со 2 мая, когда пал Берлин. Я забежала в каждый дом-палатку и кричала, что война кончилась. Раненые у меня были тяжелые, и в тот момент они больше всего досадовали на свою беспомощность. 10 мая поехали в Берлин. Видела трогательную картину: солдаты нашикупаются в реке, а все военное (форма, винтовки, ружья) на берегу лежит брошенное: война кончилась. Походили по Рейхстагу — по гитлеровским канцеляриям. Там все в

автографах. У меня с собой были маленькие трофейные ножницы, ими я выцарапала на Рейхстаге «Кемерово-Берлин». Только это и успела, потому что спешили».

— Что я? Это перед теми, кто с самого начала воевал, преклоняться надо, — говорила Надежда Елисеевна. Ее не стало в 2007 году.

— Война? Она всегда со мной, — сказал Валентин Алексеевич Калачинский.

— Голову давит и давит, а ранен в спину, — задумался Петр Павлович Костюков.

Нервы, характер, восприятие мира, постоянная выдержка, редкая вспычивость — все это постоянно с ними. С каждым из одиннадцати

Вот такое близкое это далекое прошлое.

ТРЕУГОЛЬНИЧКИ НАДЕЖДЫ

В моем рабочем блокноте 2008 года есть такая страница. В самом верху написано и подчеркнуто: «Альбом». Под этим словом следующая запись: «Дед по маминой линии Эдуард Эдуардович Ландезен. Дед — врач. Мама — София. По отцовской линии дед — священник». И далее большой лист чист. Даже о ком это, не помечено.

А было так.

В очередной мой приезд в Москву Николай Яковлевич Троицкий пригласил меня и моего «московского» сына Сашу на презентацию семейного альбома, над которым работал чуть ли не год, начав дело сразу после того, как в Центральном Доме журналистов в феврале 2007 года отметили его юбилей — 85 лет. Юбилейный праздник и подвиг на это кропотливое (под каждым снимком — подробная подпись) занятие, завершившееся «изданием» двух солидных томов. Помнится, я схватилась за ручку, раскрыв

блокнот на той самой странице. Профессиональная привычка. Николай Яковлевич от души расхохотался: «Вот еще что надумала!» И я убрала ручку вместе с блокнотом.

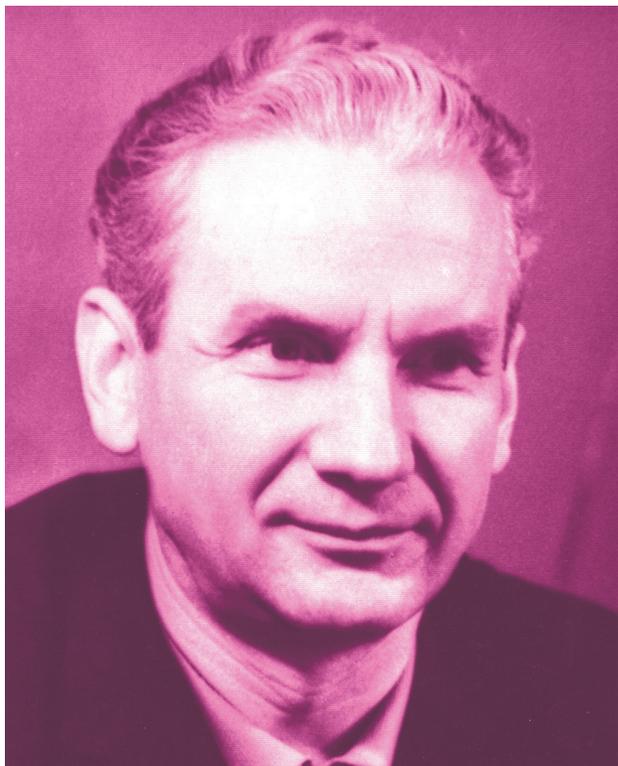
Тут надо кое-что пояснить. Троицкий был не просто редактор шестидесятих годов в газетах «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс», он был «мудрый, пронизательный редактор», как точно подметил один из его воспитанников Геннадий Юров. И вот что особенно значимо (ай да поэт!): «С отцовскою иронией и тактом нам верные подсказывал шаги».

Мудрость, ирония, такт... К тому же культура. Когда его место (Троицкого перевели в Москву) занял на некоторое время человек, заявивший: «Как захочем, так и будет», пришлось подумать над тем, что дело не только в грамотности.

Вот и прыгал вместе со всеми на волейбольной площадке наш Николай Яковлевич, и охотно запевал на вечеринках, и пианистом был азартным, и танцевал, и на шутки был горазд, но всегда оставался «над». Авторитет его был столь значителен, что я, например, не могла позволить себе написать о нем даже к юбилею. Не посмела. Вот и ручку с блокнотом спрятала, едва он по-доброму рассмеялся.

Правда, вернувшись в Кемерово, рассказала об альбомах Троицкого редактору одного журнала: старинные фотоснимки просто просились на яркие страницы этого издания. Попытались мы тогда найти исполнителя задуманного, одного из московских журналистов-кузбассовцев. Да ничего не вышло. Очевидно, Николай Яковлевич тактично уклонился.

А снимки те просто перед глазами. Особенно вот этот: удивительно изящный офицер, участник Первой мировой войны, ко-

Николай Яковлевич Троицкий

мандир запаса Красной Армии, имеющий высшее физико-математическое образование, работавший нормировщиком на текстильной фабрике в Калинин (Твери). Яков Николаевич Троицкий. Отец. Расстрелян в 1937 году. Реабилитирован в 1957 году. Фотоснимки воспринимались обостренно именно потому, что рассматривались после юбилея, на который съехались многочисленные родственники, в том числе из Твери, и рассказали много интересного. Например, об этом интеллигентном офицере. Оказывается, сохранились его письма с фронта Первой мировой войны любимой девушке в родную Тверь. Эти письма хранились десятилетия и были переданы родным как раз в шестидесятые годы, когда сын расстрелянного офицера стал редакто-

ром. Об отце он молчал. Что было за этим, известно ему одному.

Как же я встрепелась, услышав о письмах, как, только теперь понимаю, беспардонно наступала на родного редактора: «Если вы не напишите, я напишу...» А ведь письма-то были не к Софии, будущей матери Николая Яковлевича, а к некоей Лие. Не урок ли для меня?

Кстати, банкет в одном из залов Центрального Дома журналистов, собравший родственников и земляков юбиляра, живущих в Москве, был буквально пронизан духом скромности, порядочности и тактичности. Все начиналось с приглашения (если дама одна, как я или Анна Константиновна Навосардянец, то приглашалась с сыном), места были не только помечены, учитывалось соседство. Надо ли говорить, что доверительность, искренность были достигнуты самым естественным образом?

Юбилей в свои 85 был строен (каждый день зарядка по 30 минут), подвижен, пел, танцевал, костюм на нем сидел безукоризненно. С душевной теплотой вспоминал свою супругу Любовь Устиновну, без которой жил уже несколько лет. И все вокруг говорили о на редкость трогательной любви и умной дружбе этой пары, о сыновьях Яше и Викторе, о внуках и правнуках юбиляра. И выяснилось, что одних Николаев Яковлевичей Троицких разных возрастов уже не сколько.

Эти воспоминания нахлынули на меня в связи вот с чем.

Вышел десятый выпуск краеведческого издания «Красная горка», а в нем — семейная хроника военных лет в письмах под названием «Треугольнички надежды». Автор — Николай Троицкий. Спасибо главному редактору издания Геннадию Юрову за

верность учителю, за то, что (так хочется думать) продлил его (не только творческую) жизнь этой работой. Нет, это не романтическая, юношеская переписка, по поводу которой я так погорячилась. Это письма самого Николая Яковлевича, участника Великой Отечественной войны. Письма домой. Очень простые. Житейские. А также письма его брата. Тоже с фронта.

Уже нет Николая Яковлевича, но вот он живет в журнальных страницах, улыбается со снимка, сделанного во время приезда Геннадия Юрова в Москву в 2006 году. Почти в каждом номере альманаха «Красная горка» есть публикации Николая Троицкого: его воспоминания о редакторской деятельности в Кузбассе, которые вошли затем в книги «Это нашей истории строки» и «Ветераны Кузбасса: помним, верим, живем»; очерк «Степан Беляев из поколения победителей», переросший в одноименную повесть; несколько автобиографических очерков о кузбассовцах, живущих в Москве. «Красная горка» напоминает, что до последнего дня своей жизни Николай Яковлевич был редактором-составителем альманаха «Земляки. Кузбасс в нашей судьбе».

Восемь журнальных листов вместили около трех десятков писем и кратких комментариев к отдельным из них, а впечатление такое, что перед нами вся жизнь большой семьи, характеры молодых и старых, взрослых и детей, связанных родством. И не только характеры. Обстановка и обстоятельства места и времени. А главное — способность воспринимать и преодолевать то, что совсем не просто пережить. Сдержанная и простая правда.

«Вооружившись большой лупой, читал с трудом: пожелтевшая бумага, выцветший очень мелкий сплошной карандаш-

ный текст, — пишет автор в предисловии. — Читал и как будто вернулся в ту далекую теперь пору, к самым родным и любимым. Кроме понятного волнения, воспоминаний и переживаний, подумал, что в этих строчках живая военная история одной из миллионов советских семей».

Вот тут-то Николай Яковлевич скупко сообщает о своей семье, живущей до войны в Калинин — Твери: мама Троицкая Софья Эдуардовна — преподаватель немецкого языка, бабушка Ольга Андреевна Ландезен — пенсионерка, брат Андрей — школьник и он — студент физмата пединститута. В июле 1941 года, когда он уехал на фронт, мама приняла в семью его однокурсницу-невесту Любу (общеежитие занял госпиталь). Кроме того, в семье оказалась маленькая племянница из Москвы, которую по-домашнему звали Тусей, она приехала на каникулы к бабушке. Все они едва успели попасть в последний эшелон эвакуированных в октябре 1941 года и после долгих мытарств оказались на станции Тайга, где Софья Эдуардовна и Люба стали учителями, а Андрей и Туся — учениками школы № 33.

«К семье в Тайгу я приехал из госпиталя в марте 1942 года, в апреле мы с Любой расписались в холодной клетушке тайгинского ЗАГСа. Прожили в счастливом браке 62 года, — сообщает автор. — Сегодня из того состава семьи в живых остался я один... А теперь пусть говорят письма».

И письма заговорили.

Первое из-под Ржева, где жили родители Любы. «Доехали мы замечательно: я всю дорогу спал на нарах и проснулся, чтобы сходить за кипятком. Любаша! В последнем письме с дороги я писал тебе, что думал познаться со Ржевом несколько иначе.

Ну ничего не поделаешь...»

Письмо пишется с перерывами и полно оптимизма девятнадцатилетнего парня. «Всех нас влили в 888 стрелковый полк, и представляете себе, как здорово получилось: нас построили, и командиры стали набирать людей к себе в подразделения (кричат «подъем!», допишу после)».

«Милые мои! Продолжаю письмо в несколько необычной обстановке: после подъема нам предложили пойти на речку мыться и стирать белье. Вот я постирал свои портянки, носки, полотенце, майку, помылся и продолжаю письмо».

Отчего же оптимизм по любому малейшему поводу? Наверное, дело не только в возрасте, прежде всего в желании успокоить близких.

«И вот теперь я второй ящичный 1-го орудия 76-мм батареи 888 с.п. Вот так. Стало быть, Любаша, я не ошибся, когда писал тебе на карточке в прошлом году: «От бравого артиллериста». «Вообще мне кажется, что лучше устроиться было бы трудно. Я, повторяю, пока доволен своим положением.

Одно лишь меня смущает — ежедневная чистка лошадей (орудия, помечает теперь в скобках автор, были на конной тяге), которых, как вы знаете, с ранней юности побаиваюсь. Ну, ничего».

Даже когда «вступил в бой» и «пороху, так сказать, понюхал», думает об одном: «Основное, родные, вы за меня не волнуйтесь, так как я по-прежнему жив и здоров».

После тяжелого ранения осколком в правую руку пишет левой: «Одним словом, скажу, что тот факт, что я остался живым, — счастье. И я тогда частенько подумывал, почему мне, собственно, так везет?»

Это сегодня можно поразмышлять о ду-

шевном состоянии, о том, как оно отражается на окружающих, как помогает выжить. А тогда?

«Сначала в госпитале я чувствовал себя удивительно паршиво. Плохо спал, раздражался из-за пустяков, психовал. Это, конечно, плохо, но я оправдываю себя тем, что здорово устал, издергался и физически, и духовно. После того, как удалось связаться с Тусей и стали приходить ее телеграммы, я постепенно стал «входить в норму» и сейчас чувствую себя отлично. Ко мне вернулось и мое спокойствие, и бодрость, и выдержка».

Вот она, ниточка связи с родными, которая помогает принимать жизнь в лучших ее проявлениях.

Узнав хоть что-то о семье, измученный неизвестностью и болью парень радуется яблоку в триста граммов. Госпиталь-то в Караганде. И опять пишет домой: «Мама ну никак не может хоть немножко успокоиться — так и кипит, так и брызжет во все стороны энергией. Я уже молчу о письме главврачу. Но поездку в Караганду я никак не одобряю. Лучше я сам со временем прикачу».

И все-таки мама вырывается, правда, уже к младшему сыну Андрею в прифронтовой госпиталь близ Даугавпилса, когда ее тяжелораненный мальчик голову с подушки поднять не мог, и помогает военным медикам спасти сына.

Вот ее письмо из госпиталя от 1 мая 1945 года: «С праздником, большим и великим, мамочка моя! Праздновать начали вчера: пели, и так хорошо! Андрейкин голос, спаси его господь, громче всех!»

Из писем мы узнаем, что мама и дядя Любы были угнаны в Германию и что у Любиной мамы, жившей последние годы в Кемерове, так и остался на руке ее лагерный

номер. Узнаем о тяжелой жизни в тылу, о картошке-спасительнице, об удивлении перед тем, что в селе «пекут хозяйки пшеничный хлеб, режут его к столу столько, сколько хочешь».

Дважды встречаются среди писем P.S. из XXI века. Первый: «Наши дед и прадед по материнской линии — известные в Твери врачи. Одна из городских улиц в свое время носила их имя». В семье мечтали, чтобы Андрей стал врачом. Не стал. Вместо военно-фельдшерского попал в артиллерийское училище. После войны окончил истфак пединститута, был заведующим облоно, избирался народным депутатом СССР. И вот такая любопытная деталь: в составе делегации Тверской области был на праздновании 300-летия Санкт-Петербурга. Сотрудники Тверского архива показали ему тогда список делегатов, ездивших на 200-летие Санкт-Петербурга, среди них был Э.Ф. Ландезен. Прадед.

«Подобная переключка и у нас с отцом. Он, оставив Московский университет, вольноопределяющимся ушел на Первую мировую войну. Недавно мы с огромным интересом и волнением читали его письма с фронта, сохраненные адресатом Л.И. Соловьевой... Наша с отцом военная история похожа». Речь как раз о тех письмах, о которых пришлось услышать на юбилее Николая Яковлевича. Вот ведь какой благородный виток. Получше иной восторженной повести.

И последний P.S. из XXI века: «Много прожито и пережито. Даже общественный строй сменился. Но греет душу то, что при всех переменах и потрясениях в семьях и между семьями наших детей и внуков сохранилось главное: любовь, взаимное уважение, забота и поддержка».

МЫ ИЗ ИГАРКИ

— Игарские ребятишки — это особая статья в жизни Игарки тридцатых годов. Много их потом пало на войне, иные уже покинули земные пределы, исчерпав сроки жизни, — писал Виктор Астафьев.

У одного из игарских ребятишек тридцатых годов — Валентина Алексеевича Калачинского — юбилей.

Мы сидим на кухне его трехкомнатной квартиры в центре Кемерово, и хозяева, Валентин Алексеевич и Татьяна Ивановна, вспоминают эти далекие годы, как сказку.

Больше всего запомнилась зима, когда вставал мальчик на лыжи и уходил на охоту. Отец разрешал брать ружье. И Валя приносил куропаток. Овраг и остров на Енисее, где он промышлял, описаны Виктором Астафьевым.

Дом, где жил неблагополучный, по нынешним понятиям, Витька, был по соседству, а вот дружбы не случилось. Более того, когда дети Игарки написали Максиму Горькому письмо о том, что хотят рассказать о своем удивительном городе, среди восьми подписавших его есть Калачинский и нет Астафьева. И позднее среди десятков авторов книги «Мы из Игарки» тоже нет. Как признался в предисловии к одному из изданий этой книги сам писатель, его не взяли в авторы, потому что он как раз «третий год сидел в пятом классе».

Эти подробности необходимы вот почему. Нашему юбиляру и в голову не приходит с выгодной для себя стороны упомянуть о близости к знаменитости. Говорит так, как было. И еще одна его черта проявляется при этом: профессия журналиста выработала точность.

Журналистом он стал именно в детские годы. Первая его заметка, опубликованная

в книге «Мы из Игарки», написанной по замыслу и плану Максима Горького, поддержанным Роменом Ролланом, занимает всего десять книжных строк:

Спали они в духовке.

Мы купили маленькую свинью. Я за ней ухаживал, менял подстилку, помогал мыть и кормил ее. Она выросла хорошая и привыкла к нам сильно. Назвали мы свинью Мишкой. Когда позовешь ее по имени, она бежит, как ручная собака. Мишку я подружил с Василием Ивановичем — маленьким котенком. Баловник-котенок очень любил кататься на Мишке: заберется к нему на спину и сидит, а Мишка бегает по комнатам.

Свинья и котенок спали вместе в духовке.

Валя Калачинский, 12 лет.

— Я был заядлый рыбак, уезжал на острова, собирал ягоду. Лето в Заполярье удивительное: солнце всходит и не заходит. Зимой — ночной день, идешь на лыжах — луна светит, — вспоминает Валентин Алексеевич.

Когда в классе появилась Таня, красивая девочка из интеллигентной семьи, Валя учил ее кататься на лыжах. Потом даже выжег спичкой ее имя на левой руке, да нет той руки, осталась на фронте.

Отец Алексей Николаевич, вообще-то отчим, доброй души человек, не только свою фамилию мальчику дал, не только пробудил любовь к младшему брату, но передал добрый взгляд на мир и на людей. Отец был жестянщиком в мастерских Игарки и писал заметки в местную газету «Большевик Заполярья», где стал со временем заведующим отделом промышленности. В этой газете, кстати, опубликован первый рассказ Виктора Астафьева.

17 июня 1941 года был у Тани и Валентина выпускной вечер, а через пять дней началась война.

У выпускников была прекрасная подготовка. Игарка славилась своей библиотекой и театром, возглавляемым Верой Пашенной. Литературу преподавал известный позднее поэт Игнатий Рождественский, математику — необычайной доброты Иван Максимович с природным математическим даром. Поехал Валентин с другом в Свердловск и поступил в индустриальный институт. Было ему 17 лет. Немного поучился — начался комсомольский призыв на фронт.

Месяца не пробыл на фронте, когда был ранен в правую руку. «Наш танк шел головным, другие выскочили, а мы, командир, я и разведчик, остались. Впереди — немецкие окопы», — вспоминает Валентин Алексеевич. Первая пулеметная очередь не задела, а вторая... «Пулевое ранение — это ничего, — замечает, — вылечили и снова отправили на фронт».

«На этот раз только пришел — обстрел. Прямо над головой разорвался снаряд. И меня по руке — осколком — теперь уже по левой, и вторым — по ней же», — заключает.

Ребята перевязали Валентину руку и отправили его в полевой госпиталь. Шел пешком, сколько километров, не знает. Помнит одно: ранен в 11 утра, по дороге терял сознание и очень хотел пить, добрался ночью. И сразу — на операционный стол.

Вернулись к Тане письма, что писала на фронт Валентину, и его документы. Видно, ребята достали из оставшегося вещмешка. Убит? Тяжело ранен? Никакого сообщения. Боялась идти к его матери. Чем делиться? И вот письмо из госпиталя: «Жив!» А 9 апреля

1944 года последним самолетом (в Игарке еще зима, а в Красноярске оттепель) прилетел сам Валентин.

Пошел в горком комсомола вставать на учет, а его там попытались оставить работать. Местный редактор Екатерина Ефремовна Шилова мучилась одна с выпуском газеты: отца направили в военизированное ведомство. Он-то и посоветовал сыну: «Газета — это дело, а там — болтовня». Так стал Валентин ответственным секретарем и единственным корреспондентом. В редакции не было машинистки. Рукописи шли в набор — выработался идеально понятный почерк, экономный подход к тексту — ни слова лишнего.

Уже женатым уехал Валентин Калачинский учиться в Уральский государственный университет на отделение журналистики, одновременно устроился работать в молодежную газету Свердловска «На смену!», где назначили его, коренного горожанина, заведующим отделом сельской молодежи. Добросовестно потянул новое дело. И опять, считает, повезло: поддерживал и помогал Миша Пилипенко, широко известный позднее поэт-песенник.

Далее Валентин Калачинский — корреспондент «Комсомольской правды» по Красноярскому краю, затем по Кузбассу.

Скромность этого человека чрезмерна. Будучи корреспондентом по Кузбассу, Валентин Калачинский первым открыл имя Веры Волошиной, написал и опубликовал как всегда точный и емкий материал в «Комсомольской правде» еще в 1957 году. Ни разу не вспомнил об этом.

А Георгий Фролов, издавший не одну книгу о нашей землячке, непременно упоминает в каждом издании, что поиски начал, прочитав ту давнюю публикацию Ва-

лентина Калачинского в «Комсомольской правде».

Была в его судьбе и «Советская Россия». Был и «Кузбасс». Если в 12 лет стал Валентин Калачинский одним из авторов книги «Мы из Игарки», то спустя несколько десятилетий вполне бы мог написать книгу «Мы из «Кузбасса»:

— Редакция газеты «Кузбасс» у меня никогда не выходит из памяти. Как будто это родной дом. И все ребята, как родственники. В шестидесятые годы был прекрасный коллектив. Все зависело от главного. Николай Яковлевич Троицкий создал такую атмосферу. Он вроде и жесткий был, но внутренне внимателен к каждому и каждому знал цену. Во-первых, это человек с головой, во-вторых, справедливый. Большая школа — наши планерки, когда говорили открыто, делились задумками. Никто ни на кого не давил. Редактор давал свободу каждому. И люди раскрывались с лучшей стороны. Петя Аносов досконально знал село. Саша Ивачев — педант, человек с крепким характером, но крепко и писал. Интересные люди. Каждый отвечал за свое дело, и все были товарищи. Часто за город ездили, что тоже помогало лучше узнать друг друга. Молодежь стала прибывать образованная, способная.

С энтузиазмом говорит Валентин Алексеевич о других. А о себе? Приходится буквально вытягивать признания. Он краснеет, смущается. И опять:

— В промышленном отделе, которым я руководил, были своеобразные люди, у каждого свой характер: Кузьма Королев, Володя Кузнецов, Володя Матвеев. Их привлекали крупные предприятия. Это понять можно. А я старался поехать на тихие, скромные, где еще не был.

У него не было врагов, потому что он принимал людей такими, какие они есть. Даже о единственном корреспонденте, с которым случались непростые объяснения, говорит: «Просто у этого человека свое отношение буквально ко всему».

Что же сегодня заполняет жизнь Валентина Алексеевича Калачинского?

Верная подруга рядом и, как всегда, ухожена (всю жизнь красила волосы, оказалось, что седина ей к лицу), приносит толстые тома.

«Свое маленькое издательство», — улыбается дочь Елена, что начинает хлопотать у плиты.

Разговорившись, мы не заметили, как подошло время обеда. В соседней комнате внук Слава и его подружка готовятся к выпускным экзаменам в техническом университете. Маме Лене и родителей, и детей пора кормить. Вертится у нее под ногами красавица и сама доброта Джинна, подаренная два года назад беспомощным щенком, тоже ждет кормежки.

Но пока книгами завален обеденный стол. Хозяин с удовольствием рассказывает о своем увлечении при добродушном подтрунивании близких. Одна книга — «Огород — круглый год», вторая — «Ваше здоровье». Прочие — их аналоги. Труды представляют газетные публикации, толково подобранные и вклеенные в большие альбомы.

— Вот такая польза от газеты, — абсолютно без иронии говорит Валентин Алексеевич, показывая многолетние вырезки из «Кузбасса», — передай, пожалуйста, спасибо Тамаре Малышкиной за ее «Сад и огород».

Одну из книг увезла к себе в Уньгу старшая дочь Вера. Книга ей помогает вести хо-

зяйство в селе. Двое ее сыновей живут самостоятельно, и внуки (правнуки Валентина Алексеевича и Татьяны Ивановны) далеко от дома. Есть возможность сосредоточиться на научном подходе к огородному делу. И не только к огородному. Вера, как мама, в огород не выйдет, не подкрасившись.

Выясняется, что и сам Валентин Алексеевич — садовод-любитель. Участок его на берегу Томи, сразу за редакцией газеты «Кузбасс», домишко дряхлый, незакрываемый. Зато можно посидеть на верандочке, полюбоваться цветами, малине-смородине подивиться. Да и морковку-свеколку, особенно кабачки, которых излишки, умудряется вырастить на своем участке.

Переписала для себя несколько советов, порадовалась доброй атмосфере в доме Калачинских и совсем забыла о предстоящем солидном юбилее.

Татьяна Ивановна и Валентин Алексеевич, извините, пожалуйста, если что не так.

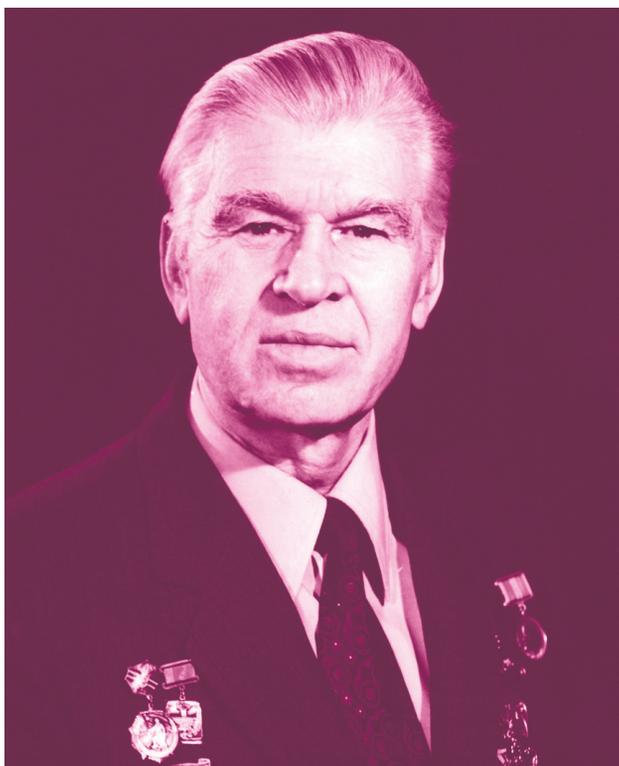
ВСЕ С НИМ ЗДОРОВАЮТСЯ

Вот это юбиляр! Никак не укладывается в свои возрастные рамки.

Звоню за неделю до дня его 75-летия. В ответ: «Рад встретиться, но уезжаю в командировку». Звоню за несколько дней до юбилея, жена Екатерина Осиповна отвечает: «Поздно вечером приехал, рано утром убежал».

Воскресенье. Иду в знакомый штаб его общественной работы. Перед дверью в коридоре — ветераны. Едва успеваю спросить неуловимого юбиляра о детях-внуках да получить «объективку» из сейфа, как ветераны заполняют небольшую комнату на первом этаже второго здания администрации.

У них горячая пора. Инициативная груп-

Максим Гаврилович Щербаков

па по выдвижению А. Г. Тулеева в Губернаторы приступает к работе, а уважаемый юбиляр избран руководителем этой группы.

Итак, кое-что из «объективки».

Максим Гаврилович Щербаков родился 2 февраля 1926 года в деревне Таежная Александровка Мариинского района. С 17 лет — в армии, в 18 — на Ленинградском фронте.

Образование: полковая школа Сибирского военного округа, Новосибирское военно-пехотное офицерское училище, Центральная комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ (отделение печати), Новокузнецкий пединститут (исторический факультет), Высшая партийная школа при ЦК КПСС (отделение печати).

Работал комсоргом в профтехучилищах Новокузнецка, с 1954 года — в журналистике: заведующий отделом, затем редактор «Комсомольца Кузбасса», заведующий отделом пропаганды газеты «Кузбасс».

Автор и составитель ряда книг, член Союза журналистов России, лауреат премии имени В. Мартемьянова, Заслуженный работник культуры РСФСР, награжден двумя орденами, многими медалями.

Коммунист, член Кемеровского обкома КПРФ. Майор в отставке.

Редко кому из журналистов выпадает такая популярность среди читателей и одновременно такое официальное признание заслуг, как это случилось в жизни Максима Гавриловича.

В пору, когда он был молод и горяч, в стенгазете «Кузбасса» поместили рассказ о нем под названием «Максим — друг народа». Люди шли к нему потоком и находили понимание. Не случайно сегодня он руководит исполкомом областного движения «Народовластие», избран членом Совета старейшин при Губернаторе и членом областного Совета ветеранов войны и труда.

Одна из идей, дающих энергию его жизни, — правда о войне. Он не только находит забытых участников Великой Отечественной, но и разоблачает тех, кто, пользуясь сложностью времени и ситуацией, присваивал себе чужие подвиги и награды.

В «Кузбассе» опубликован его очерк «Кавалеры чужих орденов». На редакционной планерке отметили: «Рука мастера». Равных ему в деле разоблачения таких «кавалеров» нет. А ведь Максим Гаврилович уже немало лет на пенсии.

Но самое высокое признание заслуг юбиляра, как мне кажется, следующее.

К 55-летию Победы его внуки подготови-

ли своеобразную книгу (Максим Гаврилович именуется ее журналом) для домашнего чтения. Называется сей труд «Этот День Победы»... Начинается строкой «Вставай, страна огромная» и сообщением от Советского Информбюро.

В домашней книге нашлось место для строк, опаленных войной (писем с фронта), для стихов о войне, для рассказов о Сталинградской и других исторических битвах, для сообщения о помощи Кузбасса фронту.

Среди этого патриотического материала раздел «Из истории семьи Щербаковых», начинается он с письма в Главное управление кадров Министерства обороны:

«В газете «Вперед» г. Мариинска Кемеровской области опубликован список фронтовиков, которых ждут награды. Среди них и мой старший брат Щербаков Степан Гаврилович, 1920 года рождения, красноармеец... Был призван в армию 31 октября 1940 года из деревни Таежная Александровка Мариинским райвоенкоматом... Изредка я переписывался с братом, знал, что он находится в подразделении морской пехоты. Примерно в 1942 году его часть перебросили на Северо-Западный фронт, а через полтора года — на соседний Ленинградский...»

Тут же портрет брата Степана и ответ на запрос: «Красноармеец Щербаков Степан Гаврилович, телефонист, награжден медалью «За отвагу» 4.3.45 г. Награда значитесь неврученной».

Ниже — последнее письмо фронтовика: «С Новым годом, с новым счастьем! Здравствуй, дорогой дядя Ваня! С горячим приветом к тебе племянник Степа...»

Письмо написано 1.02.1945. 13 марта 1945 года Степан Гаврилович Щербаков погиб недалеко от Кенигсберга.

Как сосчитать до конца

Невернувшихся, неповторимых?

Стихотворение Сергея Донбая «Баллада о двадцати миллионах» оказалось очень уместной рядом с этой историей. Следом — лирическая поэзия Михаила Небогатова: «В ночь на 22 июня 1941 года», «На передовой», «В наступлении», «Русский человек»...

И вот глава «Это наш дед». Портрет молодого еще Максима Гавриловича Щербакова. Курсивом набран текст:

«Идет по длинному коридору здания Кемеровской областной Администрации высокий седой человек в куртке защитного цвета и старой меховой шапке. Кто ни встретится ему на пути, начальник департамента, охранник, Губернатор, все приветствуют его по имени-отчеству и здороваются за руку. И в городском автобусе, и в поезде встречает он знакомых и друзей... В его-то возрасте с прыткостью двадцатилетнего взбираться на кедр высотой с девятиэтажное здание! Сутками может не спать, готовясь к выборам Президента. Не любому молодому человеку под силу выдержать такой темп жизни. И мы с гордостью можем сказать: «Это наш дед — Максим Гаврилович Щербаков».

Далее напечатано послание деда-фронтовика в Череповец ребятам, которые собирают материалы о его родной 286-й дивизии.

«Дедушка проследил продвижение своей дивизии по фронту, поддерживая после войны связь со своим командиром А. И. Сантыловым», — сообщают внуки, приводя не только описание одной из боевых операций 286-й Краснознаменной Ленинградской стрелковой дивизии, но и схему ее боевого пути.

Нельзя не согласиться с ними, что не-

возможно перечислить статьи, фельетоны, очерки, рассказы, написанные дедом Максимом. Ребята выбирают для своего сборника публикацию из книги «Земля Героев» о Герое Советского Союза Петре Филипповиче Торгунакове из родных дедушкиных мариинских мест. Очерк называется так: «Слышишь, как звенит река?» Думаю, больше ничего объяснять не надо.

Нашлось в произведении для домашнего чтения и место портрету Амана Тулеева, и отрывку из предисловия к его книге «Судите сами...», написанного Максимом Щербаковым: «Благодаря таким людям, как Тулеев, народная память о Великой Отечественной войне выдержала испытание на прочность...»

Максим Гаврилович и Екатерина Осиповна воспитали двух сыновей, Валерия и Александра, которые стали автомобилистами. Теперь Щербаковы-старшие радуются внукам Эдуарду, Марине, Наташе и Леночке. Первому из внуков 24 года. Марина и Наташа — студентки. Леночке 15 лет.

Так что авторы сборника «Этот День Победы...» вполне взрослые. И самое главное — хорошо усвоили домашние и общественные уроки дедушки.

И НАПИСАЛА НА РЕЙХСТАГЕ: «КЕМЕРОВО – БЕРЛИН»

На снимке журналисты-фронтовики, собравшиеся вокруг Амана Гумировича Тулеева в день 50-летия Победы. Май 1995 года.

Среди них — единственная женщина. Это Надежда Елисеевна Журавлева — многолетний корректор редакции газеты «Кузбасс», где проработала, вернувшись с фронта, ровно 38 лет.

Справа от нее — известный журналист

Валентин Алексеевич Калачинский, слева — ответственный секретарь газеты «Кузбасс» Александр Пантелеевич Морозов.

«Нас оставалось только трое», могут сказать они сегодня о себе словами фронтовой песни, вспоминая «друзей хороших»: Павла Ивановича Антипова, Евгения Сергеевича Смирнова, Максима Гавриловича Щербакова, Петра Семеновича Ворошилова, Юрия Дмитриевича Баландина — всех тех, кто есть на этом снимке, и кого на нем нет.

Когда мне поручили в свое время написать о журналистах-фронтовиках, я назвала очерк «Одиннадцать». Начинался он так: «Их только одиннадцать. А могло быть вдвое и втрое больше. Много фамилий журналистов навсегда перешло с живых газетных страниц на печальный мрамор».

И вот только трое...

Надежде Елисеевне в том очерке уделено всего несколько строк: «Я вижу укоризненный взгляд Надежды Елисеевны, слышу ее мягкое уточнение: «Я не журналист, я — корректор». Но какой корректор! Нет, только вровень с этими молодыми, красивыми мужчинами, которым без нее, скромнейшего и тишайшего человека, ни на фронте, ни в газете не обойтись...»

Прошли годы. Я просто обязана восполнить упущенное. И вот иду в знакомую маленькую квартирку на первом этаже.

Милая Надежда Елисеевна, все такая же худенькая, глянула, как мне показалось, строго. При ее мягкости и доброте журналисты, особенно молодые, всегда побаивались ее взгляда, безошибочно уличающего в безграмотности, недоработанности, поспешности текста. Врожденная интеллигентность, приобретенная с годами образованность, доброе сердце — школа Надежды Елисеевны.

Только сегодня узнаю, что образование у нее среднее. Как так? Очень просто. Любила русский язык. По этому предмету у нее всегда были «пятерки».

И еще одно сегодняшнее открытие. Надежда Елисеевна из семьи потомственных священнослужителей Журавлевых, довольно известных в Омске, Томске и Кемерове, и всю жизнь глубоко верующий человек.

На фронт она уходила с Кемеровского азотно-тукового завода, где работала медсестрой, окончив ускоренные курсы. Как теперь выясняется, ее несколько раз «забраковывали»: уж больно маленькая и худенькая была (рост 152 сантиметра, вес — 48 килограммов).

— Я преклоняюсь перед теми, кто воевал с самого начала — с 1941 года, — говорит сейчас Надежда Елисеевна. — А что я? Только в 1944-м попала на фронт.

В этом она вся, озабоченная, как бы не преувеличить свою роль.

Делаю выписки из ее военных документов, вслух уточняю:

— Так вы старший сержант медицинской службы?

— Нет, просто сержант.

— Но вот же в «Книжке фронтовика» записано.

— Может, ошиблись. Случалось, и госпиталь называли «эвако», а он — полевой...

Ехали девчонки-медсестры из Кемерова на фронт, переживали, как они, невымытые, в помятой одежде, явятся после такой дальней дороги в чистые, белоснежные палаты. А полевой госпиталь оказался в шалашах, где раненные лежали на соломе.

Линия фронта передвигалась быстро, и полевой госпиталь № 2408 — вместе с нею то на волах, то на лошадях, то на машинах.

Запомнилось, как дурачились по моло-

Надежда Елисеевна Журавлева

дости. Залезла как-то Надежда на лошадь, а слезть не может. «Сережка!» — кричит солдату-молдованину, которого перед тем «бендеровцем» обозвала. Крепко обиделся тогда парень, но все же снял девчонку с лошади.

Однажды привезли группу раненых армянских партизан. Тот, что старше других, оказался «тяжелым». Когда его эвакуировали, плакал: не хотел расставаться с друзьями. Другой, имя и фамилию которого запомнила, — Азат Мкртчян хорошо знал немецкий язык и во всем помогал сестричкам, даже посуду мыл.

Сибирячка Надя — так звали ее в госпитале — никак не могла привыкнуть к тому, что раненные умирали. Ох и жалко ей было каждого! Один (опять запомнила имя и фа-

милию — Вася Заика) сразу сказал: «Я в вашем госпитале дам дуба». Так и случилось.

А раненых все везли и везли... И медперсонал крутился. Больше всего на свете хотелось тогда Наде спать. «Сказали бы: уснешь и не проснешься, все равно согласилась бы уснуть», — вспоминает Надежда Елисеевна.

Доктор Барабадзе, красавец-грузин, бывало, глянет устало: «Скажи, чтоб не умирали». И уйдет хоть немного отдохнуть.

Могли сами медики в условиях полевого госпиталя пострадать? Задумывается, вспоминая:

— Как самолеты налетят, сразу зенитки заговорят. И сейчас слышу: «У-у-у!» и «Та-та-та!» Конечно, могли...

В сапогах не по размеру (хорошо, что нашелся среди раненых мастер Сережа Мазуров, сумел подогнать обувь к ее маленькой ножке) прошла сибирячка Надя Польшу и Германию.

Трофейными медицинскими ножничками выцарапала на Рейхстаге: «Кемерово — Берлин». И все. Ни числа. Ни фамилии. Не успела. Машина сигналила — пришлось бежать. «Но главное-то — Кемерово! — это же для земляков», — говорит сегодня.

В ее военном билете записано: «Основная гражданская специальность — медицинская сестра». А в трудовой книжке: «Общий стаж работы до поступления в редакцию газеты «Кузбасс» — четыре года, два месяца. 1946 год — принята на должность корректора. 1984 год — уволена».

— Я бы еще поработала, да родился внук Павлуша, — признается.

Вот ведь молодость среди мужчин прошла, а жизненное кредо «Без любви не выйду замуж» сохранила на всю жизнь. Как и скромность.

На снимке, где она с фронтовыми подругами Аней Телегиной и Соней Костылевой, та самая сибирячка Надя, которой сказал грузин Шалико: «Смотри, одна останешься...» А до чего уважительно относился к ней татарин Сергей Хабиров, как долго и какие хорошие письма писал!..

Единственного сына родила в мирное время, пережив большую, единственную любовь. Во внучке Павлуше души не чаяла. Да потеряла обоих — такой страшный удар судьбы. Не потому ли сердце не дает покоя?

Все еще моложавая на лицо («Такая порода у нас!»), она порой ночи просиживает в подушках — лежать не может. Да еще глаза (наследие напряженной газетной работы) совсем плохо видят. От операции отказывается: «Зачем, когда уже за восемьдесят?..» Все трое детей кемеровчан Журавлевых — Александр, Василий и Надежда — ушли на фронт, еще и другие родственники — Мария, Петр, Виктор — тоже Журавлевы — стали защитниками Отечества.

Никто из них героем себя не считал. Просто не уклонились, не увильнули.

Среди наград и деловых бумаг Надежды Елисеевны я увидела почетную грамоту, подписанную хорошо знакомым размашистым почерком редактора газеты «Кузбасс» Николая Яковлевича Троицкого: «За безупречную работу в связи с Международным женским днем 8 Марта 1966 года».

Вот именно — за безупречную!

Такой же была ее служба на фронте.

«Великая Победа ковалась и Вашими руками», — написали ей коллеги-журналисты.

— Хорошо сказано, — замечаю.

— Но моими-то руками маленечко, совсем маленечко, — отзывается Надежда

Елисеевна. Для нее самая большая награда – детский рисунок над столом – «С Днем Победы!» Это подарок внучки Леночки Журавлевой, ради которой и живет Надежда Елисеевна.

На редакционной планерке газеты «Земляки» решили в честь 60-летия Победы зачислить на месяц в штат редакции преданных газетному делу коллег-фронтовиков. Первой назвали Надежду Елисеевну Журавлеву. Ей журналисты отчислили от своих заработков необходимую для зарплаты ревизионного корректора сумму, которую вручили Надежде Елисеевне ко Дню Победы.

Елена Оленева

СЕКРЕТ В ТРУДЕ

– 2010 год для каждого запомнится чем-то своим. Но есть то, что объединяет всех. Этот год – связующий даже между незнакомыми людьми. Юбилей Великой Победы! 65 лет прошло с той поры, когда наши бабушки и дедушки отвоевали наше будущее: детский смех, счастливые лица... В преддверии юбилея Победы я встретила со Смирновой Анной Васильевной 1916 года рождения. Анна Васильевна работала в газете «Кузбасс». Что бы ни делала, все ей нравилось, потому что, как выразилась она, была причастна к написанному на великом русском языке. Можно было просто поменять слова местами, и из обычной строчки получался шедевр. Сейчас Анна Васильевна смеется: «Какой из меня журналист, ноги еле ходят». А ведь в свое время она была ярким подтверждением известной поговорки, что сотрудника редакции кормят именно ноги. Огонек и задор, а также интерес к средствам массовой информации у нее не пропал, и каждый день она слушает

Василий Николаевич Олейников

новости областного радио и смотрит вечерние выпуски местного телевидения. О молодости Анна Васильевна говорит мало. К сожалению, ее любимый муж Василий Николаевич Олейников погиб на фронте в первые годы войны. Он был собственным корреспондентом по Кузбассу от газеты «Советская Сибирь», которая издавалась и до сих пор издается в Новосибирске. А на фронте был редактором (политруком) газеты «За Отчизну». Он писал домой много писем, часть которых сохранилась. И каждую весточку подписывал ласково: «Аннушке моей дорогой с фронта Отечественной войны». И что бы ни было написано, всегда становилось на душе спокойнее после этих слов. В свободное время Анна Васильевна вязала, вышивала, гуляла в лесу. Особенно

нравилось ей кататься на лыжах. Воспользовавшись случаем, я не могла не спросить у Анны Васильевны о секрете ее долголетия и бодрости духа. «Секрета особого нет. Нужно всегда трудиться и не принимать все близко к сердцу, меньше переживать. Ведь часто происходит то, что от нас не зависит. Обстоятельства так складываются, и мы ничего не можем поделать. Поэтому зря переживать и губить свою душу не нужно. Живите и наслаждайтесь, пока молодые».

Виктор Кладчихин
ИНТЕЛЛИГЕНТ
С КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА

Заполярье, Мурманская область, 1939 год. Для новобранцев — курс молодого бойца, строевая подготовка, боевая подготовка, огневая подготовка, а тем, кто зачислен в специальные команды, еще и спецподготовка, освоение воинской специальности. Красноармеец Аносов определен в команду вычислителей, что это такое — непонятно, но сказали, что это армейская интеллигенция. Звучит вроде классово чуждо, но дело оказалось интересным. В воинских наставлениях сказано, что «вычислитель выполняет боевые задачи в составе артиллерийской батареи (дивизиона), как правило, при большом дефиците времени и высокой ответственности за своевременность и точность подготовленных данных для стрельбы артиллерийских орудий».

Так все и оказалось, когда началась учеба. Были не только ночные тревоги и маршброски, но еще была работа с точными приборами, с логарифмической линейкой. Ведь именно по данным топогеодезистов-вычислителей командир дает знакомую каждому кинозрителю зычную команду: «Огонь!»

В такую «интеллигенцию» рядовой Ано-

сов попал совсем не случайно, его туда направили, надо полагать, по документам, из которых следовало, что он до службы успел поработать даже заведующим школой после педагогического училища. В общем, парень для той поры очень даже грамотный, хотя самым первым его учебным заведением значится совсем другое, в бумагах за 1930 год осталась такая запись: «курсант курсов плотников»...

Но вот через положенный срок красноармеец-вычислитель Аносов направлен для прохождения дальнейшей службы в 158-й артполк 52-й стрелковой дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии с местом дислокации в городе Кировске, известном по первым пятилеткам как центр добычи фосфорных удобрений, а ныне как центр подготовки лыжников для сборной страны. И началась армейская служба. Главное, что запомнилось всем служившим в тех местах, это проклятые грунты, каменистая тундра, окопчик в ней надо долбить полдня, не говоря уже про оборудование артиллерийской позиции. Вкалывали все, включая, разумеется, и товарищей интеллигентов. Где-то служивые проходят науку лесной маскировки, степной маскировки, а у них спрячешься разве что за камнем, или за бугорком. Зато белые ночи!

На политзанятиях узнали, что 52-я дивизия, в которой они служат, участвовала в 1939-м в боевых действиях в Западной Белоруссии и Западной Украине, а потом была Финская, а потом переброска на Кольский полуостров в составе 14-й армии. Здесь они и встретили свой июнь 1941-го. К тому времени старослужащий красноармеец-вычислитель Аносов и его погодки уже готовили себе замену из молодежи, а сами готовились в запас, но все получилось

по-другому. И само начало войны у них получилось не совсем таким, как на западной границе. Их 52-я дивизия, полки которой стояли по отдельности, кроме Кировска, еще и в Мурманске и Мончегорске, была поднята по тревоге еще накануне нападения, 21 июня, и марш-броском выдвинута к государственной границе с Норвегией для прикрытия Мурманска.

Артиллеристам на марше, как водится, хлопот больше с лошадьми, чем с матчастью — корм, пораненные по бездорожью копыта, оторванные подковы, переломы ног, ветеринарная помощь... Но в районе сосредоточения оказались вовремя, выбрали позиции, заняли оборону. Им приказано было составить второй эшелон армии, но когда вражеский горный корпус «Норвегия» пошел в наступление, обстановка у них ничем от переднего края не отличалась: авиационные бомбежки, артобстрелы, потом опять налетали бомбардировщики... В общем, второй эшелон уже через месяц стал первым. Читаем боевое донесение:

«Уверенно действовали подразделения и части 52-й стрелковой дивизии, которые, заняв оборону по реке Западная Лица, остановили вражеские части. Дивизия удерживала свои позиции, занятые ею 30 июля, вплоть до разгрома противника».

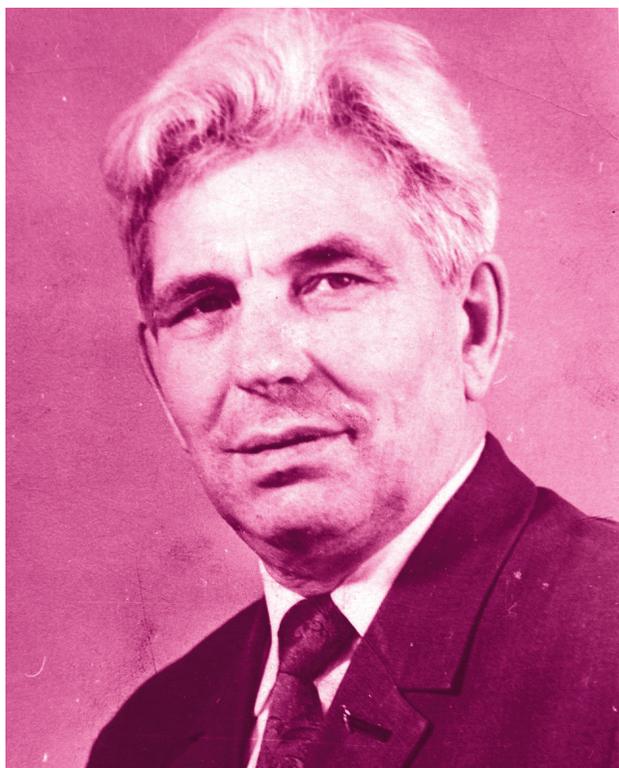
Разведка докладывала, что как раз перед ними немцы создали четырехкратное превосходство в силах. Да и боеприпасов не жалели, артиллерия била день и ночь. Нашим же приходилось беречь все, снаряды считали поштучно. И тут стало каждому понятно, что такое мастерство, а еще точнее, выучка артрязведчиков и выучка вычислителей. Одни точно (или не точно) засекают вражескую батарею, а другие точно (или не точно) выдают данные ребятам на батарею.

И от этих данных напрямую зависело, перестанут подбираться вражеские разрывы все ближе и ближе к командному пункту нашего полка, или через три-четыре снаряда КП все же будет разбит? Чтоб он не был разбит, следовало опередить врага хотя бы на несколько секунд, чтоб наш снаряд пришелся точно на ту вражескую пушку, что совсем уж было пристрелялась к нашему КП.

Но дочитаем донесение:

«Благодаря стойкости и мужеству воинов 14-й армии при поддержке сил Северного флота все попытки немцев захватить полуострова Рыбачий и Средний были сорваны. 52-я стрелковая дивизия одной из первых на фронте была преобразована в гвардейскую, и стала 10-й гвардейской».

И Мурманск остался нашим. Нашим остался и Полярный — советская военноморская база. 14-я армия и Северный флот обеспечивали свободу действий в Баренцевом и Белом морях, плавание кораблей по Севморпути, сохранилась связь с Европой и Америкой. Мурманск принимал помощь союзников по морю. Самолеты, танки, тушенка и даже ферросплавы для Кузнецкого металлургического комбината в порту разгружались и шли дальше по Кировской железной дороге, которую они врагу тоже не отдали. Эта дорога была в зоне ответственности именно их 52-й стрелковой дивизии. В Кировске промышленность замерла, предприятия и люди были эвакуированы, но оставшиеся наладили на местном сырье выпуск взрывчатки и фосфорных боеприпасов, которых немцы боялись больше «катуш», известно же, что через европейских посредников они запросили у Советского Союза прекратить применение фосфорных снарядов и бомб в ответ на обещание не

Петр Тимофеевич Аносов

применять на фронте газы. И с 1943 Красная Армия перестала носить противогазы, но это к слову.

Что еще не удалось сделать врагу на их Карельском фронте? Южнее их 14-армии, в самой Карелии, наши не дали немецко-финским войскам взять Ленинград с севера, им не дали даже соединиться с группой армий «Север». А непосредственно в их зоне ответственности фронт перед Мурманском замер до осени 1944, потом они пошли в наступление и вышвырнули врага и с нашей земли, и из Норвегии.

Что касается красноармейца Аносова, то он в том наступлении уже не участвовал, потому что (опять сказались образование) с конца 1943 он — курсант Тамбовского артиллерийско-технического училища,

через год закончил его, был оставлен при училище командиром взвода. А потом судьба сделала очередной резкий поворот: в 1945-м, уже после Победы, младший лейтенант Аносов снова оказался в курсантах, только учеба на этот раз оказалась не по артиллерийскому и совсем не по техническому профилю. Он направлен в Ленинградскую школу Главного управления контрразведки Наркомата обороны.

Он с молодых лет был повернут душой и к чтению, и к искусству, и к культуре. Ведь захотелось же ему еще в шестнадцатилетнем возрасте записаться на учебу в театральную студию и закончить ее!

Было это в 1931-1933 годах в Прокопьевске, где он только что закончил Школу горнопромышленного ученичества. То есть выучился на шахтера. Театральная студия там действовала при клубе имени Артема, но преподавали в ней не местные самоучки.

В те годы в поднимающийся угольный центр приезжали ведущие артисты Советского Союза, в клубе имени Артема бывал на гастролях театр Мейерхольда, бывал театр Немировича-Данченко, балет Викторины Кригер, город закладывал парк культуры, так что театральная студия была учреждением «на уровне».

И она, несомненно, оставила след в душе парня на всю жизнь.

Аносов избрал себе жизненный путь, напрямую связанный с журналистикой, а туда случайные попадают редко, а если попадают, то не задерживаются.

Он перешел на работу в редакцию и стал ответственным секретарем городской газеты «Знамя победы». А года через три он уже в областной газете, в «Кузбассе». Каким по счету получился тот поворот в жиз-

ни, и надо ли эти повороты считать? Куда важнее то, что этот поворот оказался главным на всю оставшуюся жизнь.

В «Кузбассе» он попал в отдел новостей, посчитал, что это не то, и перешел в отдел сельского хозяйства, и прошел там необходимую журналистскую обкатку. А затем Петр Тимофеевич Аносов с 1957 по 1978 год — 20 (двадцать!) лет — заведовал в газете «Кузбасс» отделом сельского хозяйства. Другого такого долгожителя в одной должности в газете не было ни до него, ни после него.

Это были те два десятилетия истории области, которые оказались самыми результативными для роста ее промышленности, культуры и, разумеется, сельского хозяйства. А кузбасская журналистика уже тогда была журналистикой имен, многие из которых не забыты по сей день.

— У себя в Мариинске я читал в «Кузбассе» Денискина, Ивачева и Аносова, — вспоминает Александр Гаврилович Зайцев, сам ставший потом одним из первых перьев области.

И свое профессиональное становление он ставит в заслугу судьбе, которая счастливо свела его с Петром Тимофеевичем.

Главное отличие стиля и слога самого Аносова, по мнению Зайцева, в деловитости и точности:

— Он меня все время заставлял завитушки убирать, повторял, что статье не красоты нужны, а суть. Сам писал много, коренником был. Но и нас гонял, это сколько нас получилось, поданосовиков? Саша Дергачев, Валентин Денискин, Володя Горбатов, Володя Матвеев, Толя Паршинцев... Не забыть бы кого. Это ж были имена!

Кто-то потом уехал на повышение, Денискин стал главным редактором «Кузбас-

са», меня Петр Тимофеевич вместо себя рекомендовал, после меня Паршинцев отделом заведовал. Между прочим, Аносов еще в середине шестидесятых получил медаль «За трудовую доблесть», такие давали механизаторам и животноводам, а он ее получил, работая в газете, в добавку к наградам военным.

МАТРОССКАЯ ЗАКАЛКА

Заставлять человека рассказывать, в чем и как он участвовал 65 лет назад, не очень вежливо. Кто не согласен, пусть сам вспоминает, что с ним было лет пять назад, или даже три... А потому давайте лучше человека спросим о его личных ощущениях и переживаниях: нам интересней они. А о событиях пусть поведают архивные материалы, мемуары и исторические документы.

Итак, Александр Гаврилович Зайцев, который достоин звания истинного журналиста. В подшивках газеты «Кузбасс» за 1960-1980 годы его публикации, пожалуй, самые запоминающиеся: глубоки темой, толковы содержанием, увлекают формой.

...Великая Отечественная лично для него началась в 1942-м. Выпускник школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) пятнадцати лет от роду направлен на военное предприятие в Мариинске. Это был литейно-механический завод на базе локомотивного депо железной дороги, токарь Зайцев получил там «бронь» и был поставлен к станку выполнять фронтовой заказ. Он точил... нет, не снаряды. Из-под его резца выходили обточенные после литья детали для задвижки Лудло с шиберами 30-40, это такая оснастка для трубопроводов. После 12-часовой смены, чтоб не тратить время на дорогу, да и шпана по ночам шастала, они -

рабочий класс его возраста — падали спать в кочегарке, туда им матери в узелках приносили похлевать горяченького и вареной картошки.

В шестнадцать он начал проситься на фронт, а в военкомате майор Тюриков (запомнился же!) увещевал:

— Куда? Война-то кончается...

Но где-то летом 1944-го майор Тюриков сломался:

— Отправлю, только на работе не говори, документы мать получит...

И вот он Бийск, запасной стрелковый полк, и вот она боевая подготовка, строевая подготовка, политическая подготовка. И ночные тревоги с марш-броском до совхоза — это километров шесть. Обрато каждый несет два-три вилка капусты, все сваливают на кухне, и отбой до утра. Ту капусту повара им готовили на обед...

В один прекрасный день прибыли офицеры с Дальнего Востока, старший из них, капитан первого ранга, горячился и даже орал на местных отцов-командиров, что совсем заморили ребят — одни кости! Ладно еще, хоть кости хорошие...

И новая жизнь юнцам — Красная Горка под Хабаровском, база Амурской военной флотилии, и в подкрепление тех воспоминаний несколько строк из документа:

«Краснознаменная Амурская флотилия к началу военных действий имела в своем составе четыре бригады речных кораблей, отдельный дивизион кораблей, отдельные отряды бронекатеров и авиацию. Всего в строю находилось около 169 боевых кораблей различных классов, в том числе 8 мониторов (2 были в ремонте), 11 канонерских лодок, 52 бронекатера, 12 тральщиков и другие корабли. Авиация насчитывала более 70 самолетов. Почти весь личный состав фло-

тилии был кадровым, имел хорошую подготовку и высокую боевую выучку. Краснознаменная Амурская флотилия по своей численности и вооружению значительно превосходила Сунгарийскую речную флотилию противника».

Учебный отряд. Там все человечней, чем в Бийске. Мичман им по-отцовски:

— Ребята, вижу, разъелись, вижу, брюхи распустили, но терпите, за добавкой на камбуз не бегайте, котлы мыть не проситесь, втягивайтесь...

И правда! Курсант Зайцев втянулся. Есть, конечно, хотелось все время, но скоро он из подземного склада, что в скале, стал прихватывать сразу по два снаряда для «катюш», а это под сотню килограммов. И потом, после демобилизации, еще лет пять жил по тому режиму, и той нормы ему хватало...

Боевую специальность ему подобрали, исходя из гражданской профессии — электрик. И в установленный срок выпустили, расписав корабельным электриком на «Дальневосточный комсомолец».

— Серьезный корабль, — вспоминает Александр Гаврилович, — длиной 120 метров, броня в три пальца, карапасная (выпуклая) палуба, борт не больше метра высотой, с берега поглядеть — над водой одни башни, в него трудно попасть. Экипаж 120 человек...

Еще документ.

«Интересно сложилась судьба монитора "Вихрь". Взорванный экипажем в 1921-м, чтоб не достался интервентам, он был восстановлен, а в 1939 прошел модернизацию, получил название "Дальневосточный комсомолец". Корабли этой серии при водоизмещении 946 т были вооружены двумя 152-мм и четырьмя 120-мм орудиями в башнях, и семью пулеметами. Самой интересной

особенностью была силовая установка: четыре дизеля суммарной мощностью 1000 л. с. приводили в действие четыре гребных винта. Все они вступили в строй в 1910 году. Таким образом, амурские мониторы стали первыми в мире дизельными речными боевыми кораблями. «Факт этот величайшего значения, — писал в 1940 году журнал «Морской сборник», — так как в этом случае Россия опередила на много лет не только Европу, но и Америку...»

Ответственность матроса Зайцева — исправная работа электрооборудования, на котором держится на корабле все, включая поворот башен и орудийный огонь. Без конца тренируется экипаж на выучку и слаженность. По расчету боевой тревоги его место внизу, в пороховом погребе, отрабатывать ручную подачу снарядов. На случай отказа механизмов учились крутить конвейер вручную, помнит, ребята даже падали от изнеможения, и сам тоже падал.

А потом его расчет изменился: по тревоге он должен был взлетать на мачту над командирской рубкой, к главному прожектору. Это было сложное и весьма мощное сооружение для освещения целей в ночном бою. Чтоб не «взлетать» в темноте по два раза за ночь, он даже спать приловчился прямо там, под прожектором, завернувшись в чехол. А без выучки нельзя: тот берег Амура — это сплошные укрепрайоны — Сахалянский, Сунгарийский, Фуцзинский. Это узлы сопротивления, опорные пункты в земле, в скалах, в железобетоне. Так что командиры учили их военному делу самым настоящим образом...

«Монитору довелось принять участие и в Великой Отечественной войне в августе 1945 года под командованием капитана III ранга П. Мошнанцева в составе 2-й брига-

Александр Гаврилович Зайцев

ды кораблей. Он тогда находился в Нижней Протоке, принимал участие в захвате городов Фюань и Гайцзу, после чего присоединился к кораблям 1-й бригады и участвовал в боях в устье Уссури и устье Сунгари».

9 и 10 августа незабвенного 1945-го на их участке 15-я армия и 5-й отдельный стрелковый корпус форсировали Амур и Уссури. Единым броском корабли флотилии и вновь прибывшие суда переправили десятки тысяч людей, а еще танки, артиллерию, грузовики, боеприпасы и все, что нужно для наступления. А после высадки десанта каждый монитор превращался в артиллерийскую батарею и начинал ровнять с землей береговые укрепления японцев.

В переводе на их мощный калибр получалось, что по опорным пунктам врага прямой

наводкой бьет дивизионная и даже армейская артиллерия! Отсюда и темпы прорыва обороны: час — другой, и на правом берегу Амура вместо дотов и дзотов — развалины. Он перестает огрызаться, войска переходят в наступление. Надо идти дальше и кораблям, далеко впереди Харбин, там уже воздушный десант высажен, надо выручать. Но мониторам туда хода нет, Сунгари мелкая, как наша Томь, мониторы остаются на Амуре, а вверх по Сунгари уходят канонерки и бронекатера.

«Краснознаменная Амурская флотилия, выполняя приказ Верховного Главнокомандования, в тесном взаимодействии с войсками 2-го Дальневосточного фронта содействовала решительной победе над империалистической Японией. Корабли флотилии, являясь авангардом войск 2-го Дальневосточного фронта, форсировали такие водные преграды, как реки Амур, Уссури и Сунгари, и тем самым ускорили захват опорных пунктов японцев и городов Маньчжурии». Из приказа командующего 2-м Дальневосточным фронтом генерала армии М.А.Пуркаева.

Катерники потом рассказывали: 900 км до Харбина они прошли за 12 суток. В Харбине их встречали огромные толпы китайцев с красными флагами.

А что «Дальневосточный комсомолец»? А он вот что.

«Утром 18 августа командующий фронтом сообщил Военному совету Краснознаменной Амурской флотилии о капитуляции Квантунской армии, а через час на монитор «Дальневосточный комсомолец» явился начальник штаба 134-й японской пехотной дивизии и заявил о готовности своих войск сложить оружие. Командующий флотилией приказал командиру 632-го стрелкового

полка приступить к разоружению и пленению войск противника. 19 августа начальник штаба Квантунской армии Хата Хикасабуро с сопровождающими его лицами явился к Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому, находившемуся в штабе 1-го Дальневосточного фронта, и заявил о полной капитуляции Квантунской армии. С 16 часов 19 августа Квантунская армия прекратила боевые действия почти на всем фронте и начала стягиваться к пунктам, указанным советским командованием, для сдачи оружия».

Не свидетелями, а самыми непосредственными участниками событий, по-настоящему исторических, пришлось стать команде нашего монитора. Победа! И сразу после праздников командование довело до матросов молодого пополнения их задачу. Она в том, чтоб отпустить домой фронтовиков, но не должна пострадать боеготовность. А это значит, что каждый молодой должен действовать на своем посту не хуже старослужащего. И что служить в мирное время им предстоит три года.

Молодежь задачу поняла, лично матрос Зайцев успешно сдал все зачеты, нормативы и допуски. Его старшина Иманов на войне с 1941-го, с той самой битвы за Москву! И когда старшина Иманов попросит: «Саша сгонял бы за горяченькой водичкой, побриться надо», — матрос Зайцев срывается с места. Для него такая просьба — высшая честь, потому что на День Победы у старшины Иманова для орденов и медалей места на форменке не хватило! Но это так, к слову про тогдашние отношения молодых со старослужащими.

И еще один эпизод из тогдашней службы. Праздничный Хабаровск, матрос Зайцев в увольнении в городском парке, в об-

шестве этакой собеседницы из местного населения. И замечает матрос краем глаза: курсом справа выдвигается в их сторону группа высшего комсостава численностью до взвода. И различает впереди командующего округом маршала Малиновского, командующего соседним округом генерал-полковника Пуркаева, командующего своей краснознаменной флотилией товарища Антонова и так далее. И матрос Зайцев вынужденно прерывает приятную беседу, невежливо поворачивается к собеседнице спиной, принимает стойку «смирно» и бодро отдает честь. И что дальше?

В ответ маршал Малиновский приветствует матроса приложением руки к головному убору, и точно так же отдают матросу Зайцеву честь оба десятка генералов и адмиралов, что шагают за товарищем маршалом. «Взвод» продолжает следовать избранным маршрутом в сторону гарнизонного Дома офицеров, а матрос Зайцев оборачивается к спутнице и продолжает приятный разговор о мороженом, наверное. И потом всю свою жизнь использует этот жизненный пример для сравнения армейских нравов своего времени и нравов нынешних генералов, которых показывают по телевизору.

Но праздники праздниками, а будни буднями. Проводили фронтовиков, служба пошла вроде как пограничная. Маньчжурия еще не была совсем Китаем, великая дружба была еще впереди, и однажды в соседний монитор, кажется «Сунь-Ятсен», с того берега даже пальнули. Командир, никого не спрашивая, отдает команду:

– Реактивная установка – к бою!

Потом следующую команду:

– Огонь!

И несколько гектаров вокруг места вы-

стрела дымились еще дня два, но никто больше по нашим не стрелял, ни там, ни где-либо еще. «Дальневосточный комсомолец» дважды ходил в Николаев-на-Амуре за золотом, они просто перевозили добытое золото. Потом монитор был поставлен в черте города Хабаровска. Все бы ничего, если б не прямо напротив городского пляжа, это при корабельной-то оптике! В сенокос помогали труженикам сельского хозяйства нивхского села Сикачи-Алян возле Комсомольска-на-Амуре. Зимой монитор вмерзал в лед, его обшивали досками и получался такой короб, только башни торчат, внутри его можно ходить, и метели не заметают. Сводный хор двух корабельных бригад «сымал призы», солисту Зайцеву – почет от командования и сердечное уважение зрительниц из того же местного населения. Был он в активистах, всегда «до кучи», их самодеятельность со сцены смело громила англо-американский империализм с их антисоветским пактом, зал хохотал. А вот уже и у него тексты для этих выступлений понемногу начали получаться, злободневные, в рифму.

После повторного попадания в учебку матрос Зайцев вышел старшиной второй статьи. Прошло три года, но им сказали, что надо отслужить еще годик. Потом еще. Потом еще. Потом «Дальневосточный комсомолец» загнали в док в Комсомольске-на-Амуре для ремонта и чистки. Дежурный электрик по доку старшина Зайцев увидел, как один ремонтник ловко поддевает на удочку сазанов, попросился к нему в ученики и весь ремонтный месяц кормил команду сазанами. И привязалась эта привычка на всю жизнь, по сей день...

А потом старшина первой статьи Зайцев вернулся в Мариинск – через шесть

с лишним лет после своего добровольного бегства. Приступил к мирному труду по специальности, электриком, в клуб имени Берии. Там профессиональный театр был собран из заключенных, работали артисты из центральных театров. Один, уже пожилой, из Ленинграда, заметил неумного участника художественной самодеятельности и взял над ним творческое шефство — профессиональные подсказки делал, голос ставил. Жаль, забылась фамилия хорошего человека.

Потом позвали обратно в локомотивное депо, и стал он там токарем и электриком сразу на «больном пути», они там возвращали в строй битые вагоны.

Вспомнилась — да она и не забывалась — комсомольская активная жизнь, начал электрик Зайцев заметки в городскую газету писать. Одну заметку напечатали под рубрикой «фельетон», это была критика ни мало, ни много на начальника отделения дороги. И тогда мудрейший Иван Николаевич Васильев — он когда-то у самого Бардина на Кузнецкстрое интервью брал — позвал рабкора к себе в «Зарю».

Так снова, в который уже раз, резко изменилась жизнь — началась журналистика, и пошла она в гору. Его заметили, начали переманивать в «Кузбасс» но местное начальство написало редактору, что Зайцев плохой. Тогда два вчерашних фронтовика, светлая память им, П.Антипов и П.Аносов и два молодых, тоже светлая память им, А.Бельчик и В.Денискин пошли к редактору, фронтовику, светлая память ему А.Троицкому и переубедили его. Сказали, наоборот, кандидат в собкоры Зайцев — хороший. А фронтовик, светлая память ему, П.Ворошилов даже довод привел:

— Зайцев за пять дней из незнакомого

Новокузнецка привез шесть статей, хотя задание было привезти пять!

Потом была Высшая партийная школа при ЦК КПСС в Москве, ее он закончил заочно. Был переезд в аппарат редакции. Много лет заведовал отделом информации с незабвенным, светлая память ему, Виктором Моисеевым. Он вел знаменитый «Пятый угол», и те фельетоны (не по зубам этот жанр сегодняшним «свободным» журналистам) выходили отдельными книжечками. Потом они с молодыми и талантливыми новичками — фотокорами Виктором Грызыхиным и Юрой Сергеевым — делали фоторепортажи из таких медвежьих углов, куда до них нога журналиста не ступала, все севера, чуть не до океана, облетели на вертолете. Потом репортажи переросли в фотоочерки, под них не жалели газетную площадь «Известия» и «Советская Россия». Это был тогдашний Знак качества в журналистике.

Потом заведовал отделом сельского хозяйства, и вышли его книжечки «Праздники в Шуринке». А завершил карьеру заведующим отделом промышленности. И точку эффектную поставил: уже будучи официально на пенсии, выдал в «Кузбассе» серию публикаций в защиту Томи и стал лауреатом премии Союза журналистов СССР. Было тогда такое звание, которое в пишущей среде приравнялось к званию Героя Социалистического Труда, хотя бы по количеству награжденных. В Кузбассе, например, он стал лишь третьим и последним лауреатом этой премии. А что касается написать, то, когда попросят, сделает и сегодня, напишет иронично и в точку — в своем нержавеющей стиле. То же касается сазанов, окуней и сорожняка, о них его и просить не надо: вся ловящая обществен-

ность знает его законные места на льду за «Автомобилистом», за Верхотомкой и где-то еще, кажется в Пугачах. А про «Дальневосточный комсомолец» он недавно узнал: охранял, оказывается, боевой монитор границу до 1958 года, после чего был списан на переплавку. Прочитал и пожалел его...

Ну а мы, снимая шапку перед героями Сталинграда, не будем забывать и про таких, как Александр Гаврилович Зайцев, которому было приказано быть в других местах и который вернулся в мирную жизнь с одной медалью имени славного флотоводца Ушакова, потому что не успел. Война действительно пришла к концу.

Федор Демин

ГАЗЕТА – ЕГО СУДЬБА

Степану Ефимовичу Вагину нынче исполнится шестьдесят пять лет. Из них почти сорок отданы нашей печати.

— Так уж сложилось, что в династии Вагиных я журналист пока один. Есть историк, физик, экономист, радиоинженер, агроном, строитель и другие профессии. Надеюсь, что племянник — Александр Вагин — историк, заинтересуется журналистикой. Он увлекся политэкономией, — говорит Степан Ефимович.

Прошу Степана Ефимовича рассказать о себе.

— Родился в старинном сибирском селе Ваганове Промышленновского района. Оно раскинулось у подножия Салаирского кряжа на речке Истоке. Отец — Ефим Яковлевич Вагин в 48 лет умер. На руках матери Феокиеты Михайловны осталось шестеро детей: четыре дочери и два сына. Сестры Ульяна и Дарья уехали в Кемерово. Я сел за парту в девять лет. Ходил в школу, никогда не забуду первой встречи с учителем.

Он меня спросил:

- Как зовут?
- Панка.
- А мать?
- Тетка Фиста.
- Отца?
- Не знаю.
- Ну, а где ты живешь?
- Там, где вы домой ходите...

Панкой меня прозвала старшая сестра: Степан, Панка.

— Ладно, Панка, набирайся ума-разума, — сказал учитель и погладил мне голову.

Учился в Ваганове три года. Пятый класс закончил в рабочем поселке Промышленная. Потом уехал к сестре в Кемерово. Здесь после семилетки поступил в химико-технологический техникум на отделение механиков. До начала войны окончил три курса. Летом проходил практику в авторемонтных мастерских. Оттуда в августе и призвали в армию.

Направили в Мичуринское военно-инженерное училище. Оно в то время находилось в Новосибирске. В июле 1943 года попал в 18-ю воздушно-десантную бригаду.

Она стояла в Яхроме под Москвой. Спустя год бригаду переформировали в 290-й Гвардейский стрелковый полк и отправили на Карельский фронт.

Из Карелии перекинули в Могилев. Весной 45-го нас перебросили в Польшу на Сандомирский плацдарм. Потом со своей дивизией освобождал от врага Венгрию, Австрию, Чехословакию.

Был комсоргом взвода, батальона, управления полка. Кончилась война. В феврале 1946 года меня командировали на краткосрочные курсы иностранных языков. В мае следующего года курсы расформировали, я вернулся в Кемерово.

Отдыхал недолго. Пошел в колонию помощником начальника по культурно-воспитательной работе. Дослужил ся до начальника отдела. В 1948 году избрали вторым секретарем Кировского райкома комсомола. В 1950 году утвердили заместителем заведующего отделом пропаганды Кемеровского обкома ВЛКСМ. В 1951 году уехал учиться в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ.

Газета — мое призвание, а журналистика стала профессией. В ЦКШ закончил факультет журналистики. Обком комсомола направил в редакцию «Комсомольца Кузбасса» заведовать отделом пропаганды. В 1955 году утвердили заместителем редактора, через год стал редактором этой газеты.

Где бы ни работал, всюду меня окружал дружный коллектив. Его сплачивали преданность советской печати, принципиальность, забота друг о друге. Короче говоря, соблюдение добропорядочных принципов в работе, в отношениях между людьми.

Послевоенные годы не были легкими. Но партийное руководство печатью, связь с широкими массами, товарищеская атмосфера помогли в воспитании молодежи. Я с благодарностью вспоминаю первого редактора «Комсомольца Кузбасса» Николая Троицкого, работающего сейчас в «Социалистической индустрии», Владимира Мазеева и Геннадия Емельянова, ставших известными кузбасскими писателями.

Не могу не вспомнить превосходных журналистов Петра Гулого, Эвелину Суворову, Максима Щербакова, фотокорреспондента Виктора Стрельникова. Мог бы назвать имена многих товарищей.

Перелистывая страницы газеты тех лет, вспоминаю встречи с читателями, беседы, организованные редакцией «Комсомольца

Кузбасса» в школах и профтехучилищах, на шахтах и новостройках, всюду, где была молодежь. Горжусь тем, что комсомол воспитал, сформировал меня, как человека и коммуниста!

Беседу со Степаном Ефимовичем Вагиным следует еще дополнить биографическими данными. В 1959 году ему предложили перейти в облисполком на должность заместителя начальника управления культуры, где он проработал до 1963 года. Но его снова потянуло в газету. Он стал редактором юргинской объединенной газеты «Свет Ильича», затем заведующим сектором печати обкома КПСС. Вагин многое сделал для развития печати Кузбасса, личным примером воспитывал журналистские кадры, выступал в «Правде», «Известиях», «Советской России», в журнале «Агитатор», много лет был редактором информационного бюллетеня «Журналист Кузбасса», принимал участие в составлении сборников областного книжного издательства. За книгу «Кузбасс—фронту» удостоен премии имени В. Мартемьянова.

Степан Ефимович Вагин вступил в комсомол в 1939 году, в члены КПСС принят на фронте в 1945. Ратные и трудовые подвиги отмечены орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, десятью медалями и 14-ю почетными грамотами. Он персональный пенсионер республиканского значения. Находясь на заслуженном отдыхе, продолжает активно сотрудничать в печати.

Татьяна Микельсон
ВЗЯЛАСЯ ЗА ГУЖ

Вот уже почти три десятка лет как ушел из жизни мой отец Павел Иванович Антипов. Ему было всего 53 года. Сегодня я на

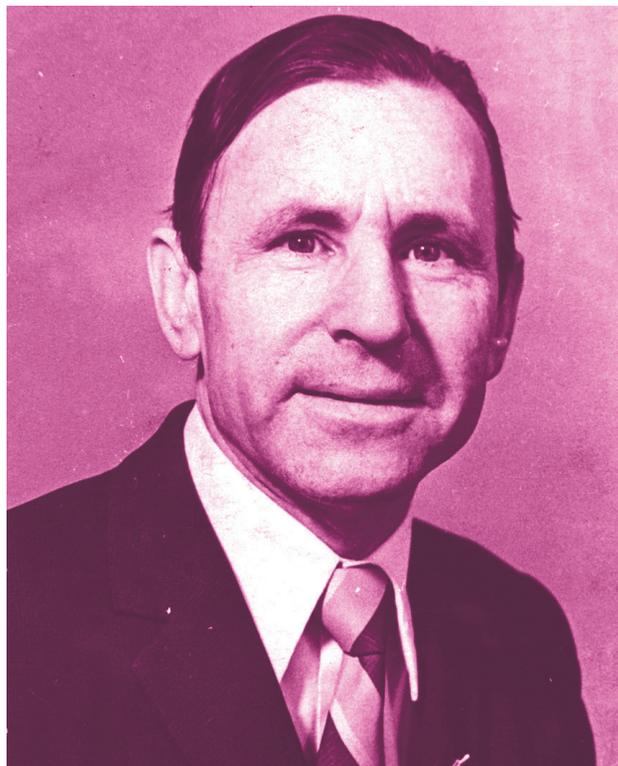

два года старше своего отца, а ему было бы восемьдесят два... И хотя его нет рядом со мной столько лет, все эти годы он незримо присутствует в моей жизни в немногих снах, в воспоминаниях коллег, на снимках в домашних фотоальбомах. И поэтому мне совсем не трудно представить, каким бы он был сейчас. Ведь не зря говорят: «Скажи, кто твой друг?» А в друзьях-товарищах у него были Николай Яковлевич Троицкий, Максим Гаврилович Щербаков, Иван Алексеевич Балибалов, Юрий Степанович Котляров, Лидия Кирилловна Смирнова, Леонора Израилевна Бейлина, Эвелина Владимировна Суворова. Он искренне уважал коллег помоложе: Анатолия Игнатьевича Бельчика, Таисью Алексеевну Шатскую, Геннадия Евлампиевича Юрова, Юрия Николаевича Рязанова.

Не трудно представить отца сегодняшним еще и потому, что сама вот уже пять лет связана с ветеранским движением Кузбасса. Причем не столько даже по роду работы, а по уважительному отношению к старшему поколению, которое привили с детства родители.

Пожилых людей, которых отец искренне почитал, было немало в его близком окружении. Думается, и это его качество учитывали, когда поставили во главе отдела писем и жалоб трудящихся областной газеты «Кузбасс», ведь работать приходилось большей частью с этой категорией населения.

Особое почтение старших, думается, было у него самого также и от воспитания в семье, где он был младшим, и, безусловно, от армейского воспитания (в армии он прослужил семь лет). Папа воевал в Прибалтике — в Латвии и Литве. Было это уже ближе к концу войны.

Павел Иванович Антипов

Однако рассказов об этом он всячески избегал. Ему было тридцать с небольшим, когда я вступила в возраст «почемучек» и задала вопрос, почему у него не сгибается один палец на руке? Получила ответ, что «виновата» фашистская пуля. Тогда же узнала, что служил он в авиации. Называл известные города, которые приходилось освобождать.

К сожалению, став старше, я так и не услышала от отца воспоминаний о войне в домашней обстановке. Его рассказы о ней по-прежнему отличались скупостью, и при этом по-прежнему также хмурилось лицо. Он давал понять, что разговора на эту тему не будет. И только значительно позже, когда его уже не стало, я прочла материал Т.А. Шатской об одиннадцати журналистах-

фронтовиках областной газеты «Кузбасс». Там были строки об отце. Я привожу их:

«Да обо мне-то что писать?» — удивился Павел Иванович Антипов.

Пришлось признаться, что именно с этого начинали свои воспоминания все, с кем беседовала до него.

— Но я говорю верно, — возразил.»

Содержание этих строк многое мне разъяснило о моем отце. И в памяти стали всплывать эпизоды, которые я также хочу привести здесь.

Запомнилось, что папа очень долго ходил в быту в кителе, который потом мама перешла мне в пальто и шапочку, оторочив ее и воротник плюшем. И я с братьями даже есть на снимке в этом одеянии.

Кстати сказать, его потом поместили в одном из номеров газеты «Комсомолец Кузбасса».

Папа очень любил читать. Мне кажется, что мы перечитали все книги из большой редакционной библиотеки. Иметь библиотеку дома нам просто не позволяли средства: все-таки в семье росли трое ребят-шек.

И всякий раз, когда мы все прочитывали книги, отец относил их в библиотеку, а мы с нетерпением ждали его возвращения в этот день домой со свежей стопкой новых.

При этом любили обмениваться мнениями. Но все-таки больше всего он отдавал предпочтение литературе на военную тематику.

Домой же он приобретал «самую-самую» книгу, которую просто не мог не купить. К этому ряду относились и книги с воспоминаниями наших кузбасских фронтовиков, которые в то время стали издаваться у нас в Кемеровском книжном издательстве. У него на письменном столе всегда лежала

книга чешского журналиста Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее» (напомню, автор погиб в пражской тюрьме Панкратц в годы Второй мировой войны) и еще одна — тоже чеха — писателя Ярослава Гашека «Приключения бравого солдата Швейка» (этот персонаж известен прежде всего умением не унывать в различных ситуациях). И когда папе посчастливилось поехать по путевке в Карловы Вары, глаза его светились и ликовали, мне кажется, еще и по этой причине: ему хотелось побывать на родине любимых авторов.

У папы был девиз, по которому он жил: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». Этому он старался следовать всю свою жизнь.

Илья Ляхов

ТОВАРИЩ СТАРШИНА

Многие наши старшие товарищи — кузбасские журналисты — в суровые военные годы были на передовой. Нет, вовсе не «с лейкой и блокнотом». Они прошли огненными дорогами боев в пехоте и артиллерии, в разведке и авиасоединениях... По их фронтовым биографиям смело можно было бы составить едва ли не полный список всех родов войск армии-победительницы.

Это и к ним — кузбасским ветеранам пера, микрофона, телекамеры — обращены строки поэта — воина Давида Самойлова:

*Перебирая наши гаты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом...*

Эти удивительные люди — отважные, честные, не раз заглядывавшие смерти в глаза — нашли свое призвание в журналистике...

К той славной плеяде фронтовиков принадлежит и известный кузбасский журна-

лист — газетчик и телевизионщик — Вениамин Дмитриевич Власов. Этот человек поразительной скромности никогда — ни в газетных материалах, ни в телепередачах — ни словом не обмолвился о своем личном участии в боях. И только спустя годы

Не столь давно, в честь 50-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, в Москве был издан солидный трехтомник «Живая память», куда вошла и подборка документальных рассказов кузбасского журналиста, фронтовика Вениамина Власова. Пять лет спустя автор представил свою рукопись на областной литературный конкурс, посвященный 55-летию Победы, и был по праву удостоен одной из высших наград этого творческого соревнования. Книга была рекомендована к печати, но...

Известно, что в нынешнее непростое время долог и сложен путь рукописи от писательского стола к печатному станку. Как правило, автор сам вынужден искать спонсоров, готовых профинансировать издание. «Пробивными способностями» Вениамин Дмитриевич Власов никогда не отличался. Правда, нельзя сказать, что его «фронтовые были» за эти годы оставались без внимания земляков. Время от времени рассказы публиковались в альманахе «Огни Кузбасса», областных газетах. И вот только когда автор перешагнул порог восьмидесятилетия своей жизни, его книга пришла к читателю. Что ж, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Вениамин Власов принадлежит к тому поколению ребят, чьи школьные выпускные вечера совпали с грозным июнем 41-го года. Со школьной скамьи мальчишки шагнули в огненную круговерть долгой кровопролитной войны. Вместе со своими

однокашниками Вениамин каждое утро начинал со ступенек военкомата. Добились своего: их призвали, правда, направили в учебное подразделение. Но уже в феврале 42-го недавний курсант оказался в действующей армии, на переднем крае, на Ленинградском фронте. Через три месяца здесь солдат стрелковой дивизии встретил свое восемнадцатилетие...

Ленинградский фронт. Волховский фронт. Рядовой, вскоре — старшина роты 38-го стрелкового полка Гвардейской Краснознаменной орденов Суворова и Красной Звезды Новгородской-Померанской стрелковой дивизии Вениамин Власов был в самой гуще тяжелейших фронтовых событий.

*Но тот, кто побыл здесь, едва ли
Забудет и на склоне дней
О битвах, что порой бывали
Иных прославленных грозней,
Они забудутся не скоро -
Сраженья у Мясного Бора,
Пог Киришами, пого Мгой,
У Спасской Полости, у Званки
На безымянном полустанке.*

Эти незамысловатые стихи однополчанина, ленинградского поэта Анатолия Чивилихина с особым чувством по сей день часто повторяет бывший старшина. Для него перечисленные в рифмованных строках населенные пункты — не просто географические, неведомые многим названия. За каждым из них грохот боя, черный дым над землей, прощальный салют над братскими могилами друзей... Это не уходит из памяти, это навсегда осталось в сердце.

Вроде бы недолго — чуть больше года — довелось повоевать старшине. После тяжелейшей контузии скитания по госпиталям. Как ни просился обратно на фронт, докто-

ра сказали решительное нет! Вернувшись домой волей райвоенкома был направлен военруком в школу. Ту самую школу, которую окончил, казалось, только вчера. И до самого победного мая 45-го обучал фронтовик военному делу мальчишек.

В детстве пробовал писать стихи. Был чуть ли не штатным редактором школьной стенгазеты. Собирался стать журналистом, поступить в университет. Война спутала все планы, но не убила юношескую мечту. И в конце победного 1945 года его — очень молодого, без специального образования и, естественно, без профессионального опыта — все-таки... приняли на работу в газету. В городскую газету Анжеро-Судженска. Способным, удивительно работающим оказался новый сотрудник редакции. Наверное, не случайно вскоре стал заведующим отделом, а после (и достаточно скоро!) дорос до должности заместителя редактора. Но сам-то он отлично сознавал: образования не хватает, ко многому приходится приходить чисто интуитивно. Как подарок судьбы принял направление на учебу в Новосибирскую ВПШ. Своей лучшей школой журналистики Вениамин Дмитриевич по праву считает годы работы в областной газете «Кузбасс». С 1951 года почти десятилетие трудился он в главной газете земли Кузнецкой. В то время здесь сформировался отличный коллектив настоящих мастеров пера, у которых было чему поучиться. К тому же многие коллеги прошли дорогами войны и с особым вниманием отнеслись к молодому товарищу.

Обрел мастерство, пришел необходимый опыт. И вполне закономерно В. Д. Власов был назначен главным редактором Кемеровской студии телевидения. Случилось это в 1960 году, когда кузбасское телевидение только-только зарождалось, делало свои

первые шаги. Сегодня смело можно сказать, что становление ТВ Кузнецкого края происходило при самом активном участии страстно влюбленного в свое дело главного редактора студии Власова, проработавшего на этом посту почти два десятилетия...

Это был какой-то необычный главный редактор. Никогда и ни перед кем, даже в общении с начинающими коллегами не кичился он своей высокой должностью, не изображал «большого начальника». Даже самые серьезные замечания по представленным материалам он умел делать в на редкость мягкой, вовсе не обидной для автора форме.

Вспоминается такой эпизод. Один из тележурналистов, человек уже немолодой, выслушав весьма сдержанные претензии Власова к своему тексту, подготовленному к эфиру, вдруг заявил:

— Да что ты понимаешь?! Побывал бы на фронте, повидал бы с мое, тогда по-другому бы говорил!

Главный редактор поднял глаза от машинописных листков и очень негромко, без всякой обиды в голосе произнес:

— Конечно... Конечно... Только ты все-таки текст чуть переделай... Поверь, так лучше будет...

Несмотря на огромную загруженность чисто редакторскими делами, творческой работы не прекращал. Делал интересные сценарии передач, телеочерков, готовил к эфиру людей, которые должны были появиться на экране. Не случайно Вениамин Дмитриевич Власов вместе с незабвенным нашим главным режиссером (к слову, его надежным товарищем и соавтором) Виктором Яковлевичем Руденским первыми в Кузбассе были приняты в Союз кинематографистов СССР.

Павел Антипов
Павел Антипов (справа)

Михаил Астапов (второй справа)
Александр Зайцев (справа)

Василий Олейников (в центре) между боями

Иван Балибалов с офицерами полка

Пожалуй, никто из сослуживцев-телевизионщиков не догадывался о военном прошлом Власова. Он никогда не говорил об этом, даже в праздник не надевал боевые награды. Скромный абсолютно во всем, он и о своей фронтовой юности предпочитал не распространяться. Теперь-то мы знаем, что, придя домой, восстанавливая с болью «сороковые-роковые», он порой садился за письменный стол и заносил на бумагу воспоминания о запавших в душу эпизодах тех страшных дней и ночей. Долго, очень долго старшина запаса свои записи никому не показывал. Решился на это только через несколько лет после выхода на пенсию.

И вот (наконец-то!) увидела свет небольшая книга, которая названа «Пехота-матушка». Случилось это в год 60-летия Великой Победы.

На страницах той книги читатель не найдет описаний грандиозных битв, не встретит бахвальских рассказов о личном героическом участии автора в сражениях (что, увы, сегодня нередко встречается в мемуарных книгах о войне). Каждый рассказ Вениамина Власова — это крошечная повесть об увиденном и лично пережитом. Это поистине окопная правда без каких-либо прикрас и обширных комментариев. Причем, как это ни покажется странным, рассказы о кровавых буднях самой жестокой в истории войны, пронизаны... удивительной авторской добротой, я бы даже сказал, нежностью к людям, стоявшим на грани жизни и смерти.

Обычно в публикациях о фронтовиках авторы не скупятся на описания боевых эпизодов, ссылаясь на воспоминания героя своего материала. Не стал я этого делать... Ведь куда справедливей на страницах издания, посвященного кузбасским журна-

листам-фронтовикам, предоставить слово самому Вениамину Власову, опубликовав несколько его рассказов-воспоминаний из книги «Пехота-матушка», к слову, вышедшей пять лет назад непростительно малым тиражом. Очень хочется, чтобы эти честные, сердцем написанные рассказы были прочитаны не только людьми старшего поколения, но и нынешними молодыми нашими земляками.

Вениамин Власов ПЕРВЫЙ БОЙ

Лишь на третьи сутки подошли к полуразрушенной деревне Шевелево. В темноте по хлюпающей наледи одолели Волхов и очутились в сосновом бору близ какого-то крупного штаба. Отсюда явственно слышался стрекот пулеметных очередей, временами где-то на западе глухо, утробно погромыхивало, а над горизонтом стояло легкое сияние от постоянно висевших в небе немецких осветительных ракет.

Вдруг в нескольких метрах раздалась звонкие командирские голоса:

— Кто артиллерист? Подходи...

— Кто минометчик? Сюда!

— Пулеметчики!..

Меня обрадовал вопрос:

— Есть желающие в разведку?

— Есть!

«Не попал в легчики — пойду в «красные дьяволята», — подумал про себя и пристроился к шеренге будущих разведчиков. Офицер одобрительно, как нам показалось, оглядел добровольцев и повел нас в расположение разведроты. В просторной землянке, хорошо натопленной, нас по-братски встретили уже опытные, бывалые дивизионные разведчики.

Не успели мы сбросить с себя полушуб-

ки, как появился бравый, на вид уже немолодой усатый старшина.

— Здоровеньки булы! — обратился он к нам, — бачу, гарны хлопцы пришли до нас. Сибиряки! Располагайтесь як у себе. Я распоряжусь, шоб принесли поисты горячего — проголодались, небось?

По всему было видно, что старшина Пелипенко — душевный командир, заботливый «батя» для всех разведчиков подразделения. (Позже узнал, что он, будучи почти мальчишкой, воевал в Первую мировую войну и за отвагу был награжден «Георгием»).

...И вот навалилась на нас изнурительная муштра: марш-броски, стрельба по целям, трофейные разведки по переднему краю, ночные вылазки, отработка приемов рукопашного боя. Однажды, измотанные лейтенантом Кособоковым, мы не могли от усталости ни говорить, ни двигаться. А тут старшина:

— Бачу, хлопцы подустали малость. А я зашел показать вам, як исполняются приемы с ружьем. Ще при Суворове так учили, — он вытянулся в струнку, поставил винтовку прикладом к ноге.

— Слушайте и глядайте: матушку-карабину берем за самую середину, толстым концом к себе, тонким — от себе, правой ногою — гоп! И, как по волшебству, в одно мгновение винтовка у старшины оказалась в положении «к бою». Ясно, что ничего особенного не произошло, но усталость немного отступила и даже сделалось неудобно нам, молодым, перед старшиной.

В те дни мы уже жили ожиданием ответственной боевой задачи, настоящей операции. Не один раз опробовали свое и немецкое оружие, тщательно подогнали обмундирование и обувь. Между собой

старались говорить вполголоса. Лейтенант Кособоков твердил, как заведенный: «Если обнаружите огневые точки, немедленно уничтожайте их стремительным налетом. Еще: взаимовыручка в разведке — первое дело».

Стояла глубокая ночь, когда мы, двадцать разведчиков, спустились в лощину. В морозном небе холодно мерцали звезды. Нас, облаченных в белые маскировочные халаты, можно было принять за призраков. Бесшумно ступали, иногда ползли, сливаясь со свеженаметенными сугробами. Наши следы тут же задувало поземкой.

Наконец, перед нами — вражеские оборонительные укрепления. Лежим, прислушиваемся, и вдруг в белесой ночной пелене рядом, как из-под земли, появились силуэты двух часовых. Разведчики без звука сняли их. А дальше такое началось!.. Видно, очень неожиданным было наше появление в немецких боевых порядках. В дзоты, траншеи летели гранаты. Обезумевших спросонья фашистов мы полосовали очередями из ручных пулеметов, автоматов. Действовали быстро, не давая им времени осмотреться и вести прицельный огонь. Подтвердили правило: внезапность решает исход схватки.

Рядом со мной здоровенный разведчик подскочил к амбразуре дзота и был наповал срезан автоматной очередью. Я бросил одну гранату, другую... И тут почувствовал, как обессилела вдруг левая рука, а от плеча к запястью под полушубком поползло что-то теплое: «Неужели ранен?» Бывший с нами санитар быстро расстегнул на мне полушубок, освободил руку, разорвал гимнастерку и нижнюю рубашку, перевязал.

— Рана так себе, — успокоил он. — Осколок в мышце застрял. Ничего страшного. Дрались еще с полчаса, и свою задачу,

как сказал после лейтенант, выполнили — проложили путь нашей пехоте для наступления в сторону большого села Мясной Бор. Правда, в наступлении мне участвовать не пришлось: сразу после боя направили в медсанбат. Оттуда я через неделю получил разрядку уже в пехотный полк...

ОБОРВАННАЯ ТИШИНА

Ошалев от огневой бури, вся лесная дорога притихла. Замолчали надоевшие шипением над израненными кронами вековых сосен мины, перестали щелкать трелями за нашими спинами тысячи разрывных пуль «дум-дум».

Пришла тишина, которую сейчас не позволено нарушать никому. Каждый уцелевший солдат распластался в своем разбитом окопчике, закрыв утомленные от нечеловеческого напряжения очи, молчал. Не хотелось даже пожевать сухарик.

Облокотившись на бровку траншеи, вытянув отекавшие от невероятной усталости ноги, я вроде отключился от всего, что происходило в течение минувшего дня.

— Ты, старшина, ешь-клеш,— запыхавшимся голосом выбил из приятного состояния неслышно появившийся командир роты Перепеч,— рано устроил отдых. Так не пойдет. Нам поставлена задача продержаться до подхода замены.

Лейтенант присел рядышком со мной, закурил.

— Знаешь, у твоего соседа один вояка из недавних пополнцев,— глубоко затягиваясь дымом, нервничая, продолжал,— на ту сторону уполз, оставив после себя след помятой травы. Что будет теперь? Ты не можешь сказать? Наговорит там, что здесь нас всего-то кот наплакал.

Мне нужно было зайти в каждое отделе-

ние, рассказать о сложившейся критической обстановке. Первым, с кем поговорил, был солдат Пулин.

— Командир, фрицы что-то задумали,— опередил он меня.— Я хорошо слышу какие-то команды, перегруппировку. Нам запрещено стрелять, а они совсем стали нахальными. Глядишь, и в гости завалятся.

— Да, ты прав,— отвечал я.— Нам не стоит пока дразнить фрицев. Пусть они обманываются нашим поведением. Если нужно будет, мы встретим мощным огнем. Я сделал паузу. Посмотрел на установленный в амбразуре, выложенной из дерна, ручной пулемет.

— Твой «дегтярь» в порядке?

— Да, запасные набил патронами,— показал он аккуратно уложенные сбоку окопа еще три диска.— Жалко, что саперы не успели заминировать подходы, не перебросили колючей проволоки...

— Пулин блеснул глазами. — Боюсь, как бы они нас к утру не передушили, как щенят.

— Ты это брось,— построжился я.— Приказываю быть наготове отразить любое нападение противника.

«Откуда такое настроение у Пулина?— задавал потом я сам себе вопрос.— Может, тоже наострил ноги туда?» И мне пришел на память недавний разговор с ним.

Он долго добивался отправки на фронт, но ему отказывали. «Почему ко мне относились, как к сыну «врага народа»? — спрашивал меня солдат.— Да, действительно, отца арестовали в тридцать седьмом году. Но я не верю, что он — вредитель. Отец был инженером-строителем, добрым человеком».

Пристроился я в своем лежище, и мучает мысль: «Кто знает, что сейчас на уме у этого солдата? Возьмет да и сиганет к фри-

цам! Там его пожалеют, подогреют: «Ты мстить обязан за отца!..»

Почему он сын «врага народа»?

И мне живо вспомнились эпизоды школьной жизни того ужасного 1937 года.

...Преподаватель географии Михаил Васильевич Соколов, пожилой человек, но своей статностью моряка притягивал, точно магнитом, школьников. Мы заслушивались на уроках его экзотическими воспоминаниями, рассказами о заморских сказочных странах, о людях, их жизни, обычаях.

Но он всегда убеждал нас любить Россию, Отчизну, ибо она, говорил учитель, своими красотами и добрым героическим народом затмит все чужестранные прелести.

Нам было хорошо известно, что Михаил Васильевич — участник Октябрьской революции.

И все мы не могли поверить, когда в 1937 году его объявили врагом народа и арестовали.

Такие грустные воспоминания о совсем не таком далеком прошлом втащили меня в уже наступившую темную ночь... Тянуло в сон. Ничего удивительного: ведь я не вздремнул уже которую ночь кряду.

Нельзя позволить закрыться глазам. Я пересиливал, как мог, пока еще мальчишескую слабость. Я не должен выпускать из поля зрения расположенный почти в десяти метрах окоп рядового Пулина, того самого, у которого отец — «враг народа», который может тоже уползти туда, к фрицам.

Вот его огромная тень метнулась за дерево. По моей спине пробежал мороз: «Что с ним?»

В одно мгновение я передернул затвор автомата. Но он опять был уже на месте. Меня снова и снова клевала надоедливая дремота. Скорее бы явилась смена! Как хо-

рошо было бы перебраться в прифронтовой лес, чтобы немножко передохнуть.

«Только не спать! — досаждала одна-единственная мысль. — Пулин вон какой верзила! Огреет по голове, ухватит в охапку мое четырехпудовое вместе с амуницией содержимое в командирской начинке и упрет к фрицам...» С силой встряхнул себя, еще пристальней взгляделся уставшими глазами все туда же, в сторону Пулина.

...Наплывали новые воспоминания, и все о том же 1937 году. Сколько добра излучало любезное отношение к нам, ученикам, преподавателя немецкого языка Филиппа Филипповича Трейблюда! Конечно, нам приходилось злоупотреблять таким его расположением. Почему мы тогда не очень-то прилежно занимались изучением чужого языка? А ведь как бы теперь это пригодилось! Тут же нас научили лишь одному: «Хенде хох!»

Следующим «врагом народа» стал именно этот учитель с иностранной фамилией. О нем говорили, что он настоящий «немецкий шпион». Проходили шумные собрания. На одном из них крикун из местных активистов надсадно орал (мне на всю жизнь запомнилась его тогдашняя фраза): «Мы из этих диверсантов выпустим кишки! Поклянемся всегда беречь свою страну, как синица окуня!»

...Ну вот, затрещали под тяжелыми сапогами ветки. Это пришла смена... Немцы почували неладное. С той стороны застрочили пулеметы, повисли над лесом осветительные ракеты.

А мы уже уходили спешно, не оглядываясь назад.

Вот она широкая просека. Совсем рядом наше новое временное пристанище. Совершим затем марш-бросок к Волхову на отдых

и переформирование. Не удивительно: уже сейчас все как-то расслабились. Расплата за это не заставила долго ждать. Над нашими головами неистово завизжали прилетевшие издали вражеские тяжелые мины.

Пулин в какие-то доли секунды сшиб меня в канаву, заполненную водой. Сам же подставил свое могучее тело под град раскаленных осколков. Ошарашенный от взрывов, мокрый, я подскочил к поверженному солдату. Он жадно смотрел на меня, обильные слезы катились по его обожженному порохом лицу. Он, задыхаясь, хрипел: «Напишите маме...»

Сюда подбежали санитары. Уложили на носилки Пулина и скрылись в березняке.

Так оборвалась утомительная ночная тишина, принеся мне столько горьких воспоминаний, тревог, тишина, закончившаяся так трагично для солдата Пулина, спасшего от гибели меня, командира, который боялся его бегства к врагу там, в темноте, на переднем крае. В моем мозгу еще долго стучало: «Стыдно!.. Стыдно моей головушке!..»

СОЛДАТСКАЯ СМЕТКА

Весна начала активно проявлять свой нрав. Снежные валы, за которыми укрывалась наша оборона, буквально за несколько дней истощились. Именно истощились, ибо жаркое солнце выжимало из наших шинелей, обмоток и шапок-ушанок (до того обильно политых дождями) не водичку, а самый настоящий пар. Нам же такое было ни к чему. Мы не должны были свое месторасположение обнаруживать. О необходимости маскировки всегда напоминали командиры и особенно вездесущий заместитель политрука Кривошеев. Невзрачный на вид, но серьезный сибиряк, он, ко всему жадный, постоянно что-то искал, чтобы

хоть хитростью да насолить немчуре, удобно устроившейся на лесистой высотке близ Новгорода.

Как-то попалась солдатам в руки обгоревшая немецкая офицерская полевая сумка. Распотрошив ее, обнаружили целый набор фотографий: Гитлер то в окружении иступленных от радости своих соплеменников, то среди обласканных фюрером юнцов, будущих вояк вермахта... Были и личные письма, не отправленные в фатерланд. Находчивый ефрейтор сразу же нашел возможность выместить злость к фашистам на этих трофеях.

Не прошло и десяти минут, как появился старший сержант.

— Прибыл по вашему приказанию.

— Присаживайся, Сарычев,— уступив место на пенке, ласково начал замполитрука,— рисовать можешь?

— Когда-то получалось...

— Вот мы все тут придумали одно очень нужное хитрое дельце. Требуется изобразить нахальную харю Гитлера и выставить ее перед фашистами. Только обязательно,— затараторил Калашников,— чтобы челка, как у мерина, спускалась на один глаз и чтобы усики-сопли...

— Художник знает лучше, как изобразить гадину,— не дал договорить ефрейтору замполитрука.— Так что за работу! Я постараюсь найти у полковых тыловиков материал и все необходимое.

Мы, кто был увлечен затеей Кривошеева, почти весь день с нетерпением ждали его прихода. Сарычев и Калашников в ближнем кустарничке колдовали над производством краски из сожженной бересты, выстругивали лопаточки для рисования...

Где-то под вечер примчался к ротному КП радостный наш посланец:

Вениамин Дмитриевич Власов

— Я же говорил, что раздобуду! Я говорил...— и он выбросил на площадку, расчищенную солдатами в его отсутствие, довольно большой сверток, изрядно потерявшей свой белый цвет материи, банку из-под противогаса с коричневой краской, пару кисточек. — Скупердяи — тыловики расщедрились!

Наш художник, развернув кусок бязи, сказал:

— За ночь нам нужно сшить из кусков целое полотно.

...Работали старательно, сменяя друг друга для короткого сна. А утром Сарычев приступил к рисованию. Подрамник связали из вырубленных в ближнем лесочке молоденьких березок.

К наступлению темноты «портрет», как

теперь называли это изображение Гитлера, был готов.

Тщательно выбрали место, где следовало его установить. В кромешной темноте, осторожно, на руках, а то и ползком около двух часов доставляли трехметровый по высоте «портрет» на условленное место, поближе к немцам, но уж совсем недалеко от нашего переднего края. Укрепили между двух осин, привязав телефонным кабелем намертво. Немчура услышала нашу возню. Сразу же полетели осветительные ракеты, застрочили пулеметные очереди. Затем все умолкло.

Никто не смог уснуть в эту тревожную ночь. Каждый ждал рассвета, а с ним — чего-то необычного. Что предпримут фашисты?

Вновь назначенный командир роты Суоров (бывший наш же комвзвода) приказал трем снайперам подразделения занять удобные позиции, чтобы не дать фрицам приблизиться, как он выразился, «к важному военному объекту». Готовы были к отражению больших сил противника и пулеметчики.

...Как только чуть забрезжили первые лучи солнца, сюда явились командир и комиссар батальона.

— Ну посмотрим, что вы тут придумали,— забасил старший лейтенант Попов.— Я приказал, чтобы из соседней роты на подмогу отделение прислали. Думаю, жарким будет день. Молодцы! Вот она, солдатская смекалка.

И правда, не прошло и получаса, как началось: с той стороны поднялся невероятный гвалт, ругань на немецком и ломаном русском языках: «Иван, убирайт!»

С верхушек больших деревьев понеслись выкрики через громкоговоритель:

— Сволощ, рус, снимайт фюрера...

— Смотрите, смотрите,— показывает Калашников в сторону ползущих к «портрету» сразу нескольких фрицев,— сейчас получите своего фюрера.

Меткие выстрелы снайперов заставили немцев убраться восвояси, оставив на пожухлой траве несколько убитых.

Опять гремели угрозы. Снова и снова ползи фрицы к своей цели, подгоняемые офицером. Вступали в перестрелку пулеметчики...

Противник в этой игре потерял много солдат.

— Что же, думаешь, предпримут дальше немцы? — спросил комиссара комбат. — Ведь безумие — людей на верную гибель посылать.

Пауза затянулась до наступления темноты. И тогда, подтянув поближе к злополучной цели огнемёт, фрицы сожгли любимого фюрера.

Эта весть быстро разнеслась по нашему участку обороны, а вскоре и по всей дивизии: «Фрицы своего Гитлера убили!»

ЛЮБА-ЛЮБУШКА

...В районе полуразрушенного селения совхоза «Красный ударник» расположились штабные службы нашей дивизии. Именно здесь, в относительно тыловой тиши, в двух-трех километрах от переднего края, произошла неожиданная встреча юных, но уже обожженных войной сердец.

Повод для знакомства был непритязательный.

— Вы ведь командир,— серьезно заметила при встрече девушка в гимнастерке без знаков различия,— а являетесь сюда в таком затрапезном виде!

От удивления я смутился и ничего не мог

сказать в свое оправдание. А она так же серьезно продолжала:

— Позвольте, товарищ старшина, мне ваше замасленное «хэбэ» сейчас же сполоснуть прямо тут, в реке. Солнышко жаркое, в пять минут высушит.

— Готов подчиниться вашему приказанию,— затараторил по-мальчишески я.— Буду благодарен вам... тебе... К сожалению, не знаю имени...

— Люба, Любушкой меня все зовут.

Я тоже назвал себя.

Люба, как мне показалось, улыбнулась. Затем резко отвернулась. Она чуть не выхватила из моих рук гимнастерку и побежала вниз, к реке. Мне все это неожиданное было в радость, особенно когда я с неописуемым наслаждением наблюдал, как, подняв выше коленок юбочку, Люба забрела в воду и ловкими руками полоскала, отжимала порохом пропахшее мое «хэбэ».

Скоро она, словно на крыльях, взлетела на крутой край берега, набросила на куст боярышника мое обмундирование.

— А меня ведь прачкой определили,— отдышавшись от скорой работы, заговорила Люба.— Майор твердо пообещал после окончания курсов санитаркой направить туда, к вам, где вы бьете фашистов...

Она осторожно подошла ко мне и под села на ствол сваленного войной дерева. Я пододвинулся поближе к Любушке...

Отсюда, с крутого яра, далеко просматривалась почти вся округа, особенно завоховская сторона. Мы сидели и молчали, смотрели вдаль, где живут без войны, любя...

Нам виделись обширные зеленые, а местами опаленные пожарищами массивы, уходящие к далекому горизонту.

— А красивше наших нет на свете мест,—

вдруг глубоко вздохнула Люба.

В знак согласия я крепко сжал в своих ладонях ее руки, такие ласковые, маленькие...

Значит, она из этих мест. Потом Люба очень кратко поведала о своем горе.

...Шли сильные бои совсем недалеко отсюда. Люба с больной матерью и младшей сестренкой не смогли уйти из сожженной своей деревни. Вокруг рвались мины, свистели пули, от дыма и пыли нечем было дышать. Сюда ворвались немцы. Они знали, что в разрушенных строениях прятались старики, женщины, дети. Но все равно стреляли.

Фашисты убили Любиных родных. Сама же она, контуженная, сумела доползти до лесочка, где ее подобрала наша солдатка.

— Так я стала...

Не договорив, она убежденно сказала: «Обязательно стану воином».

Люба так близко наклонилась к моему лицу, что я не сдержался и поцеловал ее в губы.

— Поверь мне, я буду там с тобой, рядом. Затем она вдруг сорвалась с места и побежала в сторону штаба. Больше нам встретиться не довелось.

Минуло много лет... Сто шесть ветеранов гвардейской дивизии съехались со всех концов страны, чтобы навестить братскую могилу товарищей по оружию, поклониться героям-однопольчанам, отдавшим свои молодые жизни в годы Великой Отечественной войны. На двух комфортабельных «Икарусах» объехали Подберезье, Мясной Бор, Спаскую Полисть...

Селение совхоза «Красный ударник» стояло на пути нашего возвращения в старейший и славнейший из городов Руси — господин Великий Новгород.

Уставшие, растревоженные от волнующих встреч с жителями поселков и деревень, мы вдруг почувствовали торможение автобусов. Остановка? К нам заглянул молодцеватый, полковник и зычным голосом произнес команду:

— Выходи строиться!.. Сейчас для вас, однопольчане, будет сделан сюрприз.

Потом выяснилось, что Любовь Васильевна Баженова точно знала, что обратный путь из поездки по местам боев нас, ее однопольчан будет через «Красный ударник». Вот она и остановила наше шествие.

Теперь уже бывшие генералы, офицеры, сержанты и рядовые длинной цепочкой, растянувшейся вдоль деревенской улицы, на глазах односельчан, группами входили в гостеприимный дом Любови Васильевны. Представьте себе просторную деревенскую горницу, посередине которой накрытый накрахмаленной скатертью большой стол, стулья.

А на стене увеличенная фотография симпатичной девушки-ефрейтора в гимнастерке с орденом Славы и боевыми медалями. Ее огромные глаза как бы лукаво допытываются: «Ну, хорошо присмотритесь, ребята! Узнаете меня?»

Узнать было почти невозможно. Ведь минуло столько лет...

Но вот в горницу вошла немолодая обаятельная женщина в белой кофточке, юбке цвета хаки и хромовых сапожках. Счастливая, она поклонилась честной компании.

— Разве не я говорил, — забасил кто-то, — что это подлинная наша Люба-Любушка?

— Конечно же, она! — вырвалось у меня. И я, не раздумывая, быстро подошел к ней, взял ее горячую руку и поцеловал.

Вероятно, я имел на это право.

Ольга Владимировна

БЫСТРОТЕЧНА ВРЕМЕНИ РЕКА

В мае 2000 года в музей пришла изящная голубоглазая женщина. Обаятельно улыбаясь, представилась: «Светлана Михайловна Небогатова. Я хотела бы передать в музей документы моего папы». На счастье я оказалась землячкой Михаила Александровича. Как и он, родилась в Гурьевске. И как патриотка своей малой родины стихи Небогатова читала. Чем, наверно, и подкупила Светлану Михайловну. Так началось наше знакомство и плодотворное сотрудничество. В 2000 году в фонды Кемеровского областного краеведческого музея поступили первые сорок четыре экспоната: документы, личные вещи, награды Михаила Александровича Небогатова — ветерана Великой Отечественной войны, поэта, члена Союза писателей СССР. В 2005 году этот комплекс пополнился еще двадцатью семью документами и фотографиями. Для музея очень ценны комплексы материалов о людях, оставивших след в истории Кузбасса. Через их судьбы можно проследить историю города, где они родились и жили, предприятия, где они работали, и даже историю целого государства. Михаил Небогатов из их числа.

Михаил Александрович Небогатов родился 5 октября 1921 года в городе Гурьевске тогда еще Новосибирской области. В 1926 году, когда Мише было 4 года, его брату Григорию — 13, а сестре Надежде 8 лет, трагически погиб их отец Александр Алексеевич. У нас хранится «Выпись о смерти» и документы, которые мама Михаила Александровича — Клавдия Степановна собирала для назначения пенсии по потере кормильца. Из документов стало известно, что у семьи был дом, лошадь и

две коровы. Глава семейства был человеком грамотным, работал конторщиком казенной винной монополии с 1909 по 1918 годы, счетоводом на Гурьевском металлургическом заводе. Мама занималась домом и детьми. В своей автобиографии Небогатов писал: «Малограмотная женщина, она между тем обладала незаурядным умом, хорошо чувствовала живое поэтическое слово, знала наизусть много стихов (особенно Некрасова и Кольцова). Думаю, что любовь к литературе и, в частности к поэзии, была привита мне именно ею, моей матерью». С черно-белого снимка на нас внимательно и строго смотрит семья: Мария (жена Григория), Михаил, Клавдия Степановна, Григорий, Надежда. Даже на фотографии видно, что глава семьи, ее объединяющий центр — мама. Дом, где жила семья Небогатовых в Гурьевске, сохранился до сегодняшнего дня. Адрес его остался прежним: переулок Свободы, 3. В июне 1964 года Михаил Александрович побывал в Гурьевске. «Трудно передать чувства, которые испытал я, подъезжая к родным местам, видя поля, перелески, извилистую черту Салаирского кряжа на горизонте. Было такое чувство, что я еду навестить маму. Долго стояли у дома. Хоть я и не видел его двадцать семь лет, сразу же узнал его... Много сложных, самых разнообразных чувств навеяла эта встреча с родным кровом...»

В 1937 году Небогатовы переехали в Кемерово. Старшие брат и сестра Михаила создали свои семьи. Чтобы помочь маме, Мише пришлось идти работать в инвентаризационное бюро техником — инвентаризатором. В феврале 1940 года он вступил в комсомол. 15 апреля 1941 года Михаил уволился из бюро «в связи с уходом в Красную Армию». Когда началась Великая Отечественная война,

твенная война, красноармеец Небогатов попал на фронт, воевал в составе 270 стрелкового полка. В 1943 году окончил трехмесячные курсы в военном училище г. Шахты, в звании младшего лейтенанта вернулся на фронт, стал командиром взвода. Михаил дважды был ранен. У Михаила Александровича был четкий и красивый почерк, и только близкие люди знали, что его правая рука была изранена. Осенью 1943 года Небогатов был демобилизован и вернулся в Кемерово.

М. А. Небогатов награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Награды поэта переданы в дар музею его дочери.

Михаил Александрович не любил рассказывать о войне, но в творчестве часто возвращался к этой теме.

*Всю жизнь перед глазами, как живой,
Увиденный впервой солдат убитый.*

*Кругом движенье, гул, моторов вой,
А он у дома — всеми позабытый...*

*Был первый день войны. И первый — он,
Ничком лежащий, весь пог слою пыли.*

*И чувство в сердце жуткое, как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли...*

После демобилизации Михаил Александрович первое время работал начальником снабжения в промартеле «Память Ленина», затем заведующим корреспондентской сетью комитета по радиофикации и радиовещанию, литературным консультантом, позже редактором художественной литературы Кемеровского областного книжного издательства «Кузбасс». В 1945 году стихи Небогатов впервые появились в газете «Кузбасс». А в 1952 году вышла первая книга его стихов «Солнечные дни». «...Это

Михаил Александрович Небогатов

представлялось невысказанным — увидеть среди книг свою...».

8 октября 1962 года Михаил Александрович был принят в Союз писателей СССР, членский билет № 3121 был выдан 3 декабря 1962 года, в 1979 году ему был выдан другой билет члена Союза писателей СССР № 02560.

Даже получив признание, Небогатов был строг к себе и своим стихам. Но внимателен и великодушен к начинающим поэтам. Много лет на страницах газеты «Комсомолец Кузбасса» он вел рубрику «Факультет молодого литератора» («Литературная мастерская»), а в газете «Кузбасс» — литературные консультации. Светлана Михайловна вспоминала, что каждый месяц Михаил Александрович получал пухлую папку с

письмами. Долго и вдумчиво читал, обстоятельно писал ответы (на каждое!) письмо. «Все эти дни с утра до позднего вечера тружусь над консультациями (накопилось писем почти сто штук). Устаю крепко, но эта работа не в тягость мне. Иметь дело со всем, что касается поэзии, для меня великое удовольствие».

Когда в октябре 2001 года у нас в музее открывалась выставка к 80-летию со дня рождения Небогатова, некоторые из присутствующих вспоминали, что они посылали свои стихи и получили очень доброжелательные подробные рецензии. Михаил Александрович понимал, как важно им, начинающим, его слово, его оценка. Он сам в начале своего творческого пути решил написать известному поэту Александру Трифоновичу Твардовскому.

И тот ответил, и завязалась переписка! «3 августа 1958 года. Сегодня я испытываю такое чувство, которое можно, пожалуй, выразить только словами крыловской басни: «От радости в зобу дыханье сперло»; только что принесли письмо от А. Т. Твардовского. ...то, что он заметил, подбодрил меня — великое счастье».

После смерти А. Т. Твардовского Михаил Александрович переписывался с его супругой Марией Илларионовной. Небогатов считал Твардовского своим учителем. И сам стал наставником для многих. Недавно мне встретилось интервью актера, режиссера Александра Панкратова — Черного, вот что он вспоминает: «Из Алтайского края, где я родился, мы переехали в Кемеровскую область. Там я встретился с прекрасным писателем, фронтовиком, другом Александра Твардовского Михаилом Небогатовым, который занимался с молодыми поэтами.

Со всего Кузбасса приходили письма от

творческих ребят, Михаил Александрович внимательно читал их, что-то советовал. Мои работы его заинтересовали, и он сказал: «Саня, продолжай писать, у тебя получается».

Михаила Александровича часто приглашали на встречи с читателями: в школы, дома отдыха, на турбазы. Сотрудники Кемеровского областного краеведческого музея в начале 1970-ых годов проводили цикл встреч с поэтами под названием «Литературный Кузбасс». В музей приходили Евгений Буравлев, Валентин Махалов, Михаил Небогатов.

15 декабря 1972 года Небогатов записал в своем дневнике: «Сегодня днем была у меня встреча с девятиклассниками 26-й школы (в областном краеведческом музее). Ученики пожелали увидиться со мной. Все прошло очень хорошо.

По просьбе работницы музея Людэ (она тоже пишет стихи,) (старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея Л. Н. Винчина — прим. автора) внес свою запись в книгу почетных посетителей.

*Я рад, что, посетив музей,
Нашел в нем истинных друзей,
Что в день поэзии (зимой)
Я встретился с весной самой!*

Книга почетных посетителей сегодня хранится в отделе военной истории Кемеровского областного краеведческого музея. Небогатов был дружен со многими из тех, кого сейчас называют корифеями кузбасской культуры, краеведения. Теплые отношения связывали его с И. А. Балибаловым. Иван Алексеевич Балибалов — журналист, летописец города Кемерова, почетный гражданин города, собирался написать художественно-биографическую повесть

о своем друге — поэте. Он уже подготовил богатый материал, но болезнь помешала осуществить задуманное. В музее хранятся две фотографии, где вместе запечатлены Иван Алексеевич и Михаил Александрович. При жизни М. А. Небогатова было издано 14 его книг.

После его кончины увидели свет еще две книги: «Времени река» (лирика, дневники) и «Благодарю, благодарю...», подготовленные к изданию супругой поэта Марией Ивановной Небогатовой. Мария Ивановна была не только женой, матерью троих его детей, другом, первым читателем и критиком, она была его музой. Вот что он записал в своем дневнике 2 июня 1946 года: «Сегодня решилась судьба всей моей жизни. Марианна дала свое согласие быть моей женой. Я счастлив от одного осознания, что нашел ее. Я сделаю все для того, чтобы удержать свое и ее счастье до тех пор, пока один из нас видит живым другого».

*Говорю, приветствуя весну,
Не боясь счастливо повториться,
Так, как говорилось в старину:
В мире твое имя да святится!
В нем лучи одной моей звезды.
Сколько раз его не повторю я,
Вновь готов твердить на все лады
Светлое и нежное: Мария.*

В 2011 году Михаилу Александровичу Небогатову исполнилось бы 90 лет.

*Как быстротечна времени река!
Как безгранична — нет конца ей, края!
Часы, и дни, и годы, и века
Уносит та река, в себя вбирая...
Твое письмо получит адресат,
А уж оно — посланье из былого.
Три дня, а то и десять дней назад
Ложилось на листок за словом слово.
В них весть о чем-то, что уже прошло,*

*И настроенье то, что миновало.
Был ясный день или снежком мело,
Когда писал ты,
Все прошедшим стало...
Читает гобрый груг твое письмо,
И невдомек ему в минуты эти,
Что время с ним беседеует само
О том,
Как мимолетно все на свете...*

Диана Балибалова **ДОРОГА К ПОБЕДЕ**

«Кто из людей старшего поколения может забыть этот летний воскресный день 22 июня 1941 года? Утро радовало тишиной и теплом яркого солнца, — так начинается глава «Грозные годы» книги Ивана Алексеевича Балибалова «Кемерово вчера, сегодня, завтра», — сосновые боры Правотомья манили горожан свежей прохладой. Казалось, ничто не предвещало грозы».

В тот день отец с мамой вместе с коллективом редакции газеты «Кузбасс» выехали за город отдохнуть на берегу Томи. В полдень к ним из деревни прибежал мальчик и сообщил, что началась война..

2 июля отец ушел на сборный пункт, размещавшийся в здании школы в соцгороде. Рано утром следующего дня их колонна уже шла к старому вокзалу. Параллельно ей шли женщины, многие из них плакали. Проводы были короткими, быстро объявили посадку, и воинский эшелон двинулся на запад.

О своем пути на фронт отец написал в очерке «Дело было подо Ржевом», который был опубликован в сборнике воспоминаний «Такой нам выпал жребий» (Кемеровское книжное издательство, 1989): «Из Новосибирска, где формировалась наша отдельная телеграфно-строительная рота, эшелон

шел на предельной скорости. Даже на узловых станциях остановки были короткие. А тут вдруг остановка на пустом месте, в перелеске. Что случилось? В темно-свинцовых тучах сверкали яркие вспышки, словно лопались электролампочки... Командир роты... сказал будничным голосом: «Снаряды рвутся. Зенитные батареи стреляют». И пошел дальше вдоль вагонов.

Все мы были не новобранцы, а призывники запаса первой очереди, недавно вернувшиеся с действительной военной службы, но такого раньше не видели.

На станцию Перовскую, в восточном пригороде Москвы, эшелон пришел глубокой ночью. Внезапно нас подняли по тревоге. Кругом темно. Где-то вдали грохочут орудия.... Лучи прожекторов со всех сторон прощупывают небо, закрытое всклокоченными тучами. Так это же налет на Москву!

Станция Бологое в этот июльский солнечный полдень предстала перед нами невообразимой свалкой искореженных вагонов. Эшелон наш загнали в уцелевший после бомбежки тупик, а отсюда роту повели на расчистку путей. И то, что я увидел, потрясло меня: под грудями обожженного железа лежали обугленные трупы — все, что осталось от медико-санитарного батальона.

Массированные налеты вражеской авиации усиливались, и дорога на Ленинград, таким образом, была для нас перекрыта. Двое суток стояли в лесу, ждали нового маршрута. На третий день на ранней заре погрузились в вагоны. Эшелон пошел на юг, к озеру Селигер.

Вот уже и Торопец — древний русский городок. Как я теперь понимаю, он стал порогом, от которого начиналась моя фронтальная дорога длиною без малого в четыре года

через Ржев и Калинин, Ростов и Донбасс, Кавказ, Моздокские и Кубанские степи, Карпаты, Будапешт, Надьканиж и Австрийские Альпы.

Только там, в маленьком городке Вильдон, встретил я светлый праздник Победы». Вот его письма первого года войны маме. Четыре коротеньких из действующей армии, а два длиннее уже из госпиталя. Письма, написанные 8 августа и 9 сентября, проникнуты верой в скорую встречу, в победу: «...Верь в наш солнечный день. Он скоро придет. Мы с тобой встретимся... Не обижайся на меня за краткие письма. Что еще можно написать, когда думаешь только об одном — поскорее бы разбить, уничтожить эту гитлеровскую банду».

Письмо от 26 сентября 1941 года обстоятельное. И даже не очень похоже, что прислано с фронта, такое оно мирное. Отец пишет, как он рад «появлению в нашей семье Диночки. Поцелуй мою крошку за меня, пусть растет здоровой и счастливой. Мамочка теперь ни о чем не должна беспокоиться и только знать одно — воспитывать девочку. Все силы и любовь моей славной женушки должны быть отданы ребенку, который должен нам в будущем принести только радость».

Читая сегодня эти строки, думаю, что тогда еще родители не представляли, через какие трудности им предстоит пройти. Для мамы — это забота о хлебе насущном. Ведь отец (старший сержант) в то время материально не мог помочь семье.

В этом же письме отец описывает: «Моя сегодняшняя жизнь чрезвычайно скупа какими-либо событиями. Весь сентябрь простояли на одном месте. Даже фашистские самолеты и те нас не беспокоят, куда-то к черту подевались, даже не появляются и за

облаками. Вчера в нашем лесу был настоящий праздник. Трудящиеся Москвы прислали нам подарки. Мне досталось: флакон одеколона, конфеты и сигареты. Вместе с подарками они прислали нам письма, в них столько любви и теплой заботы о нас, фронтовиках. И это все возможно только в нашей стране. Читая их письма, невольно думаешь, какой сильный наш народ, сколько в нем уверенности в правоте дела, ненависти к бандитам. И веришь в свои силы и победу еще более увереннее, яснее».

Когда после войны отец вспоминал о тех днях, то говорил с юмором, что тот сырой лес он вспоминал как самое светлое место на войне, потому что больше таких длинных периодов затишья у него на фронте не было. Целый месяц без бомбежки, без артолетов! В октябре началась подмосковная битва. Именно в то время происходили те события, которые отец потом описал в своем очерке «Дело было под Ржевом»: «...Четыре дня рота выползала из Валдайских болот, перелесков и пашен. В полдень 11 октября увидели Ржев в дыму пожарищ. Горел железнодорожный узел. На рассвете 12 октября рота сосредоточилась на северной окраине Ржева, на шоссе, ведущем в город Калинин. По всем приметам день обещал быть сухим и теплым. И никто даже в мыслях, конечно, не допускал, что это наш последний рейс и что уже через несколько часов рота погибнет, исчезнет без следа, будто она вообще была призраком и на самом деле никогда не существовала.

«Хейнкели» накрыли нашу роту на марше, северо-восточнее Ржева, на въезде в городок Старица. Измолотили нас стервятники так, что после налета от роты осталось всего пять машин да два десятка солдат. По крутому откосу спустились на песчаный

берег Волги. Перед мостом, вытянувшись в цепочку, стояло с десятков автомашин. Мы перегнали машины на правый берег.

С переправы шоссе выходило на окраинную улицу, и в восточном конце ее круто поворачивало на север, в открытое плоское поле...Лейтенант Андреев повел остаток колонны по шоссе на север. Моя машина шла последней. Бондаренко набрал скорость, но вдруг резко свернул на обочину дороги: «Колесо спустило. Запаску сейчас поставлю». Я вылез из кабины. Над головой свистели пули...Схватил из кабины винтовку, побежал за угол сарая, свернул в переулок, откуда открывался вид на поле. Вижу, навстречу бежит человек в пиджаке и шапке. Увидев меня, он отчаянно замахал рукой, подавая знак вернуться. Я остановился. «Немцы там, немцы!» — выдохнул мужик, глядя на меня ошалелыми глазами...

«...Десант!! А ты беги вон туда, — махнул рукой мужик в сторону леса, — там берег Волги». Расспрашивать было некогда: над городом закружились самолеты. Я кинулся к машине, но ее уже и след простыл, улица тоже была пуста, наших не было видно. Я оказался один-одинешенек. Справа, за пустырем темнела опушка леса. Другого пути я для себя не видел...»

Почти трое суток отец и встреченный им в лесу солдат блуждали по болотистым лесам. Наконец вышли к какому-то селу, где встретили нашего интенданта на полуторке. Он довез их до села Медного по Ленинградскому шоссе и показал дорогу на Бежецкое шоссе, где находился сборный пункт.

«Началось формирование стрелковой роты. Я был назначен командиром первого отделения первого взвода, а часа полтора спустя уже шагал в голове ротной колонны по Бежецкому шоссе в сторону Калинина...

Из воспоминаний маршала Г. К. Жукова теперь известно, что на пятисоткилометровой линии Западного фронта с 13 октября разгорелись ожесточенные бои на всех оперативно важных направлениях, ведущих к Москве. И самым уязвимым местом считался город Калинин. В эти грозные дни Калинин был для немцев стартовой площадкой наступления по правобережью Волги через город Клин на Москву, а по Ленинградскому шоссе — на город Торжок, в тыл войскам Северо-Западного фронта и по Бежецкому шоссе на север... Предстояло любой ценой блокировать выход противника на Торжок и Бежецк, выиграть время для формирования нового фронта и таким образом закрыть здесь путь немцам на Москву.

...После короткого марша рота заняла позицию вдоль опушки соснового бора. Первый взвод расположился впереди других на пологом склоне, в мелком сосняке, откуда нам предстояло утром атаковать опорный узел немцев, занять овощехранилище и закрыть выход из города на Бежецкое шоссе... И наша задача — во что бы то ни стало «выковырять» оттуда немцев штыками, другого оружия, кстати сказать, у нас и не было. Взвод разворачивается в цепь. Немцы открыли шквальный пулеметный огонь, над головой засвистели пули. Лейтенант рванулся вперед, в сторону сараев. Над усадьбой взметнулся столб дыма. Когда я подбежал, лейтенант как-то неловко сидел, прислонившись спиной к стенке сарая, вытянув ногу. Увидев меня, он крикнул:

— Старший сержант, поднимай взвод, веди... Теперь ты за меня, понял?

...Затемно вышли на рубеж атаки и опять без огневого прикрытия. Вся надежда на внезапность. Надо подойти к немцам вплотную — и в штыки... Светает. Слева, в трех

шагах от меня, политрук. Впереди в мутном рассвете прорезываются контуры построек. Вползаем на улицу, прислушиваюсь — тишина. Оглядываюсь на политрука — он машет рукой: двигай, мол, дальше. Ползу вдоль штакетника. Вдруг впереди совсем, кажется мне, близко каски. Да это же немцы! В этот момент раздается выстрел. Немцы вскочили, смешались в толпу, беспорядочно бегут поперек улицы, сворачивают во двор усадьбы. Мы с политруком бежим вслед за ними. Эх, будь у нас тогда гранаты!.. Но гранат у нас не было, и момент был упущен. Немцы забежали в усадьбу, опомнились от испуга и забросали нас гранатами...

Очнулся я в придорожном кювете. Солдаты перевязывали мне ногу. Шел 118-й день войны...»

Следующее письмо от отца было уже из госпиталя, из Костромы.

В канун 1942 года он был выписан, и Новый год встречал уже в городе Шадринске курсантом Московского военно-политического училища имени В. И. Ленина. Учеба продолжалась недолго.

После окончания этого училища отец, профессиональный журналист (до войны он работал заведующим промышленным отделом газеты «Кузбасс»), направлялся в армейскую газету, он уже оформлял документы, но в одночасье все изменилось. Он пишет маме: «...судьбе было угодно помяться надо мной, и вот я теперь попал в кавалерию. Сейчас — политрук эскадрона в казачьем кубанском полку... Судьба меня забросила в далекий край, в котором я никогда ранее не был. Впрочем, я сейчас нахожусь недалеко от того места, где ты когда-то была и привезла оттуда шаль (мама до войны отдыхала в Пятигорске)».

По рассказам отца знаю, что на Кавказе он был ранен, болел долго, лежал в Кизляре в госпитале. Был очень тяжелый переход через Ногайские степи, где не было ни воды, ни соли, а из еды одна баранина. Опять ранение, но в госпиталь не пошел, боялся отстать от своих: раны долго не заживали.

Уже спустя много лет после войны отец рассказывал об обороне Кавказа. У них не хватало ни снарядов, ни еды. Довольно часто им стреляли в спину из чеченских аулов. От Пятигорска они спустились к Туапсе, там оставалась узкая полоска земли вдоль морского побережья. Там отец присутствовал на встрече с членом Военного Совета, наркомом Л. М. Кагановичем, который собрал политруков и поставил задачу: не дать фашистам выйти к Черному морю и перерезать железную дорогу.

В своих мемуарах (Л.М. Каганович. Памятные записки. М. 2003.) он писал: «Именно в Туапсе был осуществлен приказ Сталина «Ни шагу назад». Захватив Армавир, враг сосредоточил большие силы на направлении Армавир-Майкоп-Туапсе. Он стремился захватить Туапсе, Новороссийск, Лазаревскую и через перевал — Сухуми, разрезав фронт защиты Черноморского побережья на части и облегчив себе задачу уничтожения наших воинских частей и завоевания Кавказа.

Вначале враг рассчитывал легко захватить Туапсе через Хадыженскую, Шаумян, Геогиевскую, но он наткнулся на упорное сопротивление войск Северо-Кавказского фронта, в особенности 17-го казачьего кавалерийского корпуса под командованием славного генерала Кириченко... Этот корпус в то время сыграл большую, если не решающую роль в остановке первого стремительного натиска врага на Туапсе».

Рассказывая об этой встрече, отец говорил, что выступление Кагановича очень вдохновило его, он почувствовал прилив сил. Главное: в его словах была уверенность в победе. Затем отец рассказывал, что после выступлений участников партактива Л.М. Каганович спросил: все ли из присутствующих готовы стоять насмерть, ведь на них — политруков — должны равняться солдаты. Он попросил выйти из строя тех, кто не уверен в собственных силах. Я не поверила отцу: «Неужели кто-то вышел? Ведь его сразу «к стенке»...» Отец ответил, что из 2 — 3 сотен участников актива вышло примерно 30-40 человек. Никого из них не арестовали, но сняли с командных должностей и направили в технические службы. Отец потом некоторых из них встречал. Он сказал, что ситуация тогда была настолько критическая, что разговор был предельно откровенным. Все понимали, что не каждый сможет выстоять.

После войны отцу писали однополчане из Совета ветеранов кубанской казачьей дивизии. Они сообщали, что в городском музее Туапсе есть стенд, посвященный их подвигу, что там находятся многотиражные газеты с заметками политрука минометной батареи 9-й Гвардейской кубанской казачьей дивизии Балибалова.

Отец был награжден медалью «За оборону Кавказа», но медаль эту он получил после войны, уже в Кемерове, гораздо позже, чем медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Как известно, 9 октября 1942 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института комиссаров в Красной Армии». Вскоре отец был направлен на переподготовку в Ташкент в

артиллерийский учебный полк. Там зимой сорок третьего года мы впервые увидели друг друга. Мне было 2 года и 3 месяца.

Мама в то время работала на азотно-туковом заводе ответственным секретарем газеты «За азот». Ей оформили командировку и проездные документы в город Чирчик, где было подшефное предприятие, выписали литр спирта, пропуска, билеты, и мы двинулись через Новосибирск на Ташкент.

Отец считал, что наш приезд был для него подобен глотку воздуха. Он после ранения на Кавказе долго не мог восстановить силы, в Ташкенте их, курсантов, почти каждую ночь поднимали по тревоге, и они патрулировали город, а там была не простая обстановка. После учебы ему предстояло воевать в резерве Главкомандующего на самых тяжелых направлениях. Предстояло командовать батареями «сорокопятки», это значит бить прямой наводкой по немецким танкам. Шансов остаться в живых было немного.

Там впервые мы все трое сфотографировались. Той фотографией отец очень дорожил. После войны он иногда шутил, что это было его тайное оружие. Действительно, наш приезд дал ему необходимый заряд энергии, воли и веры в свои силы.

8 января 1944 года он пишет маме: «... Я стоял на перроне до тех пор, пока не скрылись огни твоего поезда. Ты уходила в ночь, и может быть, навсегда. Так я подумал, когда провожал тебя глазами и сердцем. Тяжело было на душе, очень тяжело... Нам предстоит с тобой пережить еще одну тревожную годину... 1 февраля я покидаю Ташкент. Для меня это неожиданно. Но ничего. Ехать туда все равно нужно. Поеду, видимо, в столицу».

Старший лейтенант ехал за назначени-

ем. В марте 1944 года отца направили на 2-й Украинский фронт командиром батареи 1417-го истребительно-противотанкового полка 12-й артиллерийской бригады.

Вот письмо от 26 августа 1944 года: «Здравствуй, родная! Вот я опять на войне, участвовал в прорыве обороны противника северо-западнее г. Яссы, за что в числе всех участников получил благодарность от нашего Сталина в приказе по войскам Второго Украинского фронта от 22 августа 1944 года. Часть моих ребят представили к правительственной награде... Вспоминаешь тот день, он кажется нам праздником. Было оченьлюдно и шумно, хотя немного и опасно для костей. Но пока все обошлось благополучно. Могу только тебе при этом сообщить такую деталь. Читай: в приказе т. Сталина от 22 августа сказано, что за три дня боев прорвали оборону в глубину 60 км, а я за эти дни проехал 200 км по сопкам, падам и прочим городам и лесам. Словом, было очень жарко, и спать не приходилось... Скоро будем в Галаце...» Это уже Румыния. За участие в Кишиневско-Ясской операции отец был награжден орденом Красной Звезды. Это был его первый орден, и он об этом пишет с гордостью в своем коротеньком письмеце 3 сентября 1944 года: «Здравствуй, Асенька! Ну вот теперь у меня новостей много. За последние 10 дней я варился в котле событий, был их участником, которые, думаю, удивили весь мир. Я участвовал в прорыве обороны противника северо-западнее г. Яссы. За это представлен к правительственной награде... Вторую благодарность получил за взятие Бухареста».

И вот последнее письмо четвертого года войны с пометкой «За Дунаем». В этом письме уже чувствуется усталость, да и обстановка изменилась. Это уже Венгрия, где,

Иван Алексеевич Балибалов

по рассказам отца, были самые кровопролитные бои. На озере Балатон была самая настоящая «мясорубка».

Там в Венгрии в перерыве между боями он встретил своего друга-земляка, с которым служил еще на Дальнем Востоке — Никифора Егорова. Оба они до конца своих дней вспоминали эту радостную встречу. И спустя много лет к юбилею друга отец написал ему стихи:

*Друг мой закадычный!
Друг мой фронтовой!
Много похлебали
Мы беды с тобой.
Вспоминать не будем,
Не поверят, нет,
Как на наших ранах
Таял красный снег.*

*Как в огонь и в воду
Перли напролом,
Музыкой служил нам
Орудийный гром.
Яро выли «тигры»,
Скрежетала бронь...
Не робей, наводчик!
В гушу мать,...огонь!
Повезет — вернешься
Ты в родимый дом,
Вспомнишь на досуге
Чертов Балатон...
Семь высот за нами.
Сколько их в дали?
Что считать, Никифор,
Веселей пыли!*

Это о боях в Венгрии. Там были у отца ранения, контузии, но из родной батареи в госпиталь комбат не уходил, не хотел расставаться с однополчанами. 14 января 1945 года отец пишет маме: «...Ну, вот, родная, опять я на переднем крае, пока жив, а дальше посмотрим... Говорят, население в Будапеште продает все, что угодно, ибо они там сейчас испытывают «Ленинград 41 и 42 годов» ... Я часто меняю адрес... Вот сейчас сидим в землянке. Два часа ночи. Старый Новый год...»

За венгерскую кампанию отец получил только медаль «За взятие Будапешта», хотя был представлен и к ордену Отечественной войны I степени. Но награждение не состоялось, более того, он едва не угодил под трибунал. Дело в том, что он всегда отличался самостоятельностью в принятии решений. И вот, получив приказ поставить свою батарею в определенное место, отец накануне боя проверил и просчитал все варианты стрельбы, проанализировал данные разведки. Он рассказывал, что сам корректировал огонь своей батареи, находясь зачастую

даже за линией фронта. Короче говоря, он пришел к выводу, что если он поставит свои «сорокопятки» там, где приказано, то неминуемо прямое попадание — и «амба».

Он разместил орудия там, где посчитал нужным, утром был бой, а вечером его вызвали в штаб и потребовали объяснить, почему он не выполнил приказ. Потом была комиссия, комбат Балибалов на это время был отстранен от командования батареей. Комиссия выяснила, что он поставил свою батарею в единственно возможное место, все остальные точки простреливались. К сожалению, когда этот приказ отменили, то трех погибших комбатов, которые не осмелились нарушить приказ, воскресить уже не смогли. А отца лишили ордена.

Орден Отечественной войны он получил через 30 лет, когда фронтовиков наградили в связи с юбилейным Днем Победы. Пришел из военкомата и рассказал эту историю. Венгрию отец вспоминал часто, но писать о тех событиях не мог. Даже когда слушал песню Исаковского «Враги сожгли родную хату», то после слов: «А на груди его светилась медаль за город Будапешт», он смахивал слезинку с глаз.

После Венгрии путь отца лежал через Югославию в Австрийские Альпы.

Последнее письмо с фронта он написал 27 апреля 1945: «Здравствуй, Асенька! Получил я от тебя кучу писем. Очень рад... Да, конец войне виден. Я все по-прежнему, на переднем крае... Сейчас я в горах и лесах Австрии.... Думаю, еще на мою долю выпадет один, два тяжелых боя. И это будет все. И Победа».

О тяжелых апрельских боях он пишет в нескольких письмах: «...Должен тебе сказать, что апрель был для меня очень тяжелым месяцем. Попадал в сложные пере-

плеты и только, видно, судьба, не упасть на этом месте... Это были для меня, пожалуй, самые тяжелые дни нынешней весны. Но благодаря, видимо, твоим молитвам пуля минула солдата и снаряд стороной пролетел. Словом, все обошлось благополучно. Я выполнил задачу почти без потерь и за это получил орден Александра Невского».

Отец всегда гордился этим орденом, но почти не рассказывал о том, при каких обстоятельствах он — старший лейтенант, командир батареи — был удостоен этого полководческого ордена. Спустя много лет я кратко записала его рассказ.

Наши воины отмечали День Победы, батарея отца стояла в лесу, западнее австрийского города Грац. Вдруг вечером 10 мая его вызывают в штаб. Там его знакомят с майором из контрразведки «Смерш», после краткого разговора приглашают на совещание. В совещании участвовал очень небольшой состав командиров. Майор из «Смерша» сообщает, что в расположение их воинской части движется большая колонна немцев с оружием, чтобы сдаться в плен американцам, которые стояли неподалеку. Была поставлена боевая задача: не пропустить вооруженную колонну, задержать и разрушить. Отцу было предложено возглавить операцию, по возможности заставить фашистов сдаться в плен и удерживать их до подхода основных частей Красной Армии.

Отец получил право лично подобрать людей для этой операции. Он говорил, что это было очень важно, потому что наших там было немного — несколько сотен, а немцев — несколько тысяч, никто не знал точно, сколько их и как они себя поведут. Поэтому отец взял тех, кого хорошо знал и на кого можно было положиться. Всю ночь они готовились к этой «встрече», расставля-

ли орудия, чтобы создать видимость крупного соединения. Наконец, утром, часов в десять, показалась колонна немцев. Отец говорил, что вид у них был усталый и подавленный. Отец через переводчика предложил им сдать оружие. Немцы запросили время на совещание. Наши решили дать им несколько минут, но на всякий случай отец дал громкую команду приготовиться к бою. Посоветовавшись, немцы спросили об условиях сдачи в плен. Тогда в переговоры вступили офицеры контрразведки, начали уточняться детали. Это продолжалось довольно долго. Все это время отец держал орудия в боевой готовности. Оказалось, что немцев было приблизительно 5-8 тысяч человек, а наших во главе с отцом всего сотни три. Нервы были напряжены до предела. Но, как вспоминал отец, немцам тоже не хотелось умирать, они знали, что война ими проиграна, а нашим тем более не хотелось погибать. Ведь уже отметили Победу! И здесь проявился настоящий русский характер: терпение, настойчивость и благородство к поверженным врагам. Отец говорил, что они не испытывали уже злости, видя немцев. Однако они не допускали и мысли, чтобы позволить им уйти в американский сектор.

Потом немцы стали подходить к краю дороги, складывать оружие и строиться в колонну. Это продолжалось несколько часов. Не было сделано ни одного выстрела. Вся группировка противника сдалась в плен, хотя и была хорошо вооружена. Подошли части Красной Армии, повели пленных немцев, а балибаловцы вернулись в расположение своих войск. Все участники этой операции были награждены. Отца за проведение этой операции отметили полководческим орденом Александра Невско-

го и внеочередным присвоением воинского звания капитана.

13 мая 1945 года он пишет большое письмо маме, как он шел к Победе и как праздновал ее: «Здравствуй, Асенька! Это письмо я пишу тебе на пятый день после войны. Стало быть, для тебя все ясно. Значит, ты действительно любила и ждала меня, и твоя любовь спасла меня на поле брани. Теперь уж осталось немного до нашей встречи, думаю, дождешься.

Как вы праздновали День Победы? Что было на душе и на сердце в этот день у тебя? Я тебе расскажу, как провели его мы. Начну чуть издалека. Первую половину апреля мы наступали в Альпах. Горы, лес. Немец сопротивлялся отчаянно. Каждый дом, гору брали с боя. Прямой наводкой из орудий расстреливали дома, где у немцев были пулеметные гнезда. Отбивали контратаки. Я со своими ребятами все время шел впереди. Все приказы выполнили. Было тяжело. Потом стояли в обороне в лесу.

Первое мая мы праздновали по-нашему, по-русски. В полдень 8 мая получаем приказ встать на колеса. Марш. Выбираем огневые позиции, готовимся к атаке. На переднем крае тишина необыкновенная. Ночью занимаем огневой рубеж на скате горы. Ложусь отдыхать около пушки. Ночь свежая, темная, впереди зарево пожаров. Ни одного выстрела. Тишина. После полуночи слышу голос своего радиста, веселый, радостный: «Фриц окончательно дошел. Москва салютует в честь Победы. Война кончена». Верю и не верится.

9 мая. Утро ясное, солнечное. Кругом оживление. Начались митинги. Доносятся крики «ура». У нас в части тоже митинг, после едем вперед. Навстречу идут небольшими группками пацаны, одетые в немец-

кую форму. Моя машина останавливается на краю пыльной улицы. Выхожу из кабины. Ко мне бежит невысокий паренек, оборванный, в черной старенькой шляпе, босиком. Лицо бронзовое, глаза черные, горят углями. Кричит по-русски:

— Здравствуйте.

За ним второй. Оба протягивают мне руки, смеются:

— Мы ростовские.

Я в этот момент пережил все, понял все. На глазах у меня навернулись слезы, еле сдержался. Так вот во имя чего ты, Иван Алексеевич, пришел в эти края, пролил кровь, пережил страшные дни 41 -го, вынес все тяжести войны — вытащить этого паренька из рабства. Ты это сделал, выполнив свой долг до конца. И от осознания этого так радостно стало на душе, я почувствовал в это мгновение себя большим человеком, утверждающим на Земле счастье... Чем дальше углубляемся в Австрию, тем больше русских ребят и девушек, почти у каждого дома. Они ликуют, машут нам, кричат приветствия. Лица праздничные, в глазах у них яркое солнце счастья. Это действительно для нас был праздник Победы. Торжество».

Отец редкий день не вспоминал войну, но не мог и писать о ней, очень много он там пережил и натерпелся.

Федор Ягунов

НЕ СТОИЛ ИЗ СЕБЯ МЭТРА

Из всех, с кем я работал на Кемеровском радио и о ком хотел бы когда-либо написать, первым безусловно должен быть Василий Федорович Холодок.

По многим причинам.

Я трудно схожусь с людьми. Попав в новый коллектив, чувствую себя в нем напря-

женно. Василий Федорович, в отличие от других, не строил из себя мэтра, заговорил со мной, как с равным, чем сразу же расположил к себе.

Он был тем человеком, благодаря влиянию которого я изменил свои прежние устремления и стал журналистом. Когда я делал первые шаги на этом пути, он был моим бескорыстным наставником.

Наконец, он был тем человеком, который много лет, несмотря на существенную разницу в возрасте, дарил мне свою дружбу.

С Василием Федоровичем, как выяснилось, мы одно время жили рядом, на улице Телеграфной. Сосед наш Иван Тимофеев владел таким же домиком с огородиком, как и мои родители. У Тимофеевых была дочка Нина. Я был еще школьником, а она — студенткой. Слышал потом от матери, что соседская Нина вышла замуж за фронтовика. Мать говорила: «Тимофеевы-то богатого себе зятя приняли, начальником работает!» Шла война. И хотя я тоже не просиживал штаны за школьной партой, работал токарем на военном заводе, по существу же оставался пацаном. И то, что соседская дочь вышла за кого-то замуж, меня мало интересовало. Потом я работал в театре, служил в армии, руководил самодеятельностью на севере. Описав порядочный круг по городам Сибири, вернулся в Кемерово. И судьбе было угодно снова свести меня с бывшим соседом в облрадиокомитете. Василий Федорович первым напомнил мне о нашем прошлом соседстве. Мать подтвердила: он это, фамилия у него редкая, запоминающаяся.

Как пришел в радиожурналистику сам Холодок, я доподлинно не знаю. Хотя основные факты его жизни мне известны, судьба ему выпала не из легких.

Родился он, как писали тогда в анкетах, «в семье крестьянина-бедняка» в дореволюционном 1916 году на Украине в Черниговской губернии. В 1928 году его родители в поисках лучшей доли, как плановые переселенцы, приехали в Сибирь. Поселились в деревне Воскресенке Кемеровского района. Вступили в колхоз с многообещающим названием «Новый путь». После деревенской семилетки Василий поступил в Кемеровский педагогический техникум. Возможно, по влечению души, а возможно, потому что не было особого выбора. В Кемерове тогда кроме педтехникума был еще лишь химтехникум. Окончил его в 1934 году и был распределен в детский дом, где почти сразу же стал директором. Чем это можно объяснить, не знаю. Профессия учителя все в большей степени становилась женской. Педучилище было поблизости от нас, и студенты проходили в нашей 17-ой школе практику, работали пионервожатыми. Я не помню среди них ни одного парня. Возможно, в этом и есть разгадка его раннего директорства.

Проработав года четыре, Холодок поступает в Томский университет на заочное отделение. Доучиться ему не пришлось: началась война. В июле 1941-го он был призван и очень скоро оказался на передовой. Воевал на Западном фронте в составе 418-го стрелкового полка 18-ой Гвардейской дивизии. Как человек по тем временам достаточно грамотный, Василий Холодок был назначен политруком батареи противотанковых орудий. Здесь надо сказать доброе слово о противотанковой 45-миллиметровой пушке, героической советской сорокопятке. Батареи сорокопятки входили в состав общевойсковых частей и сыграли важнейшую роль в борьбе с танками противника. В осо-

бенности на первом, самом тяжелом этапе войны. Современному читателю стоит чуть подробнее сказать, в чем состояла принципиальная разница между легкой противотанковой и крупнокалиберной артиллерией. Крупнокалиберные орудия вели огонь издали, с закрытых позиций. «Сорокопятки» выходили навстречу атакующим танкам на прямую наводку. И хотя дуэли при этом нередко заканчивались гибелью орудия вместе со своим расчетом, счет был, как правило, в пользу орудия: два, три, а то и более, танка горели на поле боя. Артиллеристы-«сорокопятчики» именовали свою пушку горько-почтительно «прощай, Родина» и носили на рукаве особую отличительную нашивку.

После того, как наши войска остановили наступление немцев под Москвой, в зимнюю кампанию 1941-42 годов у командиров и политработников, а значит, и у политрука противотанковой батареи Василия Холодка, была главная задача: переломить в сознании своих солдат горечь неудач в предыдущих сражениях, вырвать стратегическую инициативу из рук врага.

30 декабря была освобождена от немцев Калуга. В феврале 1942 года, развивая наступление, шли бои за город Юхнов. Отбивая очередную контратаку немецких танков, был тяжело ранен в голову политрук батареи Василий Холодок. Долго лечился в госпитале, в мае был комиссован и отправлен в запас.

Возвратившись в Кемерово, Василий Федорович Холодок продолжает директорствовать в детском доме № 1. Но недолго. Фронтвик с наградами, с незаконченным высшим образованием, член партии, он идет на повышение. Его назначают заведующим сектора детских домов облоно.

Максим Щербаков (слева) в редакции

Томаш Демидов

Делегация журналистов из Кузбасса в Москве
Евгений Шибалов с коллегами

Александр Морозов (справа)

Николай Бобрышев (в нижнем ряду в центре)

Кузбассовцы - участники войны
Михаил Астапов - фотокор за работой

Холодок в штате радио числился корреспондентом и делал еженедельную передачу для детей «Пионерский сигнал», которую сам же и придумал.

Был он человеком с виду хмурым. Сидит, набычившись, за своим столом и сосредоточенно что-то пишет. Но вот в нашей большой редакционной комнате появляется кто-нибудь из внештатников — писатель Геннадий Молостнов, поэт-фронтовик Володя Измайлов, забежит подвижный, как ртуть, Витя Галдаев — секретарь многотиражки завода «Кузбассэлектромотор», или придет солидный Давид Зубицкий из многотиражки коксохимзавода. У каждого, кроме листка с «информашкой» для «Последних известий», куча новостей, а то и свежий анекдот. И вот уже гогочет мужская компания. Василий Федорович среди них. Скупно улыбаясь, а то и на полном серьезе, сквозь который проглядывает хитроватый хохлацкий юмор, рассказывает какую-то байку.

Режиссеров, как впоследствии, на радио тогда не было. Редакторы сами руководили записью своих передач, сами подбирали музыку и шумы, приглашали актеров. Для чтения «Пионерского сигнала» Холодок приглашал школьников, вернее, школьниц, потому что мужскую «партию» читал обычно я. До недавнего еще времени на Кемеровском радио работала Алла Кузнецова, которая когда-то, будучи девочкой, читала в «Пионерском сигнале».

Очевидно, я еще долго оставался бы диктором. Работа мне нравилась, нареканий, насколько я помню, не было. Но однажды Холодок предложил мне побывать на городском пионерском слете и написать о нем зарисовку. Я удивленно на него посмотрел, предложение для меня было неожиданным.

Я был диктором, то есть читал написанное другими. Писать что-либо самому мне не приходило в голову.

— А что? Ты занят в основном утром и вечером, днем у тебя много свободного времени. Сходи, посмотри... Еще и гонорар зарабатываешь...

— Но я же не умею!

— Я тоже не умел, — он был напористым, а я все еще чувствовал перед ним робость. И я согласился:

— Ну, хорошо... Я могу, конечно, сходить... Только что там потом буду писать, я не знаю...

— Вот-вот! Сходи... — и он сунул мне в руку типографски отпечатанное приглашение.

В назначенный час я был на перекрестке, где стоял старый деревянный цирк и висел единственный в городе светофор, управляемый из круглой стеклянной будки милиционером. Была самая благостная пора — лето. К перекрестку, оглушительно стуча в барабаны, то с одной стороны, то с другой подходили колонны школьников в красных галстуках и парадной форме — «белый верх, черный низ». Милиционер, завидев колонну, останавливал движение по Советской. Потом в городском саду отдавались какие-то рапорты, выкрикивались речевки... Детского в этом было мало, но всем почему-то безумно нравилось. В том числе и мне... Не столь давно я, будучи пионером, тоже участвовал в таких слетах.

Обо всем этом я и написал, получилось равнодушно. Холодку понравилось. Потом он отправил меня в командировку в Прокопьевск. Там был роскошный Дворец пионеров. Ни в Кемерове, ни в Новокузнецке такого не было. Я привез репортаж. Так я стал писать для радио. Воображение у

меня было... Но серьезно к этому занятию я не относился.

Я все еще болел театром и мечтал туда вернуться. И даже предпринял некоторые шаги. Осенью, когда театр имени Луначарского возвратился с гастролей, я написал заявление, был принят и даже ходил на репетиции. Театр к открытию сезона ставил пьесу В.Иванова «Бронепоезд 14-69». Репетиции шли уже в декорациях. Главную роль командующего партизанской армией Вершинина играл будущий Народный артист СССР Владимир Самойлов. Мне определили роль «мужика в валенках» и дали бумажку, где значилось с десяток реплик. Я вместе с другими «партизанами» топтался на колокольне и в нужном месте выкрикивал: «Не давай землю! Мира хотим!..»

Но об уходе из облрадио я еще не заявлял: размышлял. Посоветоваться решил только с Холодком. К этому времени у нас с ним начали устанавливаться доверительные отношения.

Василий Федорович спросил меня напрямую:

— Ты уверен, что у тебя талант?

— Не уверен...

— Даже если он у тебя есть, пройдет несколько лет, прежде чем тебя там заметят. Там, брат, Октябрьской революции еще не было, конкуренция как нигде больше... Будешь выходить с подносом, «кушать подаю» говорить. В зарплате ты сразу потеряешь, а тебе семью кормить...

Тяжелые раздумья одолевали меня всю неделю. С первого класса грезил я сценой. До армии два года работал в профессиональном театре... Нелегко было отрывать от сердца сокровенную мечту. Но, видно, с возрастом — а мне было уже 26 лет — я стал мыслить более трезво. Общаясь с акте-

рами театра, когда они приходили читать на радио литературные передачи, я не мог не чувствовать разницу между ними и собой. Уж не говорю о таких ярких дарованиях кемеровского театра, как Самойлов, Кисловский, Крюгер... Даже мои «одноклассники» Галя Ишкова, Ваня Ефанов, Петя Бетев, пока я три года служил в армии, успели завоевать какие-то позиции на подмостках. Видел я и других актеров, уже много лет работавших в театре, но все еще — на выходных ролях...

И я сделал выбор. Оставаясь пожизненным поклонником театра, навсегда вычеркнул из своей души желание жить в нем.

Василий Федорович, похоже, решил взять надо мной неформальное шефство, о чем я догадался не сразу. Когда мне предложили должность корреспондента, я подумал и согласился. Сказать по правде, дикторская работа к этому времени утратила для меня первоначальную привлекательность, что ни говори, но это была всего лишь исполнительская работа, корреспондентская же сулила новые ощущения. К тому же Холодок настойчиво советовал: «Ты должен писать...»

Для начала мне поручили подготовку выпусков «Городские известия». Работа была не очень интересная: названивая по телефону на предприятия, в учреждения, в многотиражки своим внештатникам, я собирал информацию, готовил ежедневные десятиминутные выпуски. Но для освоения ремесла это было то, что надо. Мой стол в большой редакционной комнате находился напротив стола Холодка. Когда у меня возникали затруднения, я обращался к нему за советом, и он, как бы ни был занят, никогда не отказывал. По его поручению я регулярно писал зарисовки, готовил небольшие

репортажи, вместе с дикторами-школьницами продолжал читать у микрофона в «Пионерском сигнале».

И это была распространенная практика. Из-за малочисленности штата радио многие литсотрудники работали не только над «своими» передачами. Бывая в командировках, привозили материалы для других рубрик. Иначе было нельзя: машина одна — знаменитая наша «полуторка», передвижной магнитофон один (я о нем еще расскажу). В этом плане Василий Федорович был, пожалуй, наиболее универсальным радиожурналистом. Он привозил материалы и для промышленных, и для сельскохозяйственных передач.

Мы стали ездить с ним в совместные командировки. К этому подтолкнул нас новый полученный радиокомитетом передвижной магнитофон «МЭЗ-8». Я сейчас не могу сдержать улыбки, когда вспоминаю этот так называемый передвижной магнитофон. Он представлял собой три деревянных обитых железными уголками ящика общим весом более 60-ти килограммов. К тому же работал он только от сети. Без звукооператора никто из литсотрудников на внестудийные записи не ездил. У нас сложилось иначе. Василий Федорович имел склонности к радиотехнике и легко освоил работу на этом аппарате. Я же как диктор и интервьюер работал у микрофона.

В командировки по городам ездили обычно поездом. Приезжаем, скажем, в Пркопьевск. От вокзала до городской редакции радио километра три. Зимой добываем санки, летом — тележку. Грузим нашу аппаратуру — и в путь. Один тянет за веревку, другой подталкивает сзади. Гостиницы были маленькие, убогие, устроиться туда было сложно. Ночевали мы тут же, в радиоредак-

ции. Спали на диване, на столе, безо всякой постели, разумеется. Два-три дня претерпеть некоторые неудобства нам было не в тягость. Зато работать могли с утра и до ночи.

Наладив свою аппаратуру, мы принимались названивать в парткомы предприятий, приглашать выступающих. В Пркопьевске героями дня всегда были шахтеры. Народ этот в большинстве своем был малограмотный. А на радио (да и на больших собраниях) все говорили тогда только по бумажке. Выспросив у рабочего, как он добивается своих успехов, пишешь ему выступление. Потом Холодок надевает наушники, садится за магнитофон. Мы с выступающим занимаем место у микрофона.

Иногда дело доходило до курьеза. Ну не может передовик производства сколько-нибудь внятно прочесть написанные от руки листки! Тогда я брал в руки «его» текст и внятно, дикторским голосом читал первую фразу.

Затем я делал паузу, а выступающий добросовестно, со всеми моими интонациями повторял ее. Таким же образом мы читали вторую фразу, третью... В Кемерово звукооператор брал в руки ножницы и клей, вырезал кусочки ленты с моим голосом, оставляя на фонограмме только голос выступающего. Вечером в эфир шло довольно гладкое выступление передовика.

Командировки были не часты. Мы спешили набирать материал впрок. К вечеру, вместе с нашим «передвижным» магнитофоном, мы перебирались в один из Домов культуры, в клуб. Записывали концерты, просто номера художественной самодеятельности, беседы с их участниками... Дома на этом материале делали радиоочерки. По Кемеровскому радио тогда регулярно пере-

давались концерты, в том числе и самодеятельные.

Работая, Василий Федорович нещадно курил. В поездках мы обычно объединяли командировочные деньги. Утром, завтракая в столовой, покупали три или четыре пачки «Беломора», мне — одну, ему остальные. К вечеру, выкурив свои, он курил из моей пачки.

Холодок считался крепким и надежным работником. Была в нем солидность, позволявшая на равных разговаривать с руководителями разных рангов, и мудрость опытного, много повидавшего в жизни человека. По своим способностям и опытности он давно бы уже мог занимать одну из ключевых должностей на облрадио. Но очень долго, лет восемь, он ходил в корреспондентах. Всею виной, как я думаю, была его судимость. Работая заведующим сектора детских домов, он был обвинен в незаконном отпуске фондовых товаров с базы снабжения облоно. В ноябре 1947 года был осужден к четырем годам лишения свободы. Просидев после суда менее года, был освобожден досрочно, по болезни.

В архиве облрадио сохранился ответ из спецдагсуда Кемеровской области на запрос председателя радиокomiteта К.Павловой об обстоятельствах освобождения Холодка. Думаю, что этот интерес был связан с намерением руководства поручить ему более ответственную работу.

Здесь необходимо вспомнить очень важную особенность тех лет, напрямую влиявшую на судьбы людей. На любой руководящей работе, а в средствах массовой информации тем более, должны были находиться только члены партии (КПСС). Холодок же, вступивший в партию в 1942-ом году на фронте, в 48-ом был лишен партий-

ного билета, как записано в анкете «в связи с судимостью». В действительности же по нормам того времени исключали из партии до суда, при возбуждении уголовного дела. В этих случаях в первичную организацию давалась команда: исключить. Считалось, что член партии не может быть судим. Но вот парадокс: на суде исключение из партии являлось уже как бы дополнительным доказательством вины подсудимого!

В ноябре 1954 года (об этом есть документ в его личном деле) стало известно, что на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.53 г., судимость с В.Ф. Холодка снята. Но только в марте 1958-го, после того, как он заново был принят в партию, его назначают ответственным редактором общественно-политических передач. Еще через год он становится главным редактором облрадио.

С передвижением по службе Холодка была как-то связана и моя судьба. Из корреспондентов меня переводят в ответственные редакторы. Мне поручено было готовить еженедельные выпуски в совместную передачу четырех областей «Обозрение по Западной Сибири».

При главном редакторе Холодке передачи облрадио оживились, стали более разнообразными. Он предоставил нам, сотрудникам, большую самостоятельность в поиске, в выборе тематики. Но и повысил требования к качеству передач. Кемеровское радио более уверенно заявило о себе в тех же совместных с Новосибирским, Томским, Алтайским радиокomiteтами передачах. На летучках в Новосибирском комитете все чаще стали отмечаться наши материалы.

У Василия Федоровича были прекрасные отношения в коллективе. Новый председатель комитета П.М.Попов передоверил

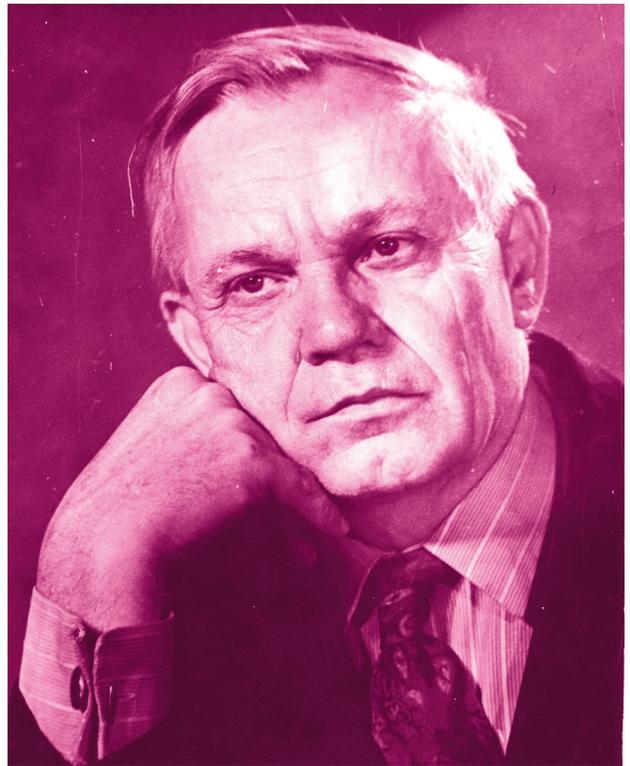
ему, скажем так, всю творческую часть эфирной продукции, оставив себе лишь политическую.

Мне недолго пришлось работать при главном редакторе Холодке. В Кемерове в апреле 1958 года открылась студия телевидения, и вскоре, по моему настоянию, я был переведен туда. Мы стали реже встречаться. Все дальнейшие события развивались без меня.

Видимо, какой-то рок висел над Холодком.

У него осложнились отношения с женой. Дело кончилось разводом. Такой факт в те времена не мог быть оставлен без последствий. Двойная мораль, насаждаемая в обществе, обязывала коллектив вмешиваться в личную жизнь человека. Я не знаю, как это происходило, но известен результат. Приказ № 149 от 19 октября гласил: «За неправильное поведение в быту Холодка В.Ф. с сего числа от обязанностей главного редактора областного радио освободить и назначить корреспондентом с окладом 90 рублей в месяц». Получилось, что, проработав в комитете 16 лет и дойдя по служебной лестнице чуть ли не до верхней ступеньки — главный редактор был вторым лицом после председателя, Холодок снова оказался в той же должности, с которой начинал. Почти десять лет его, по существу самого опытного радиожурналиста в области, держали в черном теле на мизерном окладе. И только в 1975 году он был поставлен во главе редакции «Последние известия». По моему убеждению, работа на информационных передачах хороша в начале пути журналиста. Задержавшись на ней, человек неизбежно заштамповывается.

Встречались мы с Василием Федоровичем теперь редко и только на работе. Когда

Василий Федорович Холодок

я заходил в Дом радио, неизменно заставал его в клубах дыма и очень занятым. На мои увещевания сбавить в курении он, как и все курильщики, лишь отмахивался. Мне все время хотелось встретиться, как было прежде, в неформальной обстановке. Мы даже говорили с ним об этом не раз. Но все что-то у нас не получалось. Он был жаден на работу, никаких других увлечений, насколько мне известно, не имел. Между тем тяжелое фронтовое ранение сказывалось на его здоровье все больше. На пенсию Холодок ушел в 69 лет.

Прослышав, что он болен, неоднократно звонил его новой жене Тамаре Кутайсовой, но почему-то она под разными предлогами откладывала встречу. Он умер 10 августа 1992 года в возрасте 76-ти лет.

А привычку к курению он все же смог победить и последние три года не курил вовсе.

Фронтвик, травмированный войной и в прямом, и в переносном смысле, он прожил нелегкую жизнь. Но то, что почти половина ее прошла в коллективе Кемеровского радио, думаю, следует считать удачей. И для самого Холодка, и для коллектива, где он работал. И не то главное, какую он должность занимал по штатному расписанию, а то, что всегда, на любой работе оставался педагогом, учителем. Такое было у него жизненное призвание.

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Когда знаешь о человеке, что он фронтовик, воевал в Великую Отечественную, но уцелел, пришел домой с наградами, сумел найти свое место в мирной жизни и успел сделать нечто такое, что не всякому по плечу... Вы не ловили себя на мысли: а что, если бы вражеская пуля не пролетела мимо? Что, если бы пуля, осколок, снаряд оборвали жизнь этого человека? Что же, ничего, что успел сделать этот человек в своей послевоенной жизни, не было бы? Вы скажете: это сделал бы другой. Но с войны не вернулись, страшно сказать, миллионы наших соотечественников. Сколько же пустоты многие годы оставалось на нашей земле из-за того, что они были лишены возможности исполнить свое жизненное предназначение.

Я хочу рассказать всего об одном таком человеке, который уцелел, вернулся и оставил свой след на земле. Его звали Дмитрий Иванович Култаев. Родился в старинном селе Баннове Крапивинского района в крестьянской семье. Свою трудовую деятельность начал в 1937 году пионервожатым в средней школе. В 1942 году, когда он

работал уже пропагандистом в Тисульском райкоме партии, его призвали в армию и отправили на фронт, где он и находился до нашей победы над фашистской Германией. Войну Д.И.Култаев закончил капитаном в должности помощника начальника штаба бригады. В 1946 году демобилизовался, возвратился в Кузбасс, вернулся на партийную работу. Последняя его должность в Заводском райкоме партии Кемерово — секретарь по идеологии. Ему уже сорок лет. За плечами война, на груди боевые награды, в кармане дипломы двухгодичной партийной школы (1950 г.) и заочного отделения Новокузнецкого пединститута (1954 г.). Жизнь вроде бы удалась. Впереди — продолжение партийной карьеры, престижные должности, хорошая пенсия...

Но... судьба подготовила сюрприз. В 1959 году Д.И. Култаева назначают директором Кемеровской студии телевидения.

Ему — сорок, студии телевидения — нет и года, она делает только свои первые робкие шаги. Еще идут пробные передачи. Еще в строительных лесах главный павильон...

Интерес к телевидению у населения Кемерово и его окрестностей, куда доходит сигнал с двухсотметровой вышки, громадный! В те три вечера в неделю, когда загораются экраны немногочисленных еще в Кемерово телевизионных приемников, пустеют улицы. Самое сильное впечатление на людей, сидящих у экранов, производит... улыбка. Улыбка диктора, когда, появляясь на экране, диктор произносит: «Добрый вечер, дорогие телезрители...».

Еще не сформированы редакции, передачи случайны, программа заранее не объявляется. Нет даже надежной дороги, чтобы прошла «полуторка», которая утром привозит из города людей. Если буран переме-

тет дорогу, банки с фильмом к вечернему эфиру киномеханики подвозят на санках. Среди немногочисленного штата разношерстных людей — кто-то из них числится редактором, кто-то режиссером, телеоператором — нет ни одного, кто бы раньше хоть как-то соприкасался с телевидением. Да и откуда было им взяться, если в СССР в послевоенные годы действовало всего три передающих телевизионных центра — в Москве, в Ленинграде, в Киеве. Четвертым в стране стал Томский телецентр, все техническое оборудование которого было спроектировано и изготовлено энтузиастами в лабораториях Томского политеха, а вышкой для антенны служила дореволюционной постройки водонапорная башня.

Вот в таком состоянии было Кемеровское телевидение, которое в феврале 1959 года получил в управление Д.И. Култаев, бывший фронтовик.

Теперь, когда телезрители привыкли, что львиная доля всех передач дается из Москвы, трудно даже представить, как это на заре распространения телевидения по стране каждая областная студия могла самостоятельно и с возможной полнотой удовлетворять потребности в зрелищах все возрастные и все социальные группы населения.

Смотришь нынче заключительные титры иной, совсем несложной московской передачи, а список ее создателей столь внушителен, что в разы превышает весь штатный состав Кемеровской студии тех лет. Но вот перечень редакций первого десятилетия работы студии. Главная редакция общественно-политических передач включала в себя редакцию «Последних известий», молодежную, промышленную, сельскохозяйственную.

Главная редакция литературно-драматических передач состояла из литературно-художественной, музыкальной и детской редакций. Кроме того, на стыке редакций то и дело образовывались съемочные группы телефильмов, в основном документальных, но были и игровые короткометражки. Двадцать лет регулярно выходило сатирическое обозрение «Горчичник», ставились собственные, с привлечением артистов местных театров, спектакли, в том числе и оперы.

К тому времени, когда в Кемерове вступила в строй первая в стране наземная космическая станция «Орбита» и на экраны кузбассовцев пришла Москва, наше местное телевидение научилось создавать полноценные и разножанровые программы. Организатором и душой всей этой огромной работы был Дмитрий Иванович Култаев. Его работа на начальном этапе деятельности кузбасского ТВ сосредотачивалась, насколько я помню, на трех основных направлениях.

Привлечение в коллектив талантливых, имеющих телевизионный опыт работников. Он понимал, что никто просто так в малопривлекательный тогда Кузбасс не поедет. Нужна была сильная приманка. Этой приманкой могли стать квартиры. Связи Дмитрия Ивановича и его горячее желание сделать Кемеровское ТВ, если не лучшим, то хотя бы заметным в стране, приносили успех.

Квартиры студия получала. Однажды даже сразу целый подъезд в пятиэтажном доме. Коллектив пополняли режиссеры, журналисты, кино- и телеоператоры, киномонтажницы из Томска, Новосибирска, Свердловска, Читы и даже из Киева и Москвы..

Второе направление: постижение сути телевидения, его законов и возможностей. Что это? Новый вид искусства или всего лишь разновидность средства развлечения с доставкой на дом? Для Култаева это было такой же терра инкогнито, как и для всех нас. Об этом шли споры на всех уровнях, в том числе и на московском.. Эксперименты, которые у нас позволялись, вряд ли были возможны при тогдашней жесткой цензуре на других, знакомых мне студиях телевидения. Култаев не относился к кабинетным руководителям. Мог оставить ключ от кабинета секретарше и уехать со съемочной группой в командировку куда-нибудь в глушь, в тайгу...

И третье направление... Не знаю уж, как он это делал, но атмосфера в коллективе при Култаеве всегда была здоровой и доброжелательной. Если кто и ошибался, от чего никто не был застрахован, мог рассчитывать на поддержку и защиту даже на самом высоком, обкомовском уровне. В творческой работе это имело большое значение. Доверие рождало чувство уверенности, расковывало мысль.

И еще. Он любил людей, с которыми работал.

Одно время легендой среди сибирских студий был «Телевик», наш прогулочный речной кораблик. Речное пароходство списывало устаревшие плавсредства, заменяло их современными судами. Один такой, вполне пригодный для эксплуатации так называемый речной трамвай, появился на балансе нашей студии. В штат был принят настоящий речной капитан. Обязанности моториста возложили на одного из осветителей киногоруппы, веселого и расторопного Петю Попова. В течении нескольких летних навигаций свободные от эфира те-

левизионщики с чадами и домочадцами по выходным занимали места в салоне и на палубе, отправлялись с ночевкой вниз или вверх по реке. Необитаемых островов на нашей Томи было много...

Одновременно с совершенствованием передач увеличивалась зона приема Кемеровской вещательной станции (а с 1967 года, значит, и Москвы). Сетью ретрансляционных станций постепенно охватывались другие города и веси области. Однако из-за гористого характера части территорий Кузбасса в ряде случаев и этого оказывалось недостаточно. На помощь пришли автоматические (включение и выключение производится по сигналам из космоса) мало мощные станции космической связи. Благодаря им жители таких отдаленных населенных пунктов, как Кондома, Мрассу, рудник Центральный, поселок Макарацкий и другие получили две московские программы. В области работает (по данным на январь 1993 года) свыше шестидесяти станций.

Двухпрограммным цветным вещанием охвачено 99,6 процента населения области. И к этой громадной работе безусловно причастен Д.И.Култаев. Как председатель Кемеровского телерадиокомитета. Как депутат нескольких созывов городского и областного Советов депутатов трудящихся.

Участник Великой Отечественной войны, отмеченный боевыми наградами, бывший партийный работник Дмитрий Иванович Култаев был мудрым человеком и талантливым воспитателем. За свою созидательную работу на телевидении Дмитрий Иванович был награжден орденом Трудового Красного Знамени, ему было присвоено звание Заслуженного работника культуры РСФСР.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ВЕТЕРАНОВ

Когда в конце пятидесятых по всей стране строились телецентры, в типовом проекте кинопроизводство не было предусмотрено. Спыхватились, когда началось телевизионное вещание. Наше собственное кино начиналось, например, с узкоплочной кинокамеры «Пентафлекс» и комнатки в конце коридора. И только в 1979 году был построен трехэтажный кинокомплекс.

Но еще в 1971 году во главе киноцеха появился новый начальник, отставной военный. На очередное празднование Дня Победы он пришел в полной форме военного летчика, с орденами и медалями. Формой, своим молодежь видом он заметно выделялся среди наших седовласых ветеранов-фронтовиков.

Евгений Тимофеевич Шибалов и сегодня, в свои восемьдесят пять смотрится молодцом.

Сильно поредели ряды ветеранов, прекратил существование киноцех: телевидение полностью перешло на видеопленку, ушел на пенсию и бывший военный летчик подполковник Шибалов. Но по-прежнему именно он возглавляет Совет ветеранов ГТРК «Кузбасс».

Однако же все начинается с детства. Нет резона и нам пройти мимо этой поры жизни нашего героя. Тем более, что Евгений родился в городе Уржуме, известном всей довоенной детворе, как родина С.М.Кирова, одного из самых популярных советских вождей. Помню, мы зачитывались книжкой «Мальчик из Уржума».

В детстве Женя Шибалов, мальчик из города Уржума, благодаря своим родителям, искавшим, как водится у русских, где «живется весело, вольготно на Руси?» немало поездил по стране. В первый класс

он пошел в Кемерове. Учился в школе № 1, которая тогда была деревянной и стояла на берегу Томи. В Забайкалье, став постарше, он пристрастился ходить со старательским лотком по окрестным речкам. На первые свои намытые граммы золота купил десять пачек монпансье (сорт довоенных леденцов) и бутылку постного масла для матери. Но как большинство тогдашних мальчишек мечтал стать летчиком.

Когда началась война, семья жила в Удмуртии, в городе Ижевске. Евгений учился в десятом классе. Однажды в сентябре в школу пришел представитель эвакуированного с Запада авиационного училища. Он и еще двое из его класса дали согласие пойти в училище. Так в семнадцать лет Евгений Шибалов оказался призванным на военную службу. В городе Кургане, куда они прибыли, Шибалова ждало разочарование. Училище, как оказалось, готовило не летчиков, а авиационных механиков. Но... назад хода уже не было.

Прежде, чем приступить к учебе, курсанты копали котлованы, укрепляли их тесом, строили будущие классы, размещали в них эвакуированное оборудование. Занимались по 12 часов в день. Всю трехгодичную программу освоили за восемь месяцев.

В Чувашии формировался 370-й ночной бомбардировочный полк. Основными боеединицами были самолеты ПО-2, двухместные учебно-тренировочные, прозванные «кукурузниками». За каждым механиком закрепили по три самолета. Под Сталинград прибыли в ноябре 1942-го, когда войска Донского и Сталинградского фронтов, перемалывая в боях вражескую силу, стремились остановить наступление на Сталинградском направлении.

Первый боевой вылет пришелся на 7-е

ноября. Задача ночных бомбардировщиков — летать вдоль передовой линии, бросать бомбы, беспокоить, не давать немцам отдыха. Конечно же, свирепствовали «Мессеры». наших «кукурузников» теперь воспринимали всерьез. В одном из боевых вылетов погиб летчик Калмыков. Шибалов остался без самолета, его определили обслуживать площадку подскока.

Что это такое?

Чтобы делать за ночь больше вылетов, наши приспособились создавать ближе к передовой временные взлетно-посадочные площадки. Шибалова и его напарника-бойца каждый вечер втискивали в кабины к штурманам и высаживали на площадке подскока. Отбомбившись, самолеты возвращались сюда за новой загрузкой. Это была адова работа. За ночь каждый из трех самолетов делал по 8-10 вылетов.

Когда не хватало своего боезапаса, использовали трофейные немецкие бомбы с железобетонными корпусами. Замечено было, что взрываются они не все. Шибалов однажды, вворачивая наш взрыватель, вместо обычной начинки обнаружил там записку, написанную химическим карандашом по-русски: «Помогаем, чем можем». Это действовали невольники, наши советские люди, угнанные в Германию.

Стратегическая группировка немцев под Сталинградом была, как известно, окружена и уничтожена. За участие в разгроме немцев сержант Евгений Шибалов был награжден медалью «За боевые заслуги».

В июле 1942 года сержанта Шибалова отправляют в Самарканд учиться на летчика. Летал сначала на знакомых до последнего винтика самолетах ПО-2 — «кукурузниках». Потом в Бердске под Новосибирском на Ил-4. Освоил Пе-2 (не путать с «кукуруз-

ником»), пикирующий бомбардировщик конструкции Петлякова.

Закончилась война. Уже в офицерском звании летчик Шибалов служил под Веной. Совершенствовал свое летное мастерство на Севере. В срок получал очередные звания. Переучивался на самолеты нового поколения с реактивными двигателями. Летал на бомбардировщике ИЛ-28. Стал командиром эскадрильи. Одним словом, в послевоенные годы Евгений Шибалов, человек с фронтовым опытом и закалкой, стал высокопрофессиональным летчиком. Наша военная авиация тогда считалась одной из самых совершенных и боеспособных.

Двадцать лет Евгений Шибалов руководил кинопроизводством Кемеровского телевидения.

Здесь уместно напомнить, что телевизионная журналистика — это особый вид информационного творчества. В основе его сложнейшее производство, продукцией которого являются отправляемые в эфир передачи. В их подготовке заняты самые разные специалисты от сценаристов до инженеров-электронщиков. Поэтому и ветеранская организация, председателем Совета которой является фронтовик, бывший военный летчик Евгений Шибалов, состоит из представителей самых разнообразных профессий.

В этой книге есть снимок. Он был сделан в 1985 году на День Победы. Группа ветеранов-фронтовиков Кемеровского телевидения была еще довольно многочисленной. К сожалению, сведения об их фронтовом периоде жизни сохранились не на всех. Но вот что известно:

На нем Евгений Тимофеевич Шибалов; Алексей Агеевич Шарков — реквизитор-постановщик, в Советской армии с 1936 по

1945, последняя должность — начальник инженерной службы батальона; Павел Алексеевич Якунин — осветитель киносъепок, механик в автотранспортном цехе; Наталья Федоровна Микушина — электромеханик, инженер радиоаппаратной, во время войны служила в отделе правительственной связи 2-го, затем 1-го Прибалтийских фронтов; Павел Иванович Тетерин — установщик декораций, служил в Советской армии с 1944 по 1951 годы; Дмитрий Григорьевич Рахтиенко.

В другом ряду первый справа Иван Семенович Ровнов — начальник снабжения Кемеровского радиотелецентра, в Советской армии с 1944 по 1951 год; Александр Георгиевич Островский — художник, на фронте — артиллерист, воевал под Тихвином, под Москвой, под Сталинградом, на Орловско-Курском направлении, дважды ранен, контужен; Александр Дмитриевич Вахонин — журналист, воинское звание — рядовой, служил в 1943 — 1950 годах; Виктор Александрович Корнев — водитель РТЦ, служил с 1943 по 1950 год; Николай Владимирович Степнов — постановщик декораций, на фронте с декабря 1941 до конца войны.

Следующий ряд; первый справа Вениамин Дмитриевич Власов — журналист, на фронт ушел добровольцем, воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, старшина роты, был ранен; Алексей Михайлович Поздняков — механик по ремонту киносъёмочной техники, стрелок-автоматчик, воевал на 2-ом Белорусском фронте; Иван Андреевич Полковников — механик по ремонту телетехники; Петр Васильевич Перов — инженер по гражданской обороне, на фронте — артиллерист, командир огневого взвода. Воевал на 4-ом Украинском фронте, потом — с Японией.

Тамара Зиндович

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БОЕВУЮ ЮНОСТЬ

В один из майских дней (а именно 9 мая) в конце 80-х годов в Дом радио по улице Красноармейской, 137-а спешили люди с орденами на груди. Два «гренадера» — Василий Федорович Холодок, бывший политрук, участник парада 7 ноября 1941 года на Красной площади и бывший учитель, участник Сталинградской битвы Николай Ильич Степанов. Наш «златоуст», собкор Всесоюзного радио, умевший разговорить самого неразговорчивого тракториста или шахтера, Виталий Федорович Галдаев и фронтовой корреспондент, редактор «Новостей» облрадио Михаил Васильевич Ялин. Мальчишкой ушедший на фронт Василий Кириллович Жутяйкин, автор многочисленных очерков и радиопостановок о кузбасских горняках и бывший фронтовой разведчик Петр Михайлович Попов. Иван Андреевич Сокол и Павел Викентьевич Бельский по-джентльменски сопровождали единственную женщину с боевыми орденами и медалями Наталью Федоровну Микушину, связиста на фронте и инженера центральной аппаратной областного радио. Гостей встречали накрытые столы и настоящая (только новая, не пробитая осколками) полевая палатка, позаимствованная в областном драматическом театре, из которой наши девчонки в пилотках выносили фронтовикам «наркомовские 100 грамм» и горячую кашу. Вот так мы помогли нашим старшим коллегам вернуться в их далекую боевую юность. И полились воспоминания «об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах... Вы видели, как в киношном дыму воссозданного фронтового ада, когда кажется, что небо и земля поменялись местами, ползет, зажимая в зубах провод, который нуж-

но соединить с перебитым, солдат? А солдатам этим всего-то по 17-18 лет. И среди них одна девчонка, наша Наталья Кулинич.

Было ли страшно им? Говорят, что о страхе, о смерти от шальной пули в такие минуты не думаешь, потому что начальник отдела, провожая тебя, кричал: «Если через 5 минут связи не будет, расстреляю». Таких угроз Наталья слышала немало, когда воевала на Втором Прибалтийском фронте под началом маршала Еременко. А сколько натерпелась страха, когда в Литве три месяца день за днем пытались вырваться из окружения.

Первым Прибалтийским фронтом тогда командовал маршал Баграмян, которого все любили за спокойный нрав. И наша Наташа вспоминает его сегодня с благодарностью: работалось с ним легко, да и война уже катилась к концу.

У белорусской писательницы Светланы Алексиевич в свое время вышла книга «У войны не женское лицо». Да и наши поэты-фронтовики писали, что война — это пот и кровь, и «просто грязная работа». Какое было выживать во фронтовых условиях девчонке? Когда она впервые попала в отделение правительственной связи, ужаснулась: молодые парни грязные, немые, раненые. Как им помочь? Побежала стирать бинты в озерцо, которое было рядом...

Сегодня Наталья Федоровна вспоминает: «Я ведь была одна среди бойцов, но они ко мне хорошо относились. И мальчишки — ровесники, и старшие. А про фронтовую любовь могу лишь сказать: я была строгой. Хотя, что такое домогательства начальства, знаю».

Что касается строгости. Мы, радийцы, знаем, что Наталья Федоровна Микушина, наш инженер, и в мирное время в рабо-

те всегда была строгой и требовательной к себе и другим. В ней как-то удивительно уживались мягкость и строгость. Спрашиваю: а когда было страшно на фронте, неужели не плакала? Отвечает: плакала по ночам, чтоб никто не видел.

— А научилась на фронте пить и курить?

— Нет. Курить стала уже после войны. А матом вот овладела.

Она приехала в Новосибирск в техникум связи на радио-факультет из деревни, что в Яйском районе. Когда закончила его, ей предложили: «Хочешь работать в военной организации?» Согласилась. А когда узнала, что речь идет о правительственной связи, испугалась, потому что знала: многих из техникума в 37-м году отчислили, кого по анкетным данным, кого еще почему-то.

И все же ее уговорили. Работала сначала в Новосибирске, потом в Кемерове, когда создавалась область. В Кузбасс тогда были эвакуированы многие заводы из европейской части страны, где уже вовсю шла война. И ей приходилось обслуживать правительственную связь, когда в Сибирь звонили Берия или Сталин.

В Кузбассе тогда на оборону работали заводы «Прогресс», азотно-туковый. В универмаге располагались цехи военного завода, а на том месте, где сейчас ресторан «Солнечный», был центр правительственной связи. Наталье дали квартиру в центре города, а поскольку молодежь тогда рвалась на фронт, вызвали в Москву и ее.

Кстати, с мужем Виктором Микушиным она познакомилась уже в конце войны на фронте. Он с войсками ушел на запад в Германию, а ее оставили в Риге. Через два года переписки встретились и уже не расставались.

Татьяна Шепель-Куропатова
АРМЕЙСКИЙ
ДНЕВНИК

«Сегодня, 28 ноября 1940 года, принимал присягу на верность своему народу», — так двадцатилетний Григорий положил начало дневниковым армейским записям.

Родился Григорий Романович Умнов 10 марта 1920 года. В семье Умновых было шестеро детей — четыре сестры и два брата. Отец — Роман Васильевич, крестьянствовал в деревне Цыпино Топкинского района, имея бедняцкое хозяйство. Но однажды осенью во время пожара сторел весь хлеб, заготовленный на зиму. Отец вынужден был поехать на заработки в город Топки, где поступил работать в вагонное депо.

Начинал учиться Григорий в сельской школе, а затем в Топках. Когда закончил девятый класс, решил помочь отцу с матерью. Пошел работать в Черемичкинскую школу учителем начальных классов. В это время заканчивал десятый класс.

Осенью 1940 года сдал вступительные экзамены и был принят студентом в государственный учительский институт на факультет русского языка и литературы, но учиться не пришлось: в августе 1940-го был призван в ряды Советской армии.

«Хочется учиться, читать, слушать, видеть. Скучаю по книгам. Вчера ночью с Каменским и младшим сержантом Немровым читали на память Сергея Есенина. Я был потрясен!»

Сильно скучал он по родной стороне.

«Целый день сижу на корме парохода. Стоит закрыть глаза — и сразу переносишься в далекое детство: сидишь будто на завалинке, и в глаза солнце, а сбоку об руку трется мордочкой кошка. Мурлычет. Откроешь глаза, а вокруг бесконечные гря-

ды сопок, темно-зеленые волны Амура, а по берегам — деревни рыбаков да маяки».

Тогда еще война была впереди, а пока шла обычная армейская жизнь.

«Вот и Первое мая. День теплый и солнечный. Несу сегодня почетную вахту. Живу, учусь, служу на благо Родины, народа своего и Земли Родной. Читаю по возможности и пишу по возможности. Сегодня видел Тахтеева. Оставил мне адрес. Осенью демобилизуется, едет в Якутию, на север. Почти всю зиму мечтал он попасть на север. Хочет идти с экспедицией, весь север обойти. Если бы я увольнялся этой осенью, пошел бы с ним».

Но прошла не одна еще осень, прежде чем Григорий Умнов демобилизовался.

«Дождь, грязь, сырость. Живем в палатках. Пять месяцев не писал. Война. Много сделано за эти месяцы и пережито тревог и надежд».

«Шли с учений. Сильно устали. Остановились под Михайловкой. Из одного дома вышла женщина и сказала: «Вы бы зашли, сыночки, покушали. Я картошки наварила. Зайдите, а то вон как далеко еще идти». Мы отказались, поблагодарив ее. Всюду встречаем благодарность и любовь населения к Красной Армии».

Григорий Романович привез с войны не только дневники, но и тетрадки со стихами.

«Вызвали в штаб полка. Беседовал с комиссаром. Получил задание написать песню о Сахалинских воинах».

Задание это было выполнено. В 1942 году красноармейская газета «За Советскую Родину» опубликовала песню Дальневосточных стрелков младшего сержанта Григория Умнова.

Там были и такие строки:

*Шумит кругом родная нам тайга,
Ползет туман среди высоких гор,
Все это манит взор заклятого врага.
Ему дадим мы сокрушительный отпор.
Здесь нефть и уголь, города и села.
Все это наше, мы не отдадим!
В труде упорном, с песнею веселой
Мы оборону Родины крепим.*

Стревогой, надеждой, нетерпением ждет солдат весточку из родного дома. На Сахалин письма приходили не часто с попутным транспортом по воде да по воздуху.

«Получил письмецо из дома. Сестренка Даша в авиополку на фронте. И наша родная кровь на пользу отечества. Сестра Надя на заводе в Кемерове делает военную продукцию. Я на Сахалине. Разлетелось родное гнездо, разрушилось».

В марте 1944-го пришло письмо от старшей сестры Даши: «Гриша, хочу сообщить тебе две новости: я вступила в партию и получила медаль «За боевые заслуги». На аэродромах долго сейчас не стоим, часто перелетаем с одного на другой. Где бы ни проезжали, видим, как мало осталось городов и деревень после проклятого зверя».

«Наши войска дерутся уже на территории Румынии, они вышли на линию государственной границы Чехословакии и Венгрии. События с каждым днем назревают. Скоро должна прогреметь весть о падении черной Германии. Счастье вместе с солнцем взойдет над миром. Проснется совесть и у врагов наших, и тогда они будут каяться и просить пощады».

Эти строки были написаны в дневнике за год до Победы. Но и когда она свершилась, война для дальневосточных воинов не закончилась. Предстояли еще тяжелые, кровопролитные бои, за которые командир отделения Г. Умнов был награжден медалью

Григорий Романович Умнов

«За победу над Японией», которую всегда считал самой дорогой и почетной для себя.

Из дневника: «Пятнадцать километров пробирались по пояс в болотной воде. Технику несли на себе. Шинели и личное имущество пришлось побросать.

Ночь захватила на полпути. Мокрые, мы легли на мокрый мох, нарвали его и обложили им себя, чтобы нас не обнаружили. Так провели мы первую ночь на вражеской территории».

Как и все солдаты, Григорий бросил все личное имущество, но спрятал за гимнастерку тетради, пронес свои записи через болота и стужу, бои и пожарища.

«Сильно беспокоят минометы и гранатометы. От девятой роты осталось пять человек. Большинство ранены. Разрывные

пули. От седьмой роты не осталось ни одного офицера. Убит командир батальона Смирных. Завязались тяжелые бои».

Газеты того времени сообщали: «Борьба за Южный Сахалин протекает в исключительно неблагоприятных условиях. Горно-лесистая местность, болота, большие разливы рек сковывают действия наших танкистов, артиллеристов, пехоты. К этому надо добавить, что японцы при отступлении уничтожают все мосты. Нашим бойцам приходится на себе тащить тяжелую материальную часть по сопкам, воде, грязи».

В то время, как война на Западном фронте увенчалась полной победой над фашистской Германией, Квантунская армия милитаристской Японии не желала прекратить кровопролитные сражения. А второго сентября 1945 года в солдатском дневнике появилась новая запись:

«В Тайахаре японцы вырезали ножами двадцать наших моряков. Там же трое советских танкистов нагнулись к ручью умыться и были зарезаны. Кто сказал, что война закончилась? Мне двадцать пять лет. Но я уже седой. Седая молодость — следы этих военных лет. Не легко. Но я горжусь, что служу своей Родине».

Высоко ценились на войне армейская взаимовыручка, солдатская поддержка. Братьями, чья дружба была проверена боем и скреплена кровью, становились те, кто прошел вместе по суровым дорогам войны.

«Брожу по лесу, по дорогам старым, по опустевшей казарме, и глухо, и тоскливо. Я осиротел так, как еще не было: мой взвод ушел, остался я один. Я только теперь понял, как я привык, как я любил эту боевую семью. С кем переживаешь трудности и суровость жизни, делишь все, трудно, очень трудно расставаться.

Брожу я один, и тяжело мне без товарищей боевых, без моего взвода, моей боевой семьи».

У солдата, защищающего Родину, особые чувства к ней. Как никогда, на войне обостряется чувство долга, ответственности, любви к родной отчизне вообще и маленькому уголку, где прошло беззаботное детство в частности. Уголку, с которым и отождествляется понятие Родины: «Любовь к Родине прививается в детстве с любви к реке, к березе, к голубому небу и солнцу. К крику гусей за рекой, к реву коров, идущих с пастбища, к русской раздольной песне.

Вчера вечером была большая гроза, что редкость на Сахалине. Молнии, как огненные змеи, носились по небу, гром рвал все в клочья, и казалось, рушится все зримое и незримое. Потом пошел град. Метался и прыгал круглый град по зеленой земле.

Как давно я этого всего не видел. Родная моя Сибирь, светлая страна моя! Скоро ли увижу я твои луга и пашни? Скоро ли услышу шум берез? Родные места, свидетели счастья! Родина! Кто не умрет за тебя с радостью, лишь бы быть с тобой вместе».

Но Умнова преследовало чувство, что сделано мало, что время торопит, а необходимо успеть сделать множество дел: «Ждать нет терпенья. Жизнь проходит неудержимо вперед без деятельности, с осадком неудовлетворенности к себе и своим действиям. Прошло двадцать пять лет, а я еще ничего не сделал. А ведь каждая минута дорога. За одну минуту можно написать хороших 15-20 слов, которые пойдут кому-нибудь на пользу. Надо спешить, надо торопиться жить».

И он торопился. После окончания войны Григорий Романович сменил винтовку на перо журналиста. И к каждой заметке, ре-

портажу, очерку относился так, будто это тоже бой. Бой за человека, за могущество Родины, за торжество идей.

Он стал солдатом слова и отдал любимому нелегкому делу всю жизнь. Закончил заочно институт, затем учился в Высшей партийной школе. После войны Григорий Романович более двадцати лет проработал собственным корреспондентом газеты «Кузбасс», при этом часто переезжал в разные города нашей области.

В 1966 году Григорию Умнову предложили возглавить газету «Заря», и семья обосновалась в Кемерове. По отзывам коллег, которые с ним работали, Григорий Романович владел организаторским талантом и даром печатного слова. «С виду — суровая неприступность, но когда поднял взгляд...

Думаю, именно тот, вовсе не хмуро-строгий, а, скорее, лукавый прищур открыл мне Григория Романовича», — так характеризует своего «шефа» журналист Владимир Михеев, который в 70-е годы работал в «Заре».

Марина Григорьевна, дочь Григория Романовича, вспоминает, как в их двухкомнатной квартире на раскладушке периодически ночевали молодые люди из глубинки, которые приезжали со своими произведениями. Григорий Романович поддерживал активную творческую молодежь.

Он посвятил истории Кузбасса немало очерков, зарисовок. Вышло несколько брошюр об истории хозяйств Кемеровского района: «Совхозные горизонты», «Госплемзавод «Октябрьский».

Благодаря Григорию Романовичу страна узнала о людях Кузбасса: рассказы о жителях области были опубликованы в московских изданиях. В 1978 году ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Мария Щербакова

ТАКИМ БЫЛ МОЙ ДЕДУШКА?

Многие из нас, проходя по улицам областного центра, неоднократно и зачастую случайно обращают внимание на расположенные на стенах домов мемориальные доски заслуженных жителей нашего города. Леонов, Мартемьянов, Подгорбунский, Дорофеев, Глотов и многие другие, известные и не очень фамилии выгравированы на граните, мраморе или металле. Но многие ли из нас задумываются над тем, что за этими фамилиями скрывается человеческая жизнь, наполненная радостями и горестями, успехами и падениями, достижениями и потерями?! Думаю, нет... Лишь близкие люди знают, итогом каких жизненных перипетий является появление подобного островка памяти и признания... И лишь близкие люди, остановившись перед домом номер 7 по улице Васильева, увидят за увековеченной на зеленом граните надписью «Щербаков Максим Гаврилович, Заслуженный работник культуры ...» судьбу замечательного человека, человека с большой буквы, внучкой которого мне посчастливилось быть.

Написав эти строки, я в который раз задумалась над вопросом: «А каким был мой дедушка Максим?» И, наверно, впервые мне пришел самый правильный ответ: «Он был человеком вне времени». Года лишь смогли окрасить его волосы сединой, но до последних дней не побороли молодую энергичную душу и горячее отважное сердце паренька, родившегося 2 февраля 1926 года в деревне Таежной Александровке Мариинского района в большой и бедной рабоче-крестьянской семье.

Нечасто, но всегда интересно рассказывал дедушка о том, как учился в Александровской начальной школе в родной деревне,

как потом несколько лет ходил в среднюю школу в соседний Колеул и как после школы работал в промартеле «Память Кирова» в Таежной Александровке, где и застала его война.

За месяц до 17 дня рождения, 25 декабря 1942 года, Максим Щербаков был призван в армию на курсы младших командиров, где вскоре был назначен начальником военно-учебного пункта подготовки призывников 1925-1926 годов рождения. Ноябрь 1943 года дедушка встречал на станции Клюквенная Красноярского края, где в течение шести последующих месяцев проходил военную подготовку в 36-м учебном полку полковой школы Сибирского военного округа.

И именно оттуда весной 1944 года восемнадцатилетний юноша был отправлен на Ленинградский фронт, где в составе 996-го стрелкового полка 286-ой стрелковой Ленинградской Краснознаменной дивизии прошел от Токсова до Выборга и далее до границы.

Вот как много лет спустя он описывал свои военные годы в найденном в семейном архиве черновике письма учащимся школы № 20 г. Череповца: «Первое время был стрелком, потом заряжающим 82-мм миномета, позже — связным командира роты Сантылова Александра Ивановича. Спустя 37 лет встретился с ним, прошли по местам боев нашего полка, стал поддерживать связь с ветеранами нашей дивизии.

Когда Финляндию в сентябре 1944 года выбили из гитлеровской коалиции, в ноябре меня направили в Новосибирское военно-пехотное офицерское училище. Победу встретил здесь.

В декабре 1946 года демобилизован инвалидом войны третьей группы»

Воспоминания дедушки о первых после-

военных годах связаны с городом Новокузнецком (в то время Сталинском) и с активной работой в комсомольских органах. С марта 1947 года по ноябрь 1950 года он возглавлял комсомольские организации в ФЗО № 50, ремесленном училище № 1, строительном управлении № 4 треста «Жилстрой», а затем два года заведовал отделом кадров и оргработы Сталинского горкома ВЛКСМ. В сентябре 1949 года дедушка вступил в коммунистическую партию, членом которой оставался всю свою жизнь.

И примерно в это же время серьезные изменения произошли в его личной жизни: 8 мая 1949 года он женился на Екатерине Давыденковой, с которой прожил бок о бок более 50 лет, вплоть до самой смерти, а 24 февраля 1950 года у них родился сын Валерий.

Упорство, целеустремленность, принципиальность и общительность молодого Максима не могли быть не замечены его руководством и сослуживцами, и поэтому именно дедушка в сентябре 1952 года был направлен на учебу в Москву в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ, куда вместе с ним направилась и его молодая семья.

Направление на работу в редакцию областной молодежной газеты «Комсомолец Кузбасса», полученное Максимом Щербаковым по окончании в августе 1954 года Центральной комсомольской школы, можно считать официальным началом его журналистской деятельности, которой он посвятил всю свою дальнейшую жизнь.

Однако первые статьи, найденные мной в дедушкином архиве, опубликованы в Сталинской городской газете «Большевицкая сталь» еще в 1949 году, то есть написаны им еще в бытность комсоргом строительного

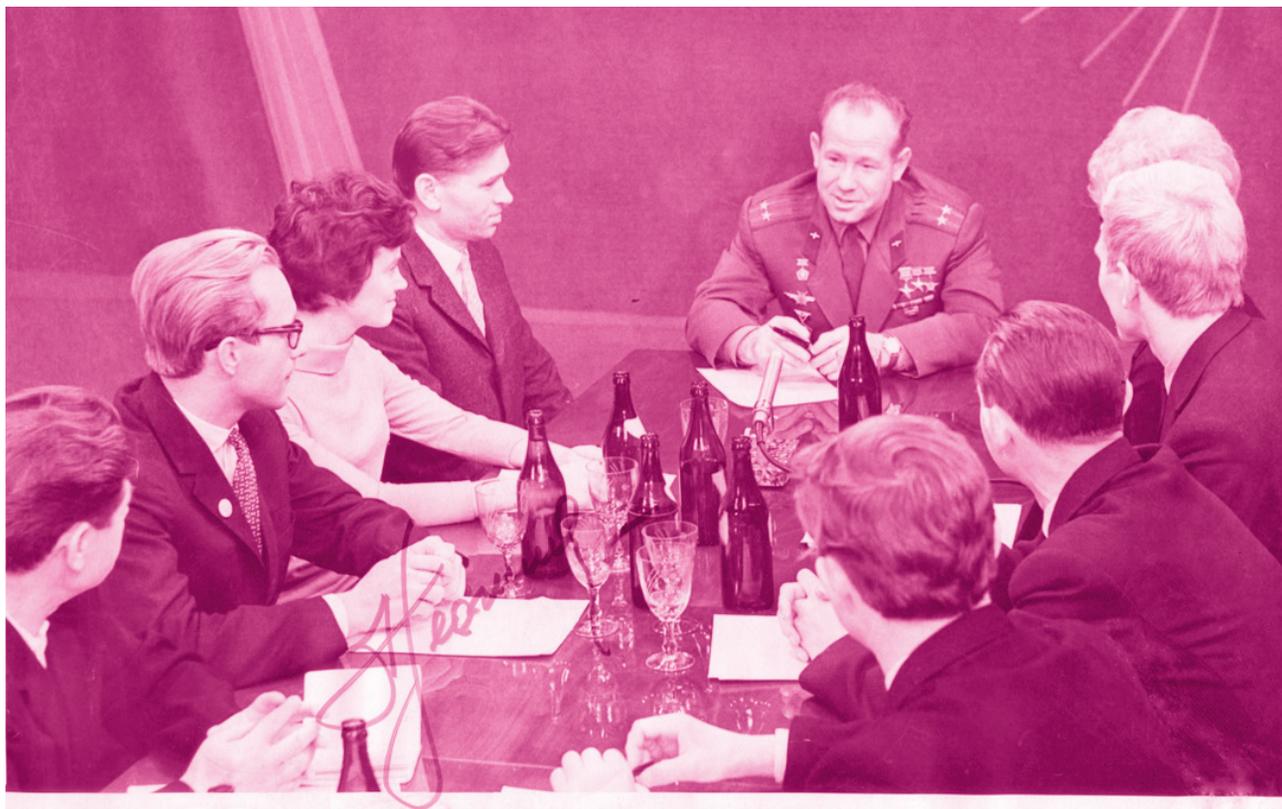

управления. «Каменщик Александр Тихончук», «Бетонщики», «Люди одного коллектива» — с первых своих строк он писал о простых людях, живущих и работающих рядом с ним, о радостях и горестях их повседневной жизни.

Злободневные статьи о комсомольских буднях и праздниках, увлекательные исторические очерки, острые фельетоны о недостатках современной жизни, написанные дедушкой за пять лет работы заведующим отделом комсомольской жизни редакции «Комсомольца Кузбасса», сделали его одним из самых профессиональных и уважаемых журналистов и позволили в 1959 году заслуженно занять должность редактора этой газеты.

В огромных папках, хранящих дедушкины документы, встречается и множество экспонатов, связанных с XIV съездом ВЛКСМ, делегатом которого он был в 1962 году. Это не только газетные репортажи с места событий для «Комсомольца Кузбасса», но и многочисленные фотографии, как с самого съезда, так и с различных культурных мероприятий и встреч с известными людьми: вот фото с Гагариным, а вот с полярниками, сумевшими выжить на дрейфующей льдине... Нашлась в этих папках и дедушкина Трудовая книжка, где после даты 31 августа 1963 года следует запись: «На основании решения Кемеровского промышленного обкома КПСС направлен с 1 сентября 1963 года на учебу в Высшую пар-

Алексей Архипович Леонов с журналистами, Максим Гаврилович Щербаков (слева)

тийную школу при ЦК КПСС». Так Максим Щербаков становится слушателем отделения печати, радиовещания и телевидения, а его семья, в которой уже два сына (младший Александр родился 20 сентября 1955 года), на два года поселяется в Москве. Свои впечатления о пребывании в ВПШ дедушка хорошо описал в своей последней незаконченной из-за внезапной смерти статье, посвященной юбилею газеты «Кузбасс»: «Два года учения в столице были насыщены не только лекциями, семинарскими занятиями, но и незабываемыми встречами с журналистами высокой пробы, практикой в редакциях «Правды», «Известий», «Труда», «Сельской жизни», работой над первоисточниками в архивах Москвы, других городов... Не забыть ярких выступлений в стенах школы знаменитых писателей и поэтов, известных рабочих и крестьян... Отсюда, из Москвы, я отправил для «Комсомольца Кузбасса» большое интервью с бывшим комендантом Московского Кремля... Здесь записал беседу с нашим земляком-космонавтом Алексеем Архиповичем Леоновым (прямо в его квартире) для «Кузбасса».

После окончания партийной школы дедушка с семьей возвращается в Кузбасс, а в сентябре 1965 года главный редактор областной газеты «Кузбасс» Н.Я. Троицкий подписывает приказ о назначении Максима Гавриловича Щербакова заведующим отделом пропаганды, на посту которого он проработал более 20 лет, одновременно являясь членом редакционной коллегии «Кузбасса». Все это время дедушка не только продолжает активную журналистскую практику и становится автором и составителем ряда книг, но и успешно реализует зародившуюся еще в стенах ВПШ идею создания музея истории газеты. А в 1969 году

он еще раз ощутил на себе ужас боя, проведя две недели среди пограничников заставы Нижняя Михайловка и Сопки Кулебякинские, защищавших от китайских провокаторов остров Даманский. Об этих событиях дедушка написал серию блестящих репортажей и первым рассказал кузбассовцам о нашем земляке Герое Советского Союза Юрии Бабанском.

Многочисленные газетные вырезки являются также свидетельством того, что одной из важнейших тем профессиональной деятельности дедушки Максима как бывшего фронтовика всегда являлась правда о войне.

Он не только живо интересовался судьбами солдат Великой Отечественной и находил незаслуженно забытых ее участников, но и разоблачал тех, кто, пользуясь сложностью времени и ситуаций, присваивал себе чужие подвиги и награды. Один из первых подобных материалов нахожу в вырезках «Комсомольца Кузбасса» за 1961 год: серия статей о Герое Советского Союза Владимире Мызо, выпуску которой, по рассказам дедушки, предшествовало целое журналистское расследование.

Один из последних — очерк «Кавалеры чужих орденов» — в 2001 году в газете «Кузбасс». С 1 апреля 1986 года мой дедушка — персональный пенсионер республиканского значения. Но ни тогда, будучи семилетней девчонкой, ни сейчас, стоя на пороге своего тридцатилетия, я не могу представить деда Максима в устоявшемся в нашей стране образе дедушки-пенсионера, целыми днями сидящего на лавочке возле подъезда и обсуждающего то плохую власть, то неряху-дворника, то шумных невоспитанных подростков. Мой дедушка-пенсионер всегда был на работе...

Он продолжал писать для областных газет, часами стуча по клавишам печатной машинки, он в течение четырех лет преподавал историю русской журналистики студентам факультета филологии и журналистики Кемеровского государственного университета, лучшие из которых с 2002 года получают стипендию имени М.Г. Щербакова. Он активно участвовал в деятельности областного Совета ветеранов войны и труда, являлся членом Кемеровского облисполкома КПРФ и Совета старейшин при Губернаторе, руководителем исполкома областного движения «Народовластие». А в редкие свободные часы собственными руками проектировал и строил дачный домик, выращивал овощи, ловил рыбу, собирал кедровые орехи.

Татьяна Оспищева

**ТАНКИСТ,
ДОШЕДШИЙ ДО ВЕНЫ**

Александр Морозов закончил Великую Отечественную войну в Вене танкистом. Несколько десятков лет, отданных главной газете области «Кузбасс», были для него плодотворными и творчески яркими. Но сегодня небезынтересно услышать о нем из уст вдовы Людмилы Николаевны Морозовой.

Людмила Николаевна рассказывает:

— Родился он в алтайской деревне. Мать и отец из крестьян. В семье была еще старшая сестра — Арина. Надо сказать, жили они небогато, но очень дружно. Деревня отдаленная, транспорт не ходил, да и дорога к ним была кое-где лишь лежневая. Детство было у него нелегкое. Родители и крестьянский труд — вот его воспитатели.

— А как он попал на фронт?

— Началась война, его мобилизовали.

Он был здоровый, красивый, на зависть всем девчонкам. Пять лет отдал армии. Рассказывал, что в мае 1945 года, когда вся Европа утопала в яблонево цвету, их бригада находилась в Вене, столице Австрии. Здесь он встретил Победу. А после войны решил учиться журналистике. И познакомились мы с ним в Томске.

По воле судьбы он и я снимали жилье у одной и той же хозяйки. Жили в соседних комнатах. И приглянулись друг другу, познакомились, вместе часто гуляли и...решили сыграть свадьбу. Я в нем ценила не только настоящую мужскую статью и выправку, но и интеллигентность. Интеллигентным, корректным и добрым в отношениях, с хорошим чувством юмора он был всегда. После Томска, где Александр Пантелеевич работал в молодежной газете, мы переехали в Кемерово.

— В газете «Кузбасс» его вспоминают до сих пор, хотя прошло уже 20 лет после ухода на пенсию...

— Да, «Кузбасс» для него был и второй семьей, и школой жизни, и творческой лабораторией, и кладезем опыта. Здесь он работал с прекрасными журналистами, трудился с упоением, удовольствием в трудном отделе писем, а затем в секретариате. Раньше ведь отдел писем был барометром отношений читателей и редакции, а секретариат — это штаб редакции.

В коллективе его любили за организаторские способности. Как мне помнится, не без его инициативы Девятого мая редакция традиционно устраивала «землянки» на природе, в честь журналистов — «кузбассовцев», участников войны. А какими сказочными были коллективные поездки за грибами в березовые рощи, в тайгу!